

ОГОНЁК В СИБИРИ

Путешествие по Оби. Теги — деревня хантов. Утром возле сельского Совета собралась группа жителей в национальной одежде. По нашей просьбе, потому что день-то был рабочий, и яркую, с оригинальными орнаментами национальную одежду ханты теперь носят лишь по праздникам. А семилетний Валерка, сын учителя Максима Отшамова, показал танец охотника за белками (см. в номере очерк «Хождение в завтра»).

Спускаемый аппарат автоматической станции «Марс-3» совершает мягкую посадку на поверхность планеты Марс.

Рисунок А. Соколова.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 51 (2320)

18 ДЕКАБРЯ 1971

Варшава. Проводы делегации КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.
Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС).

НЕРУШИМОЕ ЕДИНСТВО

12 декабря из Варшавы в Москву возвратилась делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым, принимавшая участие по приглашению Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии в работе VI съезда ПОРП.

На Белорусском вокзале делегацию встречали товарищи Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов и другие официальные лица.

VI съезд ПОРП явился выдающимся событием в жизни Польской объединенной рабочей партии и всего польского народа.

Форум польских коммунистов показал нерушимое единство партии и народа, решимость трудящихся масс претворить в жизнь программу созидания нового общества, продемонстрировал верность партии великим идеалам марксизма-ленинизма, принципам пролетарского интернационализма.

Съезд избрал руководящие органы партии, единодушно принял резолюцию «За дальнейшее социалистическое развитие Польской Народной Республики», а также резолюцию по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе.

Первым секретарем ЦК ПОРП избран товарищ Эдвард Герек. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев тепло и сердечно поздравил Э. Герека с избранием на этот пост.

Москва. Встреча делегации КПСС на Белорусском вокзале. **Фото А. Пахомова.**

ВО ИМЯ МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА

ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ КОММЕНТИРУЕТ РЕЧЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВА НА VI СЪЕЗДЕ ПОРП

Новым свидетельством растущей мощи социализма и торжества марксистско-ленинских идей стал недавно закончившийся в Варшаве VI съезд Польской объединенной рабочей партии. В его работе участвовало около семидесяти делегаций коммунистических, рабочих и социалистических партий из разных стран мира. Делегацию КПСС возглавлял Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Речь Л. И. Брежнева на съезде вызвала широкие комментарии в зарубежной печати.

В статье «Общий фундамент» «Жиче Варшавы», выделяя основные положения речи Л. И. Брежнева, пишет: дружба, сотрудничество и братский союз с СССР определяют место Польши в великой исторической борьбе за будущее мира, являющейся знамением нашего времени. Центральные газеты ГДР, поместив полностью текст речи Л. И. Брежнева, отметили его слова о том, что тесное сплочение социалистического содружества представляет собой главную, основную линию развития мирового социализма. С трибуны съезда польских коммунистов, написала чехословацкая газета «Вечерни Прага», Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев выступил с новым благородным призывом к радикальному улучшению политического климата в Европе.

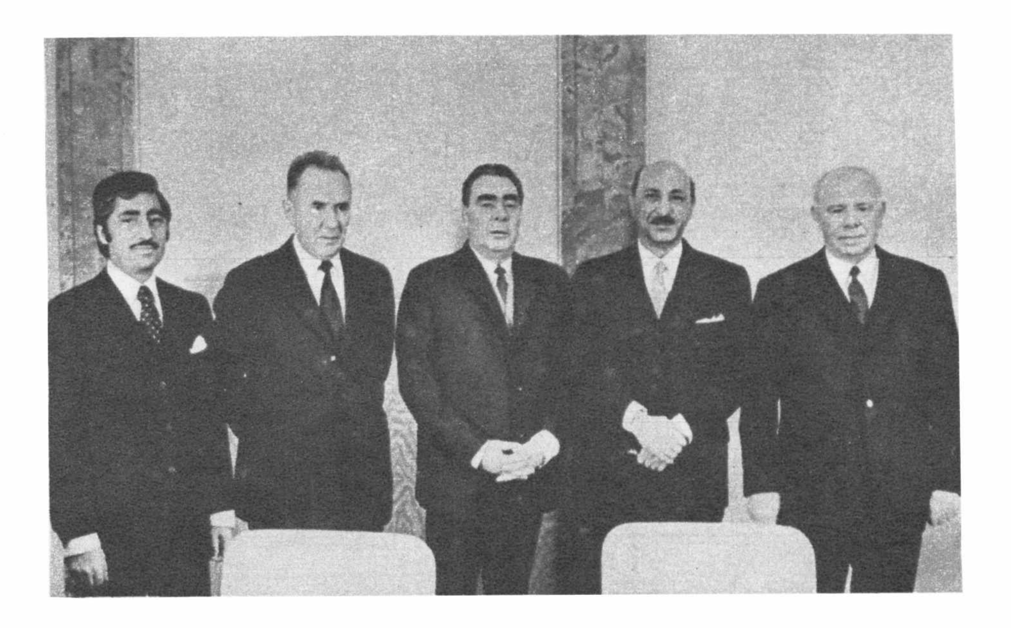
Эта часть речи Л. И. Брежнева вызвала оживленные комментарии многих органов западной прессы. В них подчеркивается важное значение, которое придает Советский Союз и другие социалистические страны созыву общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. Так, «Нью-Йорк таймс» в корреспонденции Джеймса Ферона констатировала: Л. И. Брежнев призвал Запад к практическим шагам в ответ на предложение стран — участниц Варшавского Договора провести в будущем году общеевропейское совещание по вопросам безопасности и сотрудничества. Газета «Харавги», выходящая на Кипре, опубликовав в изложении ТАСС речь Генерального секретаря ЦК КПСС на VI съезде ПОРП, выделила то место, где говорится, что разрядка, сотрудничество и безопасность в Европе не могут продвигаться вперед без встречных усилий с обеих сторон — и с Востока и с Запада. Отметив ту часть речи Л. И. Брежнева, где он заявил, что общеевропейское совещание вполне можно было бы созвать уже в 1972 году, западногерманская газета «Франкфуртер рундшау» подчеркнула, что в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС «содержался призыв к участникам брюссельской сессии НАТО продемонстрировать, действительно ли государства — члены этого блока готовы принять предложения стран Варшавского Договора, направленные на смягчение напряженности».

Многие органы зарубежной печати особенно выделили слова руководителя делегации КПСС о том, что народы мира все яснее видят и все лучше понимают, что боевая солидарность социалистических стран, их твердая и непримиримая позиция в отношении империалистической агрессии — один из главных устоев мира, безопасности и свободы народов.

Каирская газета «Аль-Ахрам» приветствовала слова Л. И. Брежнева, что социалистические страны делают все, чтобы опрокинуть планы израильских захватчиков и их покровителей, помочь арабским народам отстоять свои законные права, содействовать установлению справедливого мира на Ближнем Востоке.

Печать многих стран мира особенно выделила также высказывание Генерального секретаря ЦК КПСС по поводу индийско-пакистанского конфликта, разделяя его оценку нынешних событий на полуострове Индостан. Л. И. Брежнев, указывает алжирская газета «Аль-Муджахид», заявил, что Советский Союз решительно выступает за прекращение кровопролития, за мирное политическое урегулирование возникших проблем с учетом законных прав народов, без какого-либо вмешательства внешних сил. Горячо поддерживая позицию Советского Союза, изложенную в речи главы делегации КПСС, индийская печать отмечает, что Советский Союз выступает за создание условий прочного и справедливого мира на полуострове Индостан, против какого-либо вмешательства извне, за политическое урегулирование возникших проблем.

Мировая печать, комментируя речь Генерального секретаря ЦК КПСС на VI съезде ПОРП, обращает внимание на то, что она была проникнута горячим стремлением и заботой об укреплении всеобщего мира и развитии международного сотрудничества.

13 декабря в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с королем Афганистана Мухаммедом Захир Шахом, находившимся в Москве с неофициальным дружественным визитом.

В беседе, проходившей в атмосфере искренности и взаимопонимания, были обсуждены актуальные проблемы международного положения, в том числе положение на Индостанском субконтиненте, а также некоторые вопросы двусторонних отношений. Было выражено взаимное удовлетворение совпадением или близостью взглядов обеих сторон по международным проблемам, представляющим взаимный интерес, а также успешным развитием отношений дружбы, добрососедства и плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и Афганистаном.

Фото А. Устинова.

●

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства нашу страну с официальным визитом посетил Председатель Республиканского совета Йеменской Арабской Республики Абдуррахман аль-Арьяни.

В Кремле состоялись переговоры между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянским и Председателем Республиканского совета Йеменской Арабской Республики Абдуррахманом аль-Арьяни, премьер-министром и министром иностранных дел ЙАР Мохсеном Ахмедом аль-Айни.

Товарищ Н. В. Подгорный отметил близость позиций СССР и ЙАР по основным вопросам современной мировой политики и заявил: «Мы и дальше будем продолжать усилия, направленные на политическое урегулирование ближневосточного конфликта на основе укрепления единства арабских государств, усиления их отпора израильским агрессорам».

После завершения переговоров Председатель Республиканского совета ЙАР совершил поездку по Советскому Союзу, в программе которой посещение Ленинграда, Волгограда и Крыма.

На снимке: перед началом переговоров в Кремле.

Фото В. Будана (ТАСС).

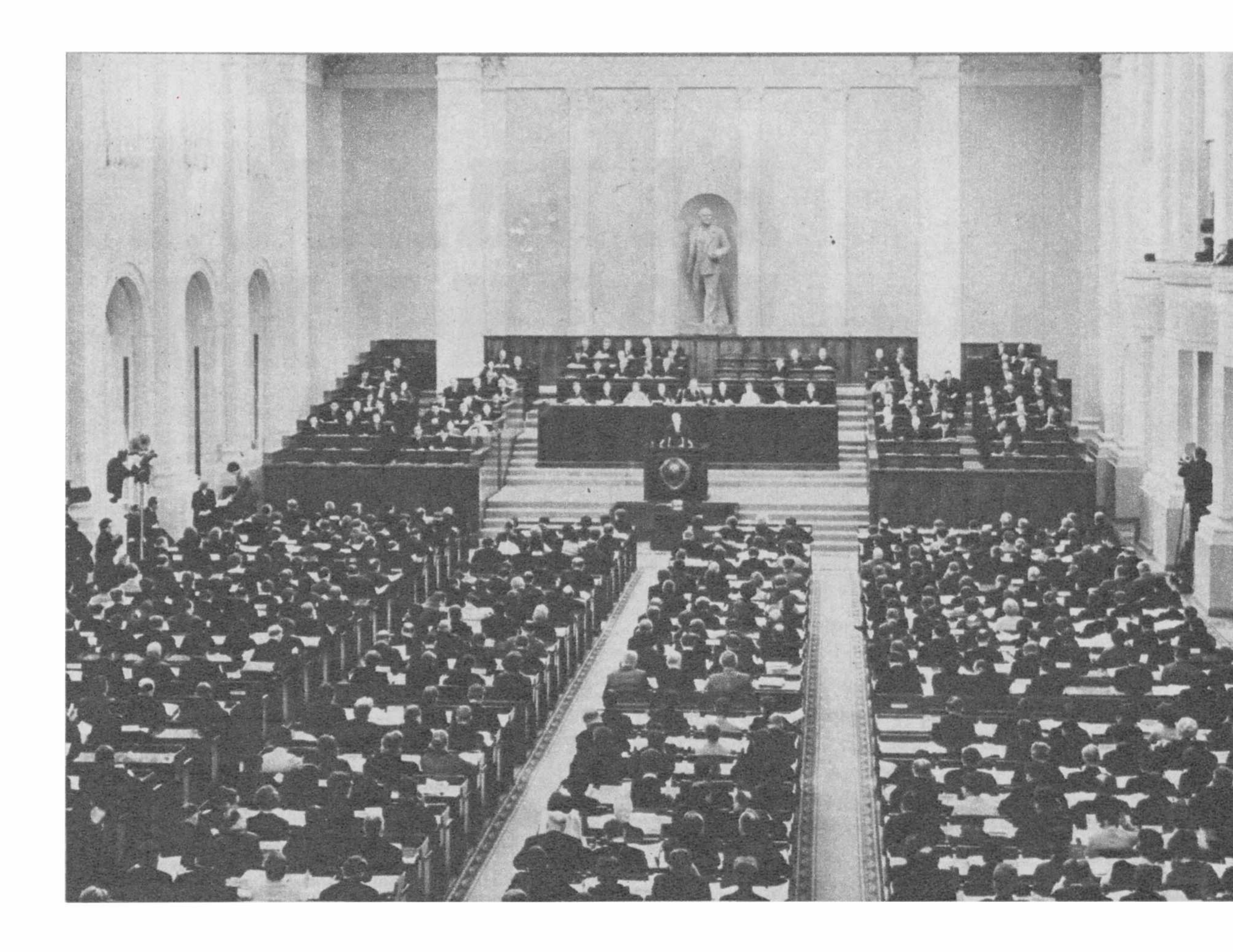
В Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялась вторая сессия Верховного Совета РСФСР восьмого созыва. Она открылась утром 8 декабря. Депутаты и гости продолжительными аплодисментами встретили товарищей Г. И. Воронова, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, Ю. В. Андропова, П. Н. Демичева, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова.

На сессии были обсуждены доклады и приняты Законы о Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства РСФСР на 1971—1975 годы и Государственном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1972 год; о Государственном бюджете РСФСР на 1972 год; принято также постановление об утверждении отчета об исполнении Государственного бюджета Российской Федерации за 1970 год.

Депутаты обсудили доклад и единогласно приняли Закон об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР.

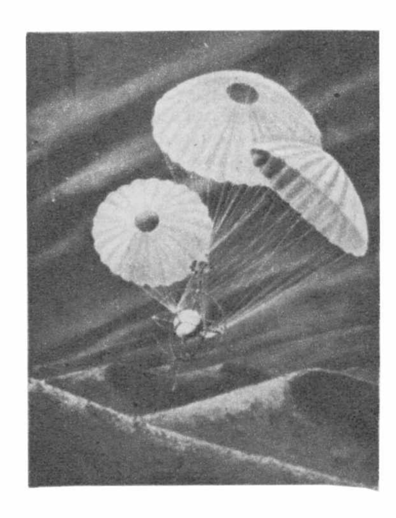
Утверждены Указы, принятые Президиумом Верховного Совета РСФСР между первой и второй сессиями.

Фото Е. Халдея.

А. СЕРОВ,
научный сотрудник

МАРС ДОСТИГНУТ

«Мягкая посадка на Марс» — это в общем-то новое для широкой общественности сочетание слов вместе с тем кажется понятным и привычным: была мягкая посадка на Луну, на Венеру, а теперь вот — на Марс. И только лишь специалисты по космической технике могут в полной мере оценить всю сложность этого блестящего научного и технического эксперимента, всю артистичность исполнения задуманного.

С какими же проблемами столкнулись ученые, снарядившие в путь к загадочной планете две автоматические станции? Или, может быть, советские конструкторы, с успехом пославшие научную аппаратуру на поверхность Луны и Венеры, с Марсом уже не испытывали затруднений? Ведь еще полвека назад в гостях у Аэлиты побывал толстовский инженер Лось, а уж если фантасты освоили Марс, то ученым и подавно такая популярная планета должна быть известна досконально.

Марс из всех планет Солнечной системы наиболее удобен для наблюдений: его разреженная атмосфера не в состоянии скрыть поверхность от наземных телескопов. Поэтому среди астрономов, казалось бы, не должны возникать разногласия в оценке физических условий у поверхности Марса, подобно тому как это было с Венерой перед стартом «Венеры-4». Вместе с тем атмосфера Марса — это готовое тормозное устройство, способное погасить чудовищную гиперболическую скорость подлетающего космического аппарата, это среда, в которой может работать парашют. Значит, большое преимущество по сравнению с Луной. Так почему же космонавтика, развивающаяся, как и любая другая отрасль человеческой деятельности, от простого к сложному, пришла к мягкой посадке на Марс через Луну и Венеру, а не наоборот? В чем же дело? Случайность ли это?

Нет, не случайность. Марс обращается вокруг Солнца по эллиптической орбите на среднем расстоянии от него в 227 млн. км, в то время как Земля — 150, а Венера — 108 млн. км. И вот в этих-то на первый взгляд невинных геометрических различиях кроется целая серия осложнений для конструкторов марсианских аппаратов. Прежде всего путь до Марса занимает полгода. Для разгона к Марсу требуется бóльшая скорость — на несколько сотен метров в секунду. А в пересчете на вес топлива (или на вес бортовой научной аппаратуры) это десятки и сотни килограммов. Весьма существенно!

Так как Марс от Солнца в два раза дальше Венеры, нужно менять систему терморегулирования и вчетверо увеличить площадь солнечных батарей. Площадь параболического отражателя бортовой антенны тоже возрастает пропорционально квадрату расстояния, а марсианская линия радиосвязи втрое длиннее «венерианской». Кроме того, возникают осложнения и в ориентации аппаратов. Марсианской антенне приходится «ловить» Землю более узким лучом, чем венерианской, значит, и задача у системы ориентации марсианского аппарата сложнее.

Наконец, более длинная траектория перелета повышает требования к навигации марсианских аппаратов. Кроме того, диаметр Марса почти в два раза меньше венерианского, а это отнюдь не облегчает задачу попадания в марсианский диск.

Итак, как мы убедились, одни только «геометрические» факторы полета к Марсу нагромоздили перед создателями межпланетных станций «Марс-2» и «Марс-3» гору осложнений — и все это в полном соответствии с законами небесной механики и прочими законами природы. Поэтому усложнялась конструкция, причем усложнялась настолько, что порою вынуждала переходить к совершенно новым решениям, к новым принципам

НЕБЛАГОВИДНАЯ ПОЗИЦИЯ

ЛЮДИ ДОБРОЙ ВОЛИ ВСЕГО МИРА ОСУЖДАЮТ ПОЗИЦИЮ ВАШИНГТОНА И ПЕКИНА В ИНДИЙСКО-ПАКИСТАНСКОМ КОНФЛИКТЕ

Антииндийская направленность внешней политики Соединенных Штатов вызвала бурное негодование в мире. Стремясь оправдать эту линию, официальный Вашингтон пытается представить дело так, будто он придерживается «нейтралитета». Однако поведение представителей США в ООН, выступления американских официальных лиц, резкие антииндийские акции, которые санкционировал президент Никсон, и, наконец, совпадение позиций США и КНР в индийско-пакистанском конфликте дают подлинное представление об истинном внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов.

Даже такая американская газета, как «Нью-Йорк таймс», вынуждена констатировать: «Не осудив репрессий в Восточном Пакистане и не добиваясь подлинного политического решения, Соединенные Штаты сейчас прямо обвинили Индию в том, что на ней лежит «главная ответственность» за возникновение этого международного конфликта. Правительство, которое медлило в течение нескольких месяцев, не прекращая военной помощи Пакистану, незамедлительно прекратило оказание военной и экономической помощи Индии. Это вряд ли можно назвать «абсолютным нейтралитетом».

Вводя экономические санкции против Индии, Соединенные Штаты заключают соглашение с натовской Португалией об оказании ей экономической помощи с целью закрепления своих военных баз на Азорских островах. В редакционной статье, комментирующей этот факт, газета «Нью-Йорк таймс» приходит к справедливому выводу: «Слишком большая готовность оказывать помощь диктаторским режимам и безразличие к борьбе угнетенных народов за самоопределение продолжают быть характерной чертой внешней политики правительства США».

Эдвард Кеннеди, выступая в сенате США, заявил, что на протяжении минувших восьми месяцев правительство США отказывалось осудить действия пакистанской армии: жестокие и систематические репрессии, осуществлявшиеся в Восточном Пакистане. Однако сейчас оно осуждает реакцию Индии в связи с положением на ее восточных границах. Сенатор увязал позицию США в индийско-пакистанском конфликте с усилиями правительства США сблизиться с Китаем, который занимает такую же позицию в нынешнем конфликте.

«На протяжении длительного времени,— заявил другой американский сенатор, Э. Маски,— США продолжали поставлять оружие Пакистану, несмотря на его репрессии в отношении населения Восточного Пакистана». Нынешние призывы США к прекращению огня без политического урегулирования проблемы, добавил он, способствуют сохранению старого положения, когда «пакистанские войска подавляли народ Восточного Пакистана».

В качестве резюме можно привести слова обозревателя газеты «Вашингтон пост» Крафта,

(например, к использованию автономной навигации и бортовой вычислительной машины — БЦВМ). В результате «Марс-3» стал совсем непохож на свою сестру «Венеру-7».

Как ни странно, когда речь зашла о проектировании марсианского спускаемого аппарата, оказалось, что мы о Марсе практически ничего не знаем. Конечно, ни рассуждения о жизни на Марсе, ни сведения о марсианских каналах для инженеров не представляли интереса. Им важно другое — точные параметры атмосферы и характеристика поверхности. Но здесь — сплошные неясности.

Да, Марс в отличие от Луны обладает атмосферой, которую можно использовать для аэродинамического торможения. Но в отличие от Венеры марсианская воздушная оболочка очень разрежена, тонка. Если попытаться посадить на Марс капсулу «Венеры-7», пользуясь той же техникой, результаты будут плачевными — капсула врежется в поверхность Марса со скоростью свыше километра в секунду, обеспечив марсиан собственной «проблемой тунгусского метеорита». Техника мягкой посадки на Луну на Марсе тоже не годится. Где же выход? Оказалось, выход есть. Ученые подсчитали, что для аэродинамического гашения скорости подлета, превышающей 5 км/сек., необходимо, чтобы спускаемый аппарат входил в атмосферу Марса по возможно более пологой траектории. При этом по сравнению со спуском по крутой траектории (как у «Венеры-7») возрастает длина пути, на котором происходит торможение капсулы. Чем более полога траектория спуска, тем меньше скорость встречи капсулы с поверхностью, тем, следовательно, легче система мягкой посадки.

Однако угол входа, конечно, нельзя уменьшать беспредельно: малейшая ошибка — и аппарат может вообще пройти мимо планеты или же «срикошетировать» от атмосферы.

В результате этих ограничений на систему управления ложится еще бо́льшая ответственность: обеспечить попадание спускаемого аппарата в узенькое кольцо, опоясывающее марсианский диск почти по периметру. Это много сложнее, чем просто попасть в диск планеты или выйти на орбиту ее спутника. Но и с этой задачей помогла справиться бортовая вычислительная машина и система автономной навигации.

Но успех мягкой посадки зависит не только от качественной работы системы управления. К сожалению, он определяется еще и самим Марсом, точнее, реальными условиями в районе посадки: рельефом, погодой и т. д. Поскольку атмосфера Марса весьма разрежена, очень большое значение приобретает истинная высота местности в выбранном районе. Не исключено, что на Марсе перепады высот достигают 20 километров. Это означает, что практически вся масса атмосферы располагается ниже вершин марсианских «эверестов»: при посадке на гору спускаемый аппарат просто не успеет погасить свою скорость. Поэтому для посадки выбирался по возможности низменный район поверхности. Правда, этот выбор осложнялся тем, что по топографии Марса ученые располагают пока что весьма скудными сведениями. Однако сам факт посадки говорит о правильности прогнозов.

Еще одна проблема, связанная опять-таки с атмосферой Марса. Мы знаем, что атмосферное давление там составляет 5 тысячных от земного. Осторожности ради можно сказать «пять плюс — минус два». И вот тут-то оказывается, что эти «плюс-минус» для тоненькой марсианской атмосферы весьма существенны: они сильно влияют на конечную скорость спускаемого аппарата. Небезразлична и такая характеристика, как ход плотности с высотой. Здесь тоже широкий простор для самых разных гипотез. Поэтому конструкторы спускаемого аппарата призвали на помощь специалистов по физике планетных атмосфер и решали проблему спуска на Марс совместно с ними. Для этого пришлось перебрать целый ряд гипотетических моделей атмосфер Марса, возможных и невозможных; провести анализ траекторий спуска для всех моделей и выбрать вариант, наиболее приемлемый для любых условий.

Но каверзы марсианской атмосферы на этом не были исчерпаны. Оставался еще один фактор, фактор погоды. Известно, что на Марсе могут бушевать исключительно сильные ветры. Тому свидетельство — пылевые бури, которые неоднократно отмечались на красной планете при наземных телескопических наблюдениях. По оценкам ученых, скорости ветра при пылевых бурях могут достигать значительных величин — около 100 м/сек., или 360 км/час. К счастью, статистика наблюдений Марса говорит, что такие ветры там дуют сравнительно редко. Однако планетологи еще не располагают достаточным количеством данных, чтобы прогнозировать погоду на Марсе на полгода вперед и гарантировать на 2 декабря 1971 года штиль в районе Моря Сирен. Мы и на Земле-то еще не научились предсказывать погоду достаточно правильно. Поэтому ученым, которые запускали в мае этого года межпланетную станцию «Марс-3», приходилось надеяться на среднестатистический ветер и предполагать, что в начале декабря погода на Марсе будет благоприятствовать задуманному эксперименту.

Но Марс не оправдал этих надежд: 20 сентября разразилась сильнейшая пылевая буря, которая вопреки статистике свирепствует вот уже три месяца. И все же спускаемый аппарат «Марс-3» совершил мягкую посадку и в таких, как говорят ученые, экстремальных условиях.

Информация с поверхности Марса передавалась на Землю через орбитальный отсек, который вечером 2 декабря стал вторым советским искусственным спутником Марса. Конечно, орбитальный отсек предназначен не только для ретрансляции сигналов со спускаемого аппарата: у него есть своя собственная интересная программа научных экспериментов, к выполнению которой он уже приступил. Исследования загадочной планеты продолжаются.

который в статье «Отсутствие реализма в отношении новой войны» пишет: «Странное сочетание моральной слепоты и политического нереализма характеризует позицию, занятую правительством Никсона в отношении индийско-пакистанского кризиса».

Что касается позиции в этом вопросе пекинских руководителей, то она вызвала справедливую критику в органах печати международного коммунистического и рабочего движения и законное негодование всех людей доброй воли, заинтересованных в упрочении всеобщей безопасности и торжестве свободы народов.

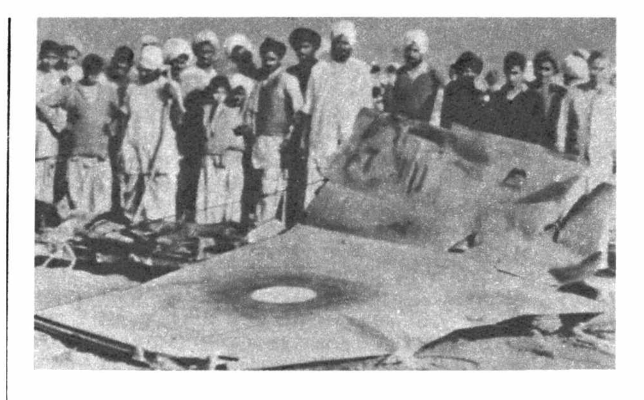
Орган коммунистов США газета «Дейли уорлд», анализируя позицию КНР в индийско-пакистанском конфликте и выступления китайского представителя, который использовал трибуну ООН при обсуждении этого вопроса для антисоветских клеветнических выпадов, пишет: «Маоисты в своем антисоветизме оказались на проимпериалистической платформе и стремительно скатились вправо».

Центральный Секретариат Коммунистической партии Индии опубликовал заявление. В нем говорится: «Политика маоистского руководства Китая и позорная роль, которую оно сыграло в Совете Безопасности в сговоре с американским империализмом, показывают, как далеко оно отошло от идеологии и принципов международного коммунистического движения».

Финская газета «Тиедонантая», резко осуждая политику КНР в индийско-пакистанском конфликте, указывает, что империализм США во многом рассчитывает на деятельность Китая, направленную против Советского Союза и стран — участниц Варшавского Договора. Однако, поддерживая репрессии пакистанских властей в отношении населения Восточного Пакистана, «Китай и США берут на себя ответственность за дальнейшее развитие событий».

Бейрутская газета «Аш-Шааб» пишет, что, обрушиваясь с критикой на Советский Союз, китайские руководители совершенно необоснованно игнорируют права народа Восточного Пакистана, пытаясь перечеркнуть всю его борьбу за свою свободу и независимость. Газета подчеркивает, что, стремясь исказить и очернить позицию Советского Союза в отношении конфликта между Индией и Пакистаном, пекинские лидеры становятся соучастниками планов империализма.

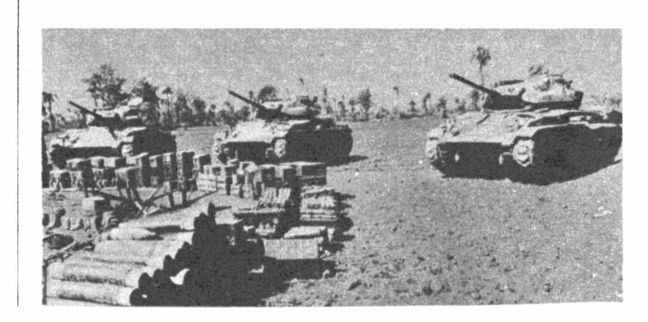
Такова неблаговидная позиция, которую заняли США и КНР в индийско-пакистанском конфликте.

Индийские крестьяне у обломков пакистанского самолета, сбитого индийской артиллерией в секторе Амритсара.

Индийские войска отразили наступление пакистанских войск, пытавшихся проникнуть на территорию Индии в районе Бойра (Восточный Пакистан). Было уничтожено 14 танков и выведено из строя свыше 250 пакистанских солдат.

Фотохроника ТАСС.

НАШ ВЗГЛЯД

ИНДОСТАН: ЗА СПРАВЕДЛИВОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

Николай ПАСТУХОВ

Тема трагических событий на Индостанском полуострове заняла одно из ведущих мест на страницах зарубежной печати. Публикуются комментарии, корреспонденции с места боев и из ООН. А тем временем военные действия продолжаются. В момент, когда пишутся эти строки, индийские войска, которые выполняют освободительную миссию во имя возвращения десяти миллионов беженцев в родные места и избавления восточнопакистанского населения от жестоких репрессий, находятся на подступах к Дакке. Начальник штаба пакистанских войск в западной части Восточной провинции Рао Фарман Али просил разрешения у своего правительства сложить оружие в обмен на обеспечение безопасной эвакуации западнопакистанского военного и гражданского персонала, но его предложение было отклонено.

Во имя кого и ради чего продолжается это бессмысленное кровопролитие? Совершенно очевидно, и в этом убеждены все, кто объективно оценивает события на Индостанском полуострове, что неразумные действия военных кругов Пакистана продиктованы мотивами, не имеющими ничего общего с интересами пакистанского народа. Они совершаются в угоду определенных внешних сил, именно тех, которые парализуют деятельность ООН и мешают ей принять эффективное решение.

Что касается Индии, то, как заявила на днях в Дели премьер-министр Индира Ганди, ее страна никогда не считала Пакистан или пакистанский народ своим врагом, не имеет к Пакистану никаких территориальных притязаний и воюет ради обеспечения свободы и независимости угнетенного народа Бангла деш.

Такая позиция не вызывает никаких сомнений с моральной и юридической точки зрения. Как заявила Международная ассоциация юристов-демократов, «Бангла деш ведет борьбу национального характера, которая находится в полном соответствии со всеми положениями современного международного права» и «полностью соответствует Уставу ООН».

Однако представители США и КНР в Организации Объединенных Наций придерживаются совсем иного подхода к конфликту на Индостанском полуострове. Именно этот факт подлил масла в огонь и ожесточил военное противоборство двух соседних государств.

По сообщению американской прессы, эскадра США в составе авианосца «Энтерпрайз», нескольких эсминцев и других кораблей направилась из Тонкинского залива в Индийский океан под предлогом «эвакуации» американских граждан из Восточного Пакистана. Однако эта акция рассматривается как еще одно средство нажима на Индию.

Сейчас многие американские политические обозреватели, анализируя внешнюю политику Вашингтона, приходят к выводам, которые говорят далеко не в пользу этой политики. Тот факт, считает обозреватель «Нью-Йорк таймс», что президент делает в США внешнюю политику, «таит немало опасностей. Одна из них заключается в том, что президент может злоупотреблять своей властью над процессом принятия решений, что этот процесс приобретает чересчур личный характер. Убедительный пример такой опасности представляет политика президента Никсона в индийско-пакистанском конфликте». А обозреватель «Вашингтон пост» с горечью задает вопрос: «Не собирается ли наша страна навсегда остаться покровителем таких режимов в Азии, Африке и Латинской Америке, которые являются оплотом несвободного мира?»

Мировая общественность особое внимание обратила на то, что представитель КНР в ООН при обсуждении индийско-пакистанского конфликта голосовал в Совете Безопасности вместе с представителем США. Некоторые зарубежные комментаторы пытались рассматривать это как сенсацию. Однако те, кто внимательно следил за политикой пекинских лидеров на протяжении целого ряда последних лет, не делают столь поспешного вывода. Они считают, что китайская позиция объясняется прежде всего великодержавным шовинизмом и злобным антисоветизмом. Вот почему единый фронт КНР и США в ООН не сенсация, а логическое следствие политики пекинских лидеров, политики, которой чужды интересы национально-освободительного движения, трагедия 75-миллионного населения Восточного Пакистана, судьба 10 миллионов беженцев — женщин, детей, стариков, лишившихся родного очага и средств к существованию.

Отношение Советского Союза к событиям на Индостанском полуострове продиктовано высокогуманными соображениями, долгом интернационализма. Выступая в Варшаве на VI съезде ПОРП, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Советский Союз решительно выступает за прекращение кровопролития, за мирное политическое урегулирование возникших проблем с учетом законных прав народов, без какого-либо вмешательства внешних сил, за создание условий прочного и справедливого мира в этом районе».

Вот почему наша страна предложила ООН при выработке формулы урегулирования индийско-пакистанского конфликта исходить из следующих положений: прекращения сторонами огня и всех военных действий и одновременно принятия правительством Пакистана эффективных действий в целях политического урегулирования в Восточном Пакистане, немедленно признав волю населения Восточного Пакистана, нашедшую выражение на выборах в декабре 1970 года.

Вместе с тем представители США вновь предлагают ООН сосредоточить внимание на призыве к прекращению огня, оставляя в стороне первопричину трагических событий, которые произошли в Восточном Пакистане.

«Индия,— заявил на днях ее президент В. В. Гири,— стоит за немедленное восстановление мира и стабильности на полуострове Индостан».

Эту позицию приветствуют все, кому дороги интересы всеобщей безопасности и свободы народов.

БОГОДУХ

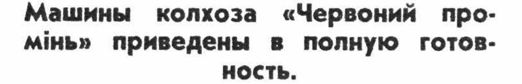
Анатолий СТАСЬ

Фото А. БОЧИНИНА.

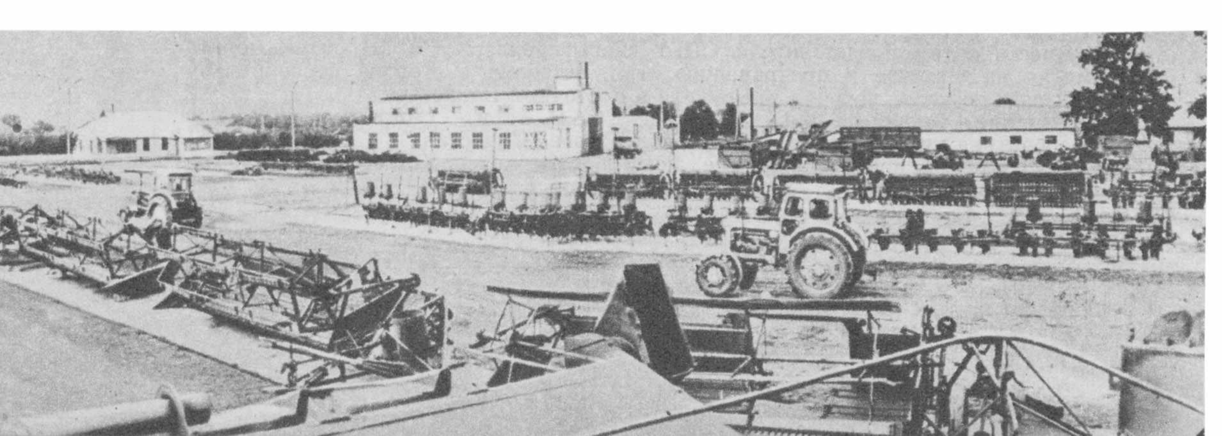
— Я сейчас чувствую себя инженером, а не снабженцем...— говорит Анатолий Владимирович Шаров, главный инженер колхоза «Родина».

В центральной мастерской.

Машини колхоза «Червоний промінь» приведены в полную готовность.

Между Николаем Григорьевичем Бурлакой, первым секретарем Богодуховского райкома партии, и Вячеславом Михайловичем Новиковым, управляющим районным объединением «Сельхозтехника», при нас произошел мимолетный разговор. Секретарь райкома, только что вернувшийся из Москвы, спросил:

— Как настроение?

— Как всегда.— Новиков покачал головой.— Я своего согласия не давал...

— А мне сказали, ты принимаешь бразды правления в научно-исследовательском институте в Харькове.

— Не было моего согласия,— повторил Новиков.

— Ну, ну. Тебе виднее.— По тону, каким были произнесены эти слова, нетрудно было догадаться, о чем секретарь райкома думал: «Конечно, ты можешь согласиться, станешь директором, тебе это по плечу. Только вот дело, которое мы начали три года назад,— неужто ты его оставишь?..»

Об этом самом деле Бурлака и докладывал в Москве. Нам Николай Григорьевич сказал:

— Поверьте, у нас в районе никому не снятся лавры первооткрывателей. И слова «богодуховский метод» вовсе не нам принадлежат, не знаю, кто и где их произнес первым. Мы начали эксперимент, он успешно продолжается, и не в названии главное.

В Богодухове мы уже не первый день. Нам тут много показывали и рассказывали — и колхозники и работники «Сельхозтехники». И мы понимаем, почему секретарь райкома, немолодой уже человек со Звездой Героя Социалистического Труда на груди, предостерегал нас: «Будьте сдержанней, не перехваливайте...». В одном из районов Харьковщины ищущие, думающие люди предложили новые формы технического обслуживания машинно-тракторного парка колхозов и совхозов. И опыт их известен уже за пределами области.

В селе Максимовке, неподалеку от Богодухова, расположено основное хозяйство районной «Сельхозтехники». Тут ее главный штаб, связанный с селами, с тракторными бригадами множеством зримых и невидимых нитей.

Первым делом мы завернули в центральную мастерскую. Так по привычке говорят: мастерская. В действительности цех настоящего завода. Просторные помещения, участки, много станков.

Николай Дмитриевич Филиппов, заведующий мастерской, хочет подробнее, в деталях, изложить нам технологию ремонтных работ. Но нас прежде всего привлекло то, что доступно пониманию безо всяких выкладок и расчетов. Мы уже знали, что здесь семь лет назад была создана специализированная мастерская по ремонту гусеничных тракторов. Конечно, близость такого могучего соседа, как ХТЗ, тут во многом помогает. И все же дело не только в этом.

Вот установка, на которой выправляют помятые баки машин. Все делается за несколько минут. Технически ничего сложного. А таких установок, говорят наши провожатые, раз,

ОВСКИЙ ОПЫТ

два — и обчелся. Может быть, их трудно изготовить? Нет, нетрудно, любой металлообрабатывающий завод справится... Или реставрация траков гусениц. Проблема, волнующая механизаторов всей страны. Станок, который нам показали, сработан при участии сотрудников института Патона. Появился этот станок, и богодуховцы горя не знают. Ну, а ежели по готовому образцу да выпустить сотню-другую копий? Только не уверен заведующий мастерской, что о станке для ремонта траков знают, скажем, где-нибудь в Сибири или Белоруссии. Может, у кого-нибудь имеется что-то и получше. С информацией у нас еще слабовато. Порой не ведаем, что рядом лежит, бывает, порох изобретаем...

Богатая мастерская. Но что-то слишком тихо вокруг. На смотровой яме стоит один трактор, да и тот, оказывается, уже приведен в боевую готовность. А время года такое, что в столь «горячем» месте вроде бы и не до тишины. Спрашиваем управляющего, почему так.

— Резко сократилось поступление в ремонт колхозных машин,— ответил Вячеслав Михайлович,— трактора стали куда меньше нуждаться в «лечении». Так ведь и у хорошего врача: если профилактика ведется как следует, пациенты реже стучатся в больницу.

Час спустя мы сидели в диспетчерской. В радиодинамиках то и дело раздавались приглушенные расстоянием голоса:

— Говорит «Колос-Семнадцатый»! Прием. Прошу записать номенклатуру деталей. Прием...

— Я — «Колос-Третий»! Прием. Почему не отзываешься, «Колос-Центральный»? Прием. Срочно нужны узлы...

Женщина-диспетчер негромко, спокойно отвечала:

— «Колос-Центральный» слушает. Погоди, «Колос-Семнадцатый»! Давай, «Колос-Третий». Диктуй. Прием...

Районный эфир был заполнен до отказа. Сорок раций вели непрерывный деловой разговор. Из ближних и дальних колхозов, из пунктов технического обслуживания — а их в районе создано около тридцати — «Колосу-Центральному», диспетчерской службе объединения «Сельхозтехника», передавали заявки на детали и запасные части, сообщали о состоянии техники, о выработке на машину, о причинах малейшего простоя... Многие сведения тут же передавались из диспетчерской в соседнее помещение — вычислительный центр, обрабатывались, анализировались. И к вечеру ложились на стол секретаря райкома, начальника управления сельского хозяйства и управляющего «Сельхозтехники» колонки точных цифр, в которых, как в зеркале, отражался еще один трудовой день механизаторов.

Заявкам открывается «зеленая улица». Путь их прохождения предельно краток: диспетчерская — центральный склад. Все, что запрашивает мастер-наладчик из пункта техобслуживания, комплектуется в темпе. Водители разъездных автомашин несут постоянное дежурство, готовые в любой час умчаться с грузом по нужному адресу.

В «техническом штабе» района мы познакомились с председателем Богодуховского райисполкома Иваном Федоровичем Мелеховым. Он вспоминает, с каким трудом создавался центральный склад, без которого теперь не обойтись:

— Мы в райсовете решили разобраться, что же у нас с запчастями происходит. Заглянули в колхозные «загашники» — мать честная! Горы металла. Запчасти накапливались годами, каждый тянул себе что нужно и не нужно. Прикинули, во что ж все это колхозам обходится. Общая сумма получилась такая, что и назвать неудобно. Нет, так дальше нельзя. А многие председатели руками и ногами цепляются за свои кладовки. Пришлось разъяснять, доказывать: зачем средства морозить, не по-хозяйски это, да и государству в убыток — мертвый капитал. Теперь, конечно, все поняли: общий склад куда выгоднее. Форма расчета с «Сельхозтехникой» упрощена до минимума, никакой волокиты. Что колхозу сегодня понадобилось, то и получай. Тут все четко налажено, для этого в «Сельхозтехнике» создана специальная служба централизованной доставки запчастей, узлов и агрегатов. Между прочим, заметьте: над диспетчерской службой и службой доставки один начальник. Так ведь, Вячеслав Михайлович?

— Именно так,— подтвердил Новиков.— Иван Ефимович Салашный. Он принимает заявки, он их и исполняет. С него и спрос за все.

Теперь, как говорится, немного истории. В декабре 1967 года в Богодухове проходило бурное совещание. Съехались руководители колхозов, бригадиры тракторных бригад, экономисты, сельские инженеры. Разговор шел о «Сельхозтехнике». Крутой разговор, откровенный. Продавать машины — этого мало, заявили участники совещания. Если организация только продает технику и больше к ней не касается — много ли проку от такой организации? Кое-кто горячился: «Ни к чему нам «Сельхозтехника».

Но из зала, из последнего ряда, поднялся человек и сказал:

— Это не совсем так, товарищи. Не следует от «Сельхозтехники» отказываться. Наоборот, давайте сообща подумаем, как заставить ее верой и правдой служить колхозному делу. Служить не на «авось», а на научной основе, с применением современных методов и средств. Попробуем договориться, а?

В зале оживление. Не все видели, что на совещании присутствует Григорий Иванович Ващенко, первый секретарь Харьковского обкома партии. Представители колхозов от сотрудничества не отказывались. Да, техники в селе много. Есть и свои инженеры. И все же совладать с машинным парком каждому хозяйству в отдельности трудно. В одном селе механизаторы опытные, в другом — зеленая молодежь, а в третьем — инженер замотался, сам не поймет, то ли он снабженец, то ли вечный ремонтник. И ремонтная база на местах жидковата: мастерскими обзавелись далеко не все, работать приходится больше на полевых станах, под открытым небом. Словом, кустарщины хоть отбавляй. Так и самую лучшую технику загубить недолго. Нет, какой-то технический центр нужен.

Обо всем этом нам рассказывает председатель колхоза «Родина» Николай Николаевич Тризна. Мы идем с ним по колхозной усадьбе, где расположилась тракторная бригада. Двор большой, ничего лишнего. Сельскохозяйственные машины выстроены на бетонных площадках. Рядом — мастерская, станция технического обслуживания, заправочная база.

— Двор спланирован по типовому проекту «Сельхозтехники», тут служба НОТ поработала. Вы такие дворы увидите по всему району. Одни уже действуют, другие строятся. Мы раньше у пруда трактора мыли. А заправлялись как? Подвода, бочки, ведро. На три машины один заправщик. Вспоминать не хочется... А как до ремонта дойдет, бывало, совсем худо. Глянешь на ребят, а они, как дьяволы, в мазуте, в масле, и шуруют в дождь и в снег. Инженер с ног сбивался, звонил соседу: «Бога ради выручай, дай мне то-то, а я тебе то-то...»

Сейчас кладовая почти пуста, а насчет запчастей у нас голова не болит. «Сельхозтехника» мигом подбрасывает по первому требованию. Чтобы машины работали на износ, такого уже и в помине нет. Нынче у нас так: тракторист получает талоны на горючее, сжег он, скажем, на своем Т-74 положенные 650 килограммов — и стоп! Становись на техуход, если только служба диагностики не установит: можно еще и не ремонтировать машину. На пункте техобслуживания мастер-наладчик, два слесаря. Они вручают трактористу полностью отлаженную машину под расписку. Ведь тракторист должен на земле работать, это его главная и первая обязанность. Летчики свои машины не ремонтируют, они их водят, а самолеты им готовит к полету техническая служба.

Связь с «Сельхозтехникой» непрерывная. На пункте техобслуживания, как и у других, установлена рация. Мы — «Колос-Третий». Со временем, думаю, вооружат рациями и трактористов. Поля наши на двадцать верст раскинулись. Скоро ХТЗ даст в серию великана Т-150. Мощный трактор, быстроходный, с запасом автономии. Как же такой махине работать без радиосвязи? Пусть промышленность выпускает больше радиоаппаратуры для села, мы ее возьмем, не откажемся.

Председатель «Родины» говорит о своем хозяйстве, о своих заботах, но картина, нарисованная им, очень походила на ту, что мы увидели и в других колхозах.

Заместитель управляющего Георгий Филиппович Малеваный вынул записную книжку. Результаты мероприятий по диагностике в масштабах района? Вот они. По срокам работы 339 тракторов — а их у нас 781 — следовало бы ставить в ремонт. Но «прослушивание» приборами внесло поправку. Оказалось, что в ремонте нуждается всего лишь 80 машин. Остальные остались в строю. В итоге — общий моторесурс был продлен. О чем это говорит? Если проводить нормальный техуход за всем тракторным парком нашей республики, то диагностирование откроет огромные неиспользованные возможности техники. Результат будет такой, как если бы мы выпустили на поля тысячи новых тракторов. А представьте, что это дает в масштабах всей страны.

Цифры, цифры... Никуда от них не уйдешь. Чем еще измеришь выращенный хлеб, вспаханную землю, как скажешь о доходах и о потерях?

В Богодухове я записал: начиная с 1968 года сроки полевых работ в колхозах района последовательно сокращаются. Раньше зерновые убирали за 10 дней, нынче — за 6. Весенний сев шел 6—7 дней, а в прошлом году он завершился всего за два с половиной дня. Повысился урожай зерновых культур, поднялись надои молока и производство мяса.

...По дороге, что рассекает угодья колхоза «Червоний промінь» («Красный луч»), несся, оставляя шлейф пыли, зеленый фургон. На борту белела надпись: «Диагностика». Мы помахали водителю, он лихо тормознул.

— Куда поспешаете?

— К свеклокомбайну. Кое-что нужно проверить.— Инженер из «Сельхозтехники» Иван Яковлевич Стукало показал в даль поля.

Пока Стукало «прощупывал» приборами гидравлическую систему свеклоуборочного агрегата, мы разговорились с комбайнером. Но тут подкатила «Волга», из кабины выскочил председатель «Червоного проміня» Владимир Федорович Курочка, с которым мы расстались всего час назад.

— Стукало! «Диагностику» в село, пулей!..

— Что за пожар? У нас работа...

— Желают посмотреть на вашу машину.

В село не первый раз приезжают те, кто сомневается в результатах богодуховского опыта организации технического обслуживания колхозных машин. Еще раньше мы прочитали любопытный документ — десятки страниц машинописи. Это было заключение одной комиссии, приехавшей в Богодуховский район из Москвы. Из этого заключения следовало, что не всех пока опыт богодуховцев убедил в должной степени. Ну, что же, внедрение новшества — дело творческое. И нужны весомые доказательства, чтобы найденное в одном районе, в одной области переняли соседи. А критерии остаются прежними: прибыль и снижение себестоимости сельхозпродукции... Ясно одно: дело, развернутое богодуховцами, очень поучительное, интересное. Оно не терпит равнодушных.

ПОД ОДНИМ СОЛНЦЕМ

Д. МОЧАЛЬСКИЙ,
народный художник РСФСР,
секретарь правления
Союза художников СССР

Демонстрацией достижений художников трех республик Грузии, Азербайджана и Армении начался в сентябре 1971 года большой творческий отчет мастеров изобразительного искусства, посвященный 50-летию образования СССР.

Наши национальные самобытные культуры обогащают искусство современности новыми художественными ценностями, расширяют его выразительные возможности.

Художники Закавказья в своих произведениях стремятся передать величие нашего времени, трудового подвига, совершаемого народом, раскрыть духовный мир современника, показать те новые процессы, которые происходят сегодня в жизни.

Рядом с произведениями известных художников на выставке были представлены работы молодых живописцев, скульпторов, графиков, художников театра, прикладников, плакатистов. Основу экспозиции составило то лучшее, что каждая республика отобрала из экспозиций юбилейных республиканских выставок, посвященных 50-летним датам установления в этих республиках Советской власти.

Многое из того, что было показано, уже знакомо читателям по различным выставкам и музейным экспозициям.

На выставке предстал во всей полноте и богатстве путь, пройденный искусством трех народов за полувековой срок. Один за другим проходят этапы большого пути Родины, потому что история, современность, героика борьбы за Советскую власть, энтузиазм созидания, подвиг народа, свершенный в жестокой схватке с фашизмом,— все эти темы взволновали сердца художников.

Владимир Ильич Ленин. Этот образ дорог грузину К. Махарадзе, армянину О. Беджаняну, азербайджанцам П. Сабсаю и А. Мустафаеву, хотя каждый из художников по-своему раскрывает черты ленинского облика и характера, находит свою форму для воплощения неисчерпаемого содержания поднятой темы — ЛЕНИН.

Картины «Баку революционный» Э. Рзакулиева, «Революция» Г. Тоидзе, «Расстрел коммунистов в Татеве» А. Коджояна и многие другие повествуют о том, как Великий Октябрь утверждался в Закавказье. Полотна Д. Какабадзе «Рионгэс», Э. Закаряна «Строительство нового города», А. Вердиева «Ликбез» — о вдохновенных, полных энтузиазма, устремленных в светлое завтра трудовых буднях народа. О великих подвигах и великих жертвах, принесенных во имя освобождения человечества от фашизма, сурово и величественно напоминают нам картины В. Нариманбекова «Сорок первый год», «Великая Отечественная война», молодого армянского живописца А. Акопяна — «Баллада о погибших», одного из старейших художников Грузии Д. Какабадзе — «Год 1942-й» и другие произведения.

С удивительной силы наглядностью демонстрировала выставка, сколь глубоки, крепки корни дружбы, единства, общности, роднящие между собою братские республики.

Проходя по залам Манежа, можно было отчетливо видеть еще и то, как каждая общая тема обретает для своего воплощения в творчестве художников Грузии, Азербайджана и Армении свои особенные, самобытные краски, образы, выразительные средства, имеющие истоком своеобразие, неповторимость культурных традиций, национального склада характера, облика природы, наконец, пути, пройденного каждым из народов в истории.

«Грузин, армянин, азербайджанец, связанные вековыми преданиями и традициями, связанные одной дружной семьей, росли под одним солнцем. Каждый имеет свои национальные особенности, но все вместе имеют общую психологию, идущую из глубин совместно прожитой веками истории, из совместной борьбы, ведшейся против иноземных захватчиков, из наших общих интересов и забот, из жизненного опыта, из нашей прекрасной и величественной природы»,— писал еще Аветик Исаакян. Не удивительно, что после того, как жизнь, история каждого края стали частью истории и жизни общей великой Советской Родины, процесс животворного взаимообмена возрос, активизировался.

На выставке трех республик это взаимообогащение воспринималось, осмысливалось невольно не только как процесс, касающийся одного лишь художественного творчества ,но и как отраженное в искусстве и наглядно представшее в художественных образах живописи, скульптуры, графики торжество ленинской национальной политики.

В разделе изобразительного искусства Грузинской ССР были представлены произведения живописи, скульптуры, графики, театрально-декорационного искусства. Достаточно полно было показано также декоративно-прикладное искусство — чеканка, керамика, гобелены, ювелирные изделия, произведения из дерева и металла. Такой показ всех видов и жанров изобразительного искусства Грузии достаточно полно выразил современное состояние грузинского искусства.

В живописных полотнах видно стремление к композиционной завершенности. Радует прочность реалистических традиций, устойчивые черты школы, которые в течение многих лет формировали специфические особенности композиционной картины.

Многие произведения грузинской скульптуры отличаются высокой культурой пластического мышления, монументализацией образа героев. Ярок и выразителен оказался театрально-декорационный раздел искусства Грузии, где содержание, художественная фантазия соединяются с большим профессиональным мастерством.

Глубокие народные традиции являются истоком творчества для художников Грузии, начиная от старейших, таких, как Л. Гудиашвили, У. Джапаридзе, Д. Какабадзе, а также и для молодых мастеров Г. Геловани, К. Махарадзе, Р. Тордия, Т. Мирзашвили и других.

Отличительная особенность современного азербайджанского искусства — обращение к теме современности, углубленная работа над раскрытием образа человека. Азербайджанские художники всегда стремились к созданию значительных тематических полотен, посвященных жизни и труду рабочего класса и крестьянства. Их героями были и остаются нефтяники Каспия, рыбаки, чаеводы, чей созидательный труд создает богатство республики. Черты современности можно отметить и в азербайджанском пейзаже, где образ преображенной человеком земли выступает с большой эмоциональностью и широтой.

За сравнительно короткий срок сформировалась азербайджанская национальная школа живописи, которую отличает острота постановки современных проблем, поиски разнообразных форм выразительности. Эти черты присущи произведениям С. Бахлул-заде, М. Абдуллаева, Т. Салахова, А. Джафарова, Н. Касумова.

Армянской живописи свойственны разнообразие жанров, эмоциональность, острое ощущение колористического богатства мира. Художники стремятся преодолеть сохранявшуюся до недавних лет известную замкнутость в традиционных темах и формах выражения, опираясь на многообразие стилей и почерков советской армянской живописи. Эти качества армянской живописи художники используют для усиления содержательной стороны искусства в разработке современной тематики.

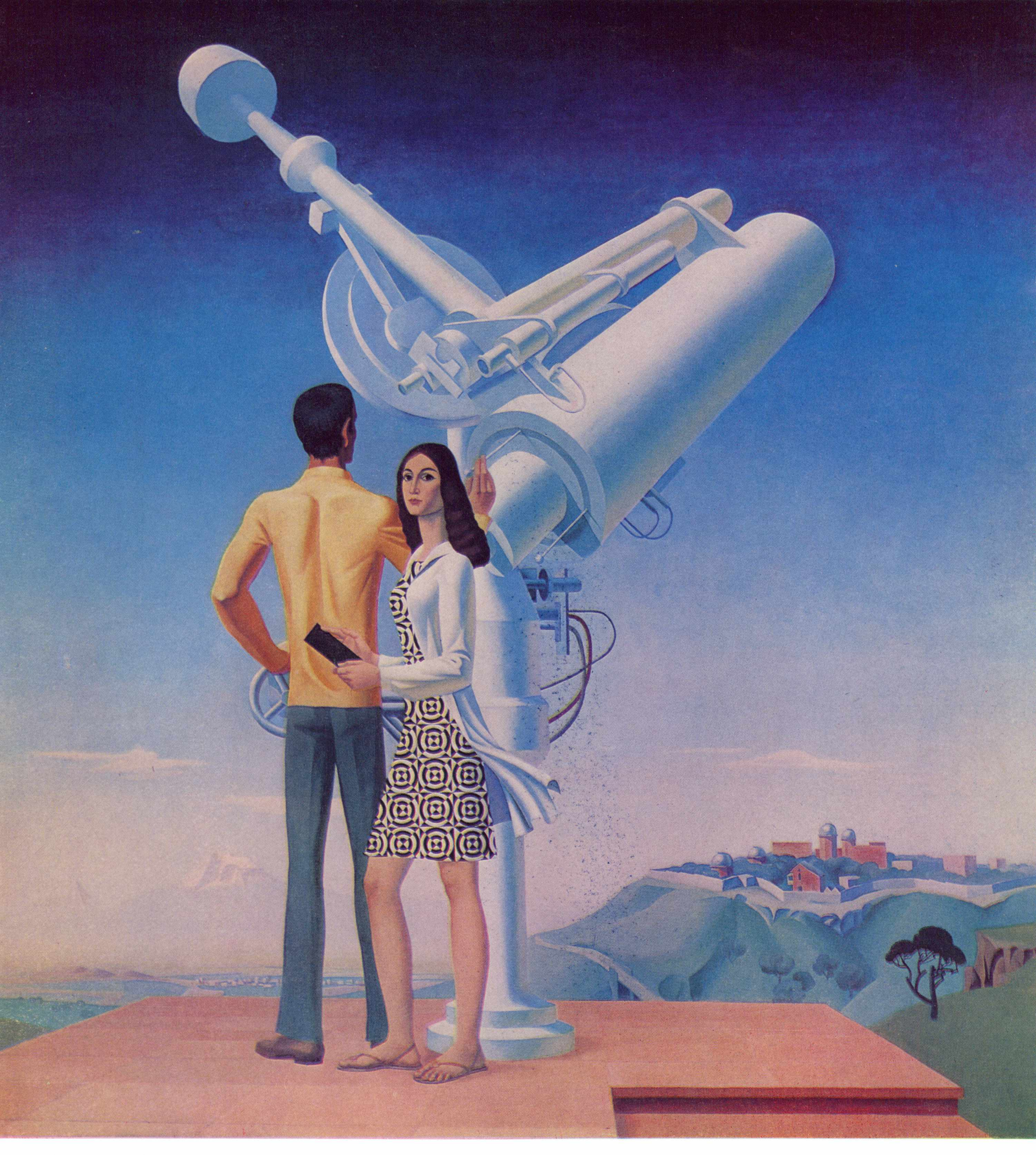
Жизнь республики, ее люди требуют сегодня более широкого взгляда художника, а следовательно, и расширения художественных средств выражения. Это мы видим в произведениях М. Сарьяна «Армения», М. Абегяна «Лето», Г. Ханджяна «И хлеб, и любовь, и мечты», С. Мурадяна «Мои современники», А. Мелконяна «Семья».

В Армении сложилась и продолжает успешно развиваться национальная школа скульптуры. Специфические национальные черты ее особенно ярко проявились в портретах.

Становление и формирование национальных школ живописи Грузии, Азербайджана, Армении расцвели под влиянием русского классического и советского изобразительного искусства. Вспомним, что старейшина советских живописцев Сарьян учился в Училище живописи, ваяния и зодчества у Валентина Серова. Много известных азербайджанских и армянских художников занимались в Московском и Ленинградском художественных институтах. В Тбилисской Академии художеств, которая вскоре будет праздновать свое пятидесятилетие, наряду с национальными мастерами преподавали известные русские советские художники.

На выставке можно было еще раз убедиться, что принцип взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур способствует развитию искусства каждой братской республики и всего советского искусства.

Выставка произведений искусства трех республик Советского Закавказья сказала выразительным и ярким языком художественных образов, что сила корней нашего искусства в том, что его творцы — художники вместе со всем народом участвовали, участвуют и будут участвовать активно, страстно, вдохновенно в великой всенародной работе — построении коммунизма!

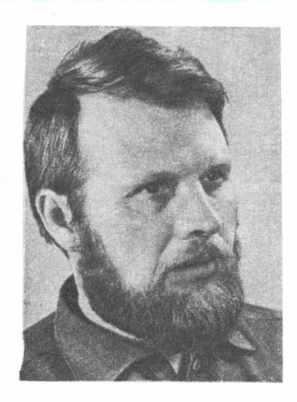
Р. Гевондян (Ереван). БЮРОКАН.

Выставка произведений художников Грузии, Азербайджана и Армении.

А. Гиголашвили (Тбилиси). КРЕСТЬЯНЕ СЛУШАЮТ РАДИО.

Выставка произведений художников Грузии, Азербайджана и Армении.

ИЗ ДОРОЖНОГО ДНЕВНИКА

Алексей **МАРКОВ**

* * *

Я ручей.
Я ничей!
Запрудить меня нельзя,
Запретить меня нельзя!

Я ручей.
Каждый пей,
Став коленом на траву.
Кружкой черпай синеву!

Я ручей.
Сто ключей —
Отражение зари —
Полной пригоршней бери!

Я ручей,
Нет бойчей!
Я в ромашковом краю
Песню радости пою.

* * *

Луны пронзительные тайны
И с той и с этой стороны
Поэты пели не случайно,
В непостижимость влюблены!

Но вот изучено светило
Со всех таинственных сторон.
И потерял былую силу
Гитар подлунный перезвон!

* * *

То ли с возрастом это —
Кратким кажется лето.
Столько ждал я сирени —
Промелькнула, как тени!

Зимы стали длиннее,
В окнах свет леденеет...
Поскорей наступай,
Новый май!

* * *

Уже казалось, осень не придет,
Так задержалось нынче лето!
Листва не собирается в отлет,
Зеленым щеголяет цветом!

Вдруг белый снег на травы!
Вот те на...
Такие травы молодые!..
Настолько неуместной седина
Предстала предо мной впервые!

* * *

Будет утро — будет хлеб.
Подражать умейте птицам!
Кто порой вечерней слеп,
Станет утром ясновидцем!

Кто порой вечерней глух,
Мир услышит на рассвете.
Начинай дела, мой друг,
В час, когда проснутся дети!

ОАЗИС

Кругом седые Каракумы,
Песок, белесая зола,
И отшибает напрочь думы
Неумолимая жара!

О, радость! На пути оазис,
Зеленый малый островок
И родничок, как жизни базис,
Опустошению упрек!

Подобно звездам, абрикосы
В нем отражаются светло,
Склонились ивы, длиннокосы,
Глядятся в синее стекло.

Простая капелька водицы,
Живой спасительный глоток!
Где ты падешь, там народится
Природы чистый лепесток!

Где нет тебя — пески клубятся,
В зловещих трещинах земля,
И гады жирные плодятся —
То ящерица, то змея...

В песке ворочаются гады...
...Но не до этого сейчас!
В голубизне плескаться рады,
От брызг не вытираем глаз,

Как будто даже капли жалко
С лица горячего смахнуть...

...Теперь вперед! В пустыне жаркой
Воспоминанья красят путь!

СТАВРОПОЛЬЕ

Могучей не утратив воли,
Спокоен, кряжист, именит,
Дуб,
осеняя Ставрополье,
Седьмую сотню лет стоит.

Кора в наплывах и наростах
Непробиваемо крепка.
Одно досадно: нет потомства,
Вкруг — ни единого дубка!

Расскажет он о том, как Пушкин
Устало в холодок присел
И голос услыхал кукушки,
Ему напевшей тридцать семь...

И как Шамиль, уже плененный,
Под этим дубом засыпал,
Во сне хватаясь исступленно
За конфискованный кинжал.

Смягчался Лермонтов угрюмый,
К стволу щекою прислонясь,
Под этим дубом дерзко думал,
Что есть в веках меж ними связь!

Неволей сгорбленный Бестужев
Прохладу лиственную пил.
Но и конвойный грозный тут же
Неодолимой тенью был...

Все помнит дуб. Не позабыты
Набеги и пожаров дым,
И торжество, и груз обиды,
Стоит, судьбой непобедим!

Могучей не утратив воли,
Спокоен, кряжист, именит,
Приметой гордой Ставрополья
Седьмую сотню лет стоит!

ИВАН ИВАНОВ

Баллада

А. Очкину.

Подражать великому не грех,
Если в подражании величье.

Волжский город, изумивший всех,
Смертью-жизнью жил своей
привычной.
— Стой! Ни шагу далее назад!
Велика Россия, но ни шагу!
И друзья и недруги глядят:
Не осилишь русскую отвагу!

...Плавились и камни и металл.
Человек надежнее металла!
Враг еще в горячке наступал —
Русская душа не отступала!
Каждый был Матросовым...
В свой час
Заслонял Отечество собою.
Не сумел бы никакой указ
Всех назвать, кто почестей достоин.
Потому, наверное, у нас
Появились города-герои!

Амбразуру Иванов Иван
Заслонил в тридцатой контратаке
И упал на каменный курган,
И расплылся полдень в полумраке!

Верные товарищи снесли
К волжскому откосу Иванова,
Плотик смастерили как смогли
И пустили по реке свинцовой.
Может быть, Ивана воскресит
Волга-матушка прохладой сладкой
Иль над телом хоть поголосит
Ива — неутешная солдатка!
Может, похоронят по-людски
Вдалеке-далеко, за туманом,
Лютики распустят лепестки
На могиле нашего Ивана!..

Синеву кропили небеса.
Плыл герой неузнанным героем.
Волжских брызг целебная роса
Раны омывала медсестрою.
На четвертый день прибило плот
У порога деревенской школы...

...Я сижу над Волгою. И вот
Иванов сидит со мной веселый.
Улыбается. Зубов снежок,
Загорелое лицо в июле.
Багровеет на виске ожог,
Как отметина фашистской пули.
На груди не светится Звезда.

Звезды тихо светятся на небе.
Отражает волжская вода
Звездных россыпей великолепье!
Дышит грудь. Какая тишина!
Это ли не высшая награда?
И луною залита стена
Там, где он во имя жизни падал...

ПАРОЛЬ: ИНТЕГРАЦИЯ

Новелла ЦВЕТКОВА,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

Восемь веков назад в узеньких улочках и переулках у Старой ратуши родилась Лейпцигская ярмарка. Ныне деловой мир относится к ней с большим уважением, почтительно называя «матерью ярмарок». А вообще-то у нее много неофициальных названий. Я слышала, как коммерсанты называли ярмарку «рынком интересных изделий и идей», экономисты — «экономическим конгрессом без строгого протокола», а ученые, принимавшие участие в ее многочисленных симпозиумах и коллоквиумах,— «форумом научной информации». История и наука, традиции и прогресс сошлись в деловом и веселом городе Лейпциге и заставили «мать ярмарок», стряхнув пыль веков, зашагать в ногу со временем.

И она шагает, оставляя заметные следы в летописи торговых отношений XX века. А в роли летописца — бюллетень «Информация дня», белые листки, помеченные синей ярмарочной эмблемой. С первых же часов жизни минувшей осенней ярмарки они зарегистрировали ее особый характер, обозначенный словом «интеграция». «Павильон СССР — примеры экономической интеграции». «Ярмарка служит реализации комплексной программы СЭВ», «Большой международный интерес к экспонатам, сделанным в кооперации социалистических стран...».

Интеграция — это слово стало своеобразным паролем. Его повторяли, встречаясь друг с другом, журналисты, о нем рассказывали телевизионные комментаторы, его «расшифровывали» на пресс-конференциях организаторы ярмарки, представители промышленности и торговли стран СЭВ. В те дни в моем блокноте появились такие записи: «На сегодня в странах СЭВ межгосударственной специализацией охвачено более 4 500 изделий машиностроения и свыше 2 000 химических продуктов». (Из речи статс-секретаря в министерстве по внешнеэкономическим вопросам ГДР Герхарда Байля.) «500 советских предприятий имеют договоры с 300 немецкими предприятиями и ведут совместную работу. Например, московское швейное объединение «Большевичка» несколько лет назад начало сотрудничать с берлинским комбинатом «Фортшритт». В итоге среди экспонатов ярмарочной коллекции Общесоюзного Дома моделей появился элегантный мужской костюм, сделанный совместно швейниками обеих стран». (Из интервью с директором павильона СССР А. С. Ковалевым.) «Кооперирование Польши и ГДР охватывает много областей, от совместного планирования объектов до их строительства и совместного производства продукции. Интересен полиграфический конвейер, созданный совместно с инженерами завода «Перфекта» в ГДР». (Из беседы с сотрудником Польской торговой палаты Владиславом Мастальским.) «В 16-м павильоне мы показываем болгарские деревообрабатывающие машины, оснащенные инструментом из ГДР, а в разделе дорожного транспорта — седельный тягач для полуприцепов «Шкода-Мадара», созданный в содружестве с чехословацкими автомобилестроителями». (Из разговора с Василем Василевым, директором болгарской выставки на ярмарке.)

Эти записи и подсказали адреса трех экспонатов, о которых пойдет речь.

Силач по имени «Шкода-Мадара»

Он стоял у самого края тротуара, наступив на белые буквы — «Автопром». Надпись означала, что вы находитесь на территории экспозиции болгарских государственных экономических объединений автомобильной промышленности.

Рядом развевались голубые рекламные флаги всемирно известной фирмы «Фиат». Ну, а его «визитная карточка», увы, пока еще никому ни о чем не говорила. И все-таки этому новичку с двойным именем «Шкода-Мадара» нельзя было пожаловаться на отсутствие внимания к себе и интереса. Я наблюдала, как мужская часть посетителей ярмарки, судя по всему, профессионалы шоферы подолгу кружили на площадке, где стоял этот гигант-грузовик. Они вымеряли шагами длину его кузова, тщательно выстукивали колеса, заглядывали в кабину, откровенно любуясь машиной. И было очень досадно, что эти люди не знали о ней главного — истории рождения.

Представьте себе невероятное — каждый зарубежный экспонат должен при въезде в ГДР, на ярмарку, заполнить обычную таможенную декларацию. В таком случае у новичка гиганта она бы выглядела так:

Имя, фамилия: «Шкода-Мадара».

Год рождения: 1969.

Гражданство: Народная Республика Болгария и Чехословацкая Социалистическая Республика.

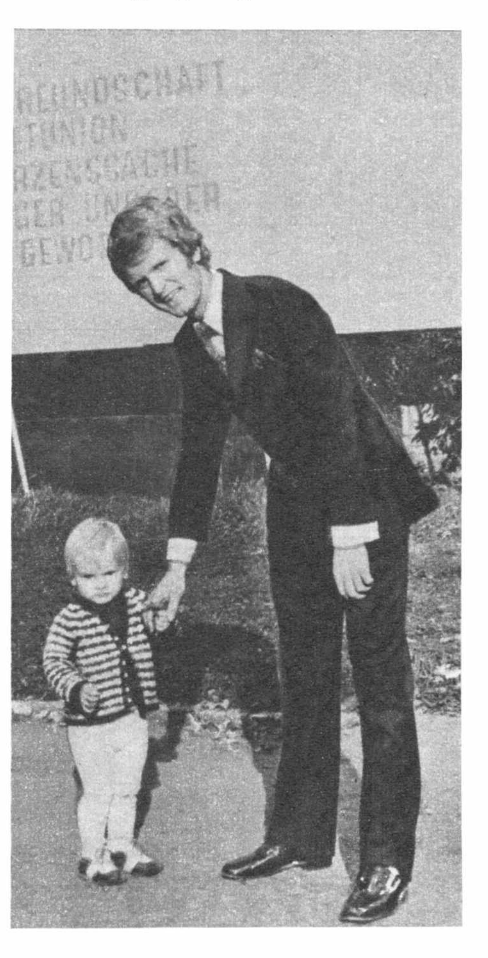
Род занятий: седельный тягач, предназначенный для транспортировки длинных, неразделимых грузов.

Причина въезда в страну: командировка по линии внешнеторговой организации «Балканкар».

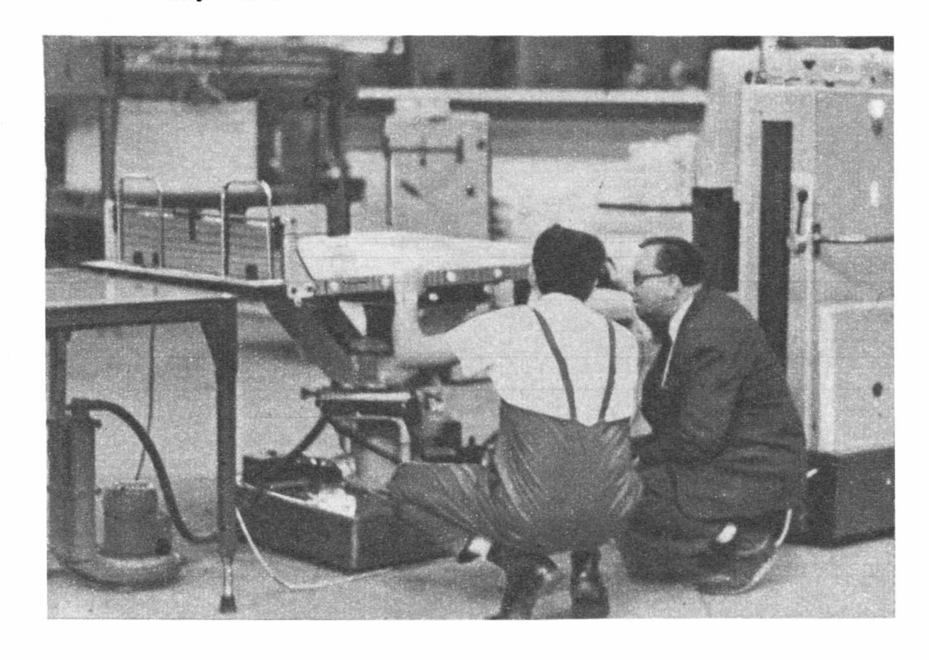
Сотрудник болгарского торгпредства в ГДР Атанас Братанов и молодой инженер из города Толбухина Димчо Аранудов, которые охотно помогли заполнить эту «декларацию», рассказали мне о некоторых подробностях из биографии силача. Двойное имя он получил от известного чехословацкого завода «Шкода» и болгарского предприятия грузовых автомобилей «Мадара». «Мадара» — это тот самый завод, который десять лет назад был построен в городе Шумене по советскому проекту. С него, по сути дела, и началось в Болгарии отечественное автомобилестроение. Марка «Мадары», где делаются запасные части к «ЗИЛам» и «ГАЗам», хорошо известна не только в нашей стране, но и в ДРВ, Венгрии, на Кубе, в Румынии: 90 процентов этой продукции завода идет на экспорт.

А теперь, когда известны «родители» силача, нужно вернуться ко времени их «брака». Произошло это три с лишним года назад. Развивавшаяся бурными темпами болгарская индустрия столкнулась с проблемой расширения транспортных перевозок. Нужна была новая мощная машина, но крупнейшее в стране автомобильное предприятие «Мадара» пока еще не располагало достаточной мощностью для создания в короткий срок новой машины. Значит, нужно было строить новый завод, а на это требовалось время. Где же выход? В кооперации — объединении с заводом-партнером, которому под силу поделиться с болгарскими автомобилестроителями деталями для сборки новой машины. Загвоздка поначалу была в моторе: нужен был такой мотор, который бы работал не на бензине, а на

Вот он, костюм, которому аплодировали в клубе «Альфреда Франка».

«Ну-ка, еще раз покажите, как действует «воздушная подушка»!

дизельном топливе. В конце концов подходящий партнер был найден — «Шкода»! Идея кооперации с этим прославленным заводом встретила поддержку с чехословацкой стороны. Договорились так: «Шкода» бесперебойно будет поставлять в адрес «Мадары» готовые детали и моторы, ну, а Болгария обеспечивает «Шкоду» кузовами для машины. Тут уж показали свое умение инженеры и рабочие завода по изготовлению полуприцепов и контейнеров в городе Толбухине. Они сконструировали десятиметровую платформу, на которой можно перевозить до 16 тонн груза, а на будущий год, как рассказал Димчо Арандудов, завод будет выпускать кузова, рассчитанные на 20 тонн!

Так, спустя год после «брака» «Шкоды» и «Мадары» в болгарском городе Шумене из деталей, сработанных руками чехословацких рабочих, был собран первенец кооперации «Автоимпекса». В прошлом году на ярмарке в Пловдиве были первые его смотрины, а теперь в трудовой книжке грузовика вписаны уже многие тысячи километров дальних дорог. Вы, наверное, не раз покупали болгарские помидоры, яблоки, виноград? Так вот, очень может быть, что их вам доставил силач по имени «Шкода-Мадара».

Пани Стефания дает интервью

Представьте себе производственный цех полиграфии на площади в восемь тысяч квадратных метров, где работают десятки новейших машин из тринадцати стран мира, и вы получите представление о 20-м павильоне ярмарки. Здесь можно было увидеть многие знаменитости полиграфического машиностроения: чехословацкую «КОВО», французскую «СОФЕКО», бельгийскую «АГФА-ГЕВЕРТ» и, конечно, «Полиграфэкспорт» из ГДР. И вот на этом блистательном параде полиграфической техники настоящим чемпионом газетных интервью стала скромная на вид резальная машина, созданная в содружестве инженерами и рабочими Польши и ГДР.

О популярности ее среди журналистов мне рассказала Стефания Далс, которая представляла на ярмарке польское внешнеторговое объединение «Варимекс». «В чем же секрет такого успеха?» — спросила я у пани Стефании. «Все очень просто»,— улыбнулась она и отвела меня за низенький заборчик, который отгораживал экспонаты от посетителей. Вокруг чемпиона 20-го павильона хлопотали двое: молодой техник в рабочем комбинезоне и инженер завода «Перфекта» Вальтер Бергерман. Вместе с пани Стефанией Бергерман рассказал о том, как появился на свет этот экспонат.

Все действительно было «совсем просто». Инженеры и техники из ГДР задумались над тем, какие есть еще возможности для дальнейшей модернизации полиграфического производства. Шаг за шагом была прослежена и изучена вся цепочка процесса вплоть до резки бумаги. Разрыв цепи был там, где вступало в действие автоматическое устройство для резания бумаги. Вместе с автоматом тут действовала обыкновенная человеческая рука: бумажные толщи прежде, чем они попадали на резку, приходилось выравнивать вручную. Подсчитали, что означает этот разрыв в технологическом процессе, и ахнули: вынужденное вторжение человека во многом сводило на нет работу автоматических устройств.

На пароль «интеграции» отозвались полиграфисты Польши. Оказывается, там, в Катовицах, на ремонтном заводе полиграфических машин вот уже два года серийно выпускалась вибрационная машина, которая автоматически выравнивала бумажные пачки. И вот уже в Катовицы посланы гонцы из ГДР, дипломированные инженеры-полиграфисты. На месте они тщательно изучили новинку и вместе с польскими инженерами обдумали, каким образом можно ввести ее в единую поточную линию конвейера, уже существующего в серийном производстве на заводе. Польских полиграфистов, в свою очередь, заинтересовала возможность получать в результате такого объединения полиграфический конвейер из ГДР.

Что из этого вышло, я увидела своими глазами. Паренек в комбинезоне подошел к автомату, напоминающему автомат для газированной воды, нажал кнопку, и вот уже листы бумаги подняты с пола и брошены на соседний стол. Техник нажал на педаль под столом, и он мгновенно ожил: сначала поднялся до уровня линии конвейера, потом открылись и «задышали» крохотные шарики-глазки, которыми была усеяна вся поверхность стола. Это заработала «воздушная подушка», она мгновенно собрала рассыпанные по столу листы бумаги и сжала их в единую пачку. И тут настала очередь вибрационного аппарата. Подталкивая стол из стороны в сторону, он быстренько выровнял пачку бумаги, и она, соскользнув на соседний стол конвейера, отправилась, так и не слезая с «воздушной подушки», дальше к резальному автомату.

Потом была поднята вторая пачка бумаги и брошена на стол конвейера. Но на этот раз техник не стал проделывать манипуляций с педалью, и стол остался неподвижным. «Попробуйте-ка выровнять эти листы сами»,— предложил мне инженер Бергерман. Повозившись довольно долго, я кое-как сбила листы в кучу и с трудом, обеими руками, перетолкнула тридцатикилограммовую пачку на соседний стол. «Так было раньше»,— сказал инженер. Он нажал на педаль, и стол снова ожил, вернул мое растрепанное «изделие» назад, мгновенно превратив его в аккуратную пачку, которую теперь я буквально одним пальцем отправила дальше по конвейеру.

«Какой экономический эффект дала вашему заводу кооперация с польскими полиграфистами?» — спросила я у представителя завода «Перфекта». «Эти шарики-глазки повысили продуктивность нашего конвейера на 190 процентов»,— ответил он.

...Совсем недавно в Варшаве между польским внешнеторговым объединением «Варимекс» и «Полиграфэкспортом» из ГДР было подписано соглашение, по которому завод «Перфекта» обязуется поставлять новый полиграфический конвейер в первую очередь своему польскому партнеру.

Интеграция в вашем... гардеробе

А теперь поговорим не о машинах и станках, а о том, как интеграция хозяйничает в нашем домашнем гардеробе. Но вернемся сначала в город ярмарки и заглянем в клуб «Альфреда Франка». Здесь в полном разгаре яркое и праздничное зрелище — идет демонстрация международной моды. Изящно двигаются по помосту, утопающему в цветах, манекенщицы, и зрители, пытаясь «поймать моду», делают торопливые зарисовки, прислушиваясь к рассказу ведущего программу о фасонах и качестве материала очередной модели. Но вот на помост стремительно вышел белокурый молодой человек в темно-зеленом костюме, и тут зал услышал нечто совсем необычное: «Дамы и господа! Перед вами элегантный костюм из коллекции советского Общесоюзного Дома моделей, который был сделан в кооперации московского швейного объединения «Большевичка» с берлинским комбинатом «Фортшритт».

Таких аплодисментов больше не досталось ни одной модели. То, что я узнала потом об этом необычном костюме, напоминало школьную задачку.

Итак, условие задачи: московское швейное объединение «Большевичка» ежедневно только на одной поточной линии выпускает 1 700 мужских костюмов. На изготовление каждого костюма затрачивается 190 человеко-минут. Берлинский комбинат «Фортшритт» выпускает примерно столько же костюмов, но цикл их изготовления короче. При этом в планах сотрудничества двух предприятий на текущую пятилетку — снижение времени изготовления каждого костюма до 105 человеко-минут.

Решение задачи: на «Большевичке» лучше механизированы подготовительные и раскройные цеха, а на комбинате «Фортшритт» лучше механизирован швейный цех и отработана технология пачкового метода шитья. При участии научно-исследовательских институтов швейной промышленности ГДР и СССР была осуществлена следующая операция. «Большевичка» передала на «Фортшритт» всю научно-техническую документацию подготовительных и раскройных цехов, а «Фортшритт» — всю технологию для переоборудования швейной поточной линии. Затем модельеры «Большевички» побывали в Берлине и, взяв за основу конструкцию мужского костюма, который выпускал этот комбинат, приспособили его к новой поточной линии.

Ответ задачи я узнавала у главного инженера «Большевички» Бориса Петровича Веселова. За неполных два года с того времени, когда было заключено соглашение о кооперации между советскими швейниками и их коллегами в ГДР, с конвейера «Большевички» в гардеробы наших мужчин отправилось 760 тысяч модных и недорогих костюмов.

* * *

Вы узнали историю трех экспонатов Лейпцигской ярмарки. Казалось бы, ну что тут сенсационного? И мощные грузовики, и умные машины, и элегантные костюмы — все это было много раз и прежде. Да, было, но чтобы появился именно ТАКОЙ грузовик, ТАКОЙ полиграфический конвейер, ТАКОЙ костюм, понадобились долгие годы экономического и научно-технического сотрудничества стран социалистического содружества. Многочисленные экспонаты, показанные на осенней ярмарке странами СЭВ, воочию разъяснили деловому миру, что означает социалистическая экономическая интеграция. И не так уж далено то время, когда в городе — «матери ярмарок» — появится новый павильон. Может быть, его назовут «Павильон СЭВ», а может быть, как-то иначе, но главное — все, с чем там встретятся люди, будет рождено под знаком дружбы, под знаком интеграции.

Лейпциг — Москва.

Его зовут «Шкода-Мадара».

Бэла Руденко. Фото Л. Фрейманиса.

СИЛЬНЕЕ УСПЕХА

Лидия **ВИРИНА**

Слава капризна. Одни идут к признанию в искусстве долго, чуть ли не всю жизнь, к другим успех приходит внезапно, чтобы, подразнив, изменить...

Бэле Руденко принесли славу первые шаги по сцене. Вчерашняя студентка консерватории сразу приглашена в лучшую труппу республики — Киевский академический театр оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. Едва открылся сезон — и она блестяще дебютирует в партии Джильды, а не прошло и года — побеждает на Международном конкурсе Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

С тех пор все умножаются творческие победы украинской певицы, ныне ставшей лауреатом Государственной премии. Знатоки классики, как и любители современной оперы, почитатели народной песни и поклонники романса с равным энтузиазмом оценивают блестящий талант вокалистки. О триумфах Руденко, о «силе воздействия на умы и сердца, равной чуду», пишут «Юманите», «Дейли уоркер», «Нью-Йорк таймс»...

Многие критики считают, что талант дается лишь милостью божьей.

Но так ли это?

В зале овация, корзины цветов... Певица взволнованна — это естественно. Но откуда жесткость, непримиримость, с которыми она всматривается в зеркало — всматривается в себя?..

Коснувшись клавиш портативного магнитофона, также испытующе, сосредоточенно слушает себя актриса; это «Вариации» Проха, только что с триумфом исполненные в концерте.

— Не мое!

«Камнем преткновения» для колоратуры считается Прох. В исполнении Бэлы Руденко рецензенты именуют его «шедевром», восхищаются виртуозностью, легкостью. Откуда же приговор, вынесенный певицей?

— Мое или чужое — от этой проблемы, помоему, сегодня ни одному художнику не уйти,— говорит Бэла Андреевна, размышляя о самом сокровенном и существенном для себя.

— Не сведешь,— продолжает она,— эту проблему к внешним приметам, скажем, к «совпадению» тембра голоса и клавира. Например, «Соловей» Сен-Санса: от многих возможных эффектов в нем лучше отказаться, споешь проще, чище, без «завитушек» — только тогда сердца, распахнутые навстречу красоте и добру, раскроются до конца...

— Неужели это так? Обокрасть голос, лишить колоратуру ее уникальных красок?..

— Краски оставить, а вот украшательство долой! Я люблю вокальную «головоломку» решить в состоянии, но высшей творческой радости не будет. Мне аплодируют, но я-то знаю: у слушателей восхищен лишь слух, сознание же, сердце до глубины не затронуты... И случается так не только в концертах, но и в спектаклях.

Как часто мы спорим: достаточно ли богат голос певца... Безусловно, голос важен, без него просто нет артиста. Но, прослушивая новых исполнителей, мы озабочены не менее серьезно другим: «Голос есть, но есть ли певец?» Ведь певец не «звукоиспускатель», а музыкант. Мыслитель! Он не должен знать самодовольного покоя! Должен быть сильнее успеха, сильнее усталости. Должен оставаться в бою за высокие идеалы, за мужество и красоту человека, считает актриса.

Бой за красоту человека — сколько же в нем «фронтов»! Особенно для колоратуры. Трели, пассажи, фиоритуры — россыпь головокружительных звуков... Как воплотить в них, например, судьбу девушки-революционерки? А такая задача встала перед Бэлой Руденко — исполнительницей партии Ярины в опере Георгия Майбороды «Арсенал».

Впервые эта опера прозвучала со сцены Большого театра на Декаде украинской литературы и искусства в Москве. К тому времени певице было присвоено звание народной артистки СССР.

Не просто «колоратурный персонаж», а глубоко человечный, правдивый человеческий образ, символизирующий преданность, любовь, верность великому делу революции, ожил в спектакле, увлекая зал самоотверженным порывом. Слились в одно целое чары колоратуры, драматизм, музыкальная виртуозность. Высокая правда искусства, правда большой мысли и в Ярине Бэлы Руденко стали откровением современной оперной сцены.

Впрочем, откровение в спектакле, только что получившем жизнь,— это норма. Но Бэле Руденко свойственно первооткрывательство и в опере, знающей несчетное число прочтений.

Традиций «Травиаты» Руденко не нарушала. Партию Виолетты она пела, кроме Киева, в Большом театре СССР; выступала в этой партии на сценах Болгарии, Румынии, Венгрии,

Югославии, Норвегии и всюду с успехом...

И вдруг все настойчивее, острее возникает сомнение: а такова ли героиня?.. Беззаботность, безмятежность — в первом акте ария Виолетты бравурна, ярка, но откуда же у Верди этот стон виолончели, как рыдание, рвущееся из глубин сердца? Не упрощается ли замысел композитора в сценическом прочтении? Певица начинает новый поиск; «советчики» — Бальзак и Дюма, Золя и братья Гонкур, Элеонора Дузе и Нежданова. И принято окончательное решение: нет, Виолетта не веселится на балу, она **изображает** веселье. Сквозь слезы смеется она и бесконечно страдает от насилия, страдает еще до встречи с Альфредом...

Свое понимание партии Бэла провела и дома и в зарубежных гастролях. Зритель, критика полностью приняли новую, углубленную трактовку образа героини.

Ярина и Виолетта, Наташа Ростова и Джильда, Розина и Снегурочка... Способность артистки к перевоплощению поразительна. И, пожалуй, всего больше проявляется она в концертах. Камерная программа у Бэлы Руденко — тот же спектакль. Театр одного актера. Певица не готовит арии и романсы «поодиночке», как принято у многих вокалистов. Сперва она, подобно режиссеру-постановщику, обдумывает тему и образ всей программы целиком, построенной на перевоплощении, на максимальной отточенности музыкальной фразы, на патриотической, гражданской убежденности.

Разные эпохи, стили, жанры; классика и народная песня, музыка Советской Украины и современного Запада, русский романс; программы у певицы смелы, неожиданны по форме, по мировосприятию и направленности они неизменно воспевают человека, его борьбу.

Например, программа Руденко за океаном, в Канаде и США, состоит из украинских песен. Удивительно ли, что сотни людей после концертов пишут певице, что услышали в ее голосе призыв Родины, ощутили с новой силой тоску по Отечеству...

Думая о Бэле Руденко, думаешь прежде всего о личности актрисы, о человеческом ее неравнодушии и гражданской страсти.

Когда же и как сложилась личность художника и гражданина?

...Тоненькая девчушка в пионерском галстуке поет «Синий платочек» в палате госпиталя... Вчерашняя десятиклассница робко входит в здание Одесской консерватории; из сотен абитуриентов она чуть ли не единственная пришла без специальной подготовки на приемный экзамен. Ольга Николаевна Благовидова, профессор Одесской консерватории, вспоминает: «Смущенная, тоненькая... Тонкий голосочек. Кое-кто спрашивал: «Что в ней нашли?» А нашли чистоту. Чистота голоса была необыкновенная».

— Красивые голоса не редкость. А такую задушевность, с которой поет Бэла Руденко, надо поискать!..

Это говорят рабочие киевского «Арсенала». Легендарный завод связан тесной дружбой с Театром оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. В рабочем коллективе пользуются популярностью десятки певцов. Почетным членом одной из заводских бригад коммунистического труда избрана Бэла Руденко. В ее исполнении на заводских площадках, в цехах нередко звучат арии Розины, Джильды, Виолетты, песни, пронизанные пафосом современности...

Бэла Андреевна Руденко не просто исполняет новые произведения советской музыки, зачастую она становится их вдохновительницей. Уже давно пишут для нее Г. Майборода и А. Кос-Анатольский; давно певица с неутомимостью отыскивает «родственных» себе авторов среди молодежи. Сейчас она заинтересовалась творчеством Олеси Дичко: «Ее музыку нельзя не петь — так свежо и чисто».

Увлеченно отыскивает актриса и... певцов. В Харькове, Львове, Одессе — всюду, где только приведется ей побывать на оперных спектаклях, услышать консерваторский выпуск...

Вот характерная сценка за кулисами. Бэла Андреевна обращается к юной солистке, только что принятой в труппу по ее инициативе:

— Говорите, так петь легче? Но если петь легче — хорошо не получится. Влюбитесь в партию! Обязательно надо влюбиться. Надо выстрадать каждую ноту, каждое движение души. Поешь — не для себя. Звук, чувство — все отдаешь людям...

...А ГОЛА НЕТ

Мартын **МЕРЖАНОВ**

Закончился футбольный сезон, определились лидеры и аутсайдеры. Советская сборная завершила борьбу в своей подгруппе и вошла в восьмерку сильнейших команд, которые в будущем году продолжат спор за право считаться сильнейшей командой Европы. Сейчас уместно окинуть взглядом долгий и трудный сезон.

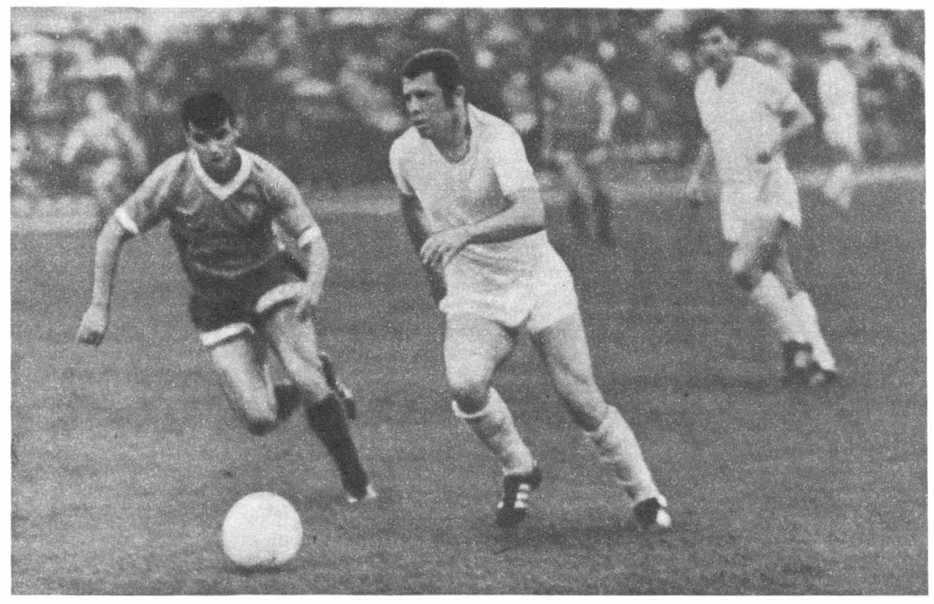
После чемпионата мира в Мексике достаточно ярко раскрылись черты современного футбола во всех его компонентах — технике, тактике, атлетизме. Известно, что одна футбольная доктрина продолжает другую. Тактические системы рождаются на обломках старых. Вот почему после каждого мирового фестиваля тренеры всех рангов пытливо изучают новые идеи и пытаются рассекретить возникшие перед ними задачи. Но в футболе плодотворны лишь споры на зеленом поле. Только в спортивной борьбе можно убедительно опровергнуть различные теоретические предпосылки и доказать жизненность тех или иных истин.

На мексиканском чемпионате столкнулись разные школы, главным образом латиноамериканская и англосаксонская. И вот, обогатив друг друга, они объединились до возможного

Играют призеры чемпионата страны. Команду киевского «Динамо» представляет В. Матвиенко, «Арарат» — А. Коваленко, тбилисских динамовцев — Д. Кипиани (все в белой форме).

Фото заслуженного мастера спорта А. Хомича.

предела. Различия можно было определить лишь только в акцентах: южане провозгласили принцип «техника плюс атлетизм», в то время как англосаксы — «атлетизм плюс техника». И, наконец, неоспоримое поражение потерпела в Мексике оборонительная, разрушительная тактика. Выражаясь военным языком, она была разбита наголову. Лев Иванович Яшин, наблюдавший матчи в Мексике, очень метко заметил, что как отрыжка прошлого была воспринята на чемпионате персональная опека, порожденная не творческим, а изнурительно-механическим футболом.

Персональная опека и нарушение правил давно уже взаимосвязаны. Мужественная борьба требует, конечно, применения силовых приемов, атлетической стати и даже умело исполняемых толчков. Это разрешается правилами. Англичане, например, отлично отработали технику силовой борьбы, и их толчки не вызывают судейской реакции. Наши же футболисты, попросту говоря, не умеют правильно толкаться, а потому часто подвергаются штрафу. Как бы это ни было неприятно, но стоит вспомнить, что на мексиканском чемпионате некоторые наши мастера искали спасения по ту сторону правил, а потому сборная СССР заняла первое место... по числу полученных наказаний — штрафных и свободных ударов.

Претерпела изменения в Мексике и так называемая идея интенсификации игры. Игроки лучших команд умеют быстро обрабатывать мяч, применяют дриблинг и хорошо используют аритмию. Монотонность темпа, пусть даже очень высокого, была отвергнута, ибо он истощает силы футболистов и не позволяет правильно организовывать ни атаку, ни оборону.

Итак, в Мексике торжествовали игровые идеи, утверждавшие открытый, раскрепощенный, атакующий футбол. Увы, наша сборная выглядела непривлекательно. Она отразила все порочные игровые идеи наших клубов, основанные на силовых приемах, оборонительных принципах и сверхскорой игре. Именно поэтому последовало решение руководящих спортивных организаций, без обиняков отметившее отсталую оборонительную тактику и несовершенную технику сборной СССР.

Упреки, как видим, серьезные и обоснованные. Они вынудили многих тренеров пересмотреть устаревшие взгляды. Как же выглядят наши команды сегодня?

* * *

Систему игры менять непросто. Ее каноны живучи. И все же, зная это прекрасно, но желая быстрее исправить ошибки, тренеры без подготовки бросили команды в атаку. И вот тут-то мы увидели робкие, угловатые, неумелые действия форвардов (не говоря уже о полузащитниках) на штрафной площади: они ведь годами отсиживались во втором эшелоне, играли без флангов, мало комбинировали, а вместо наступления предпочитали контратаку.

Хотя современная тактика разрушила строгие рамки схематической расстановки игроков и сделала футбол маневренным, живым, быстрым, он все же сохранил характерные особенности различных амплуа и доказал, что от перестановки слагаемых... меняется «сумма игры».

На мексиканском чемпионате форварды лучших команд блистали независимо от того, где находились по законам маневра. Многие наши тренеры понимают универсализм совсем иначе. Они считают, что форвард должен быть и классным хавбеком и даже хорошим защитником, а в итоге воспитывают игроков-универсалов средних качеств.

Принцип «все в атаке — все в обороне», рожденный в суматохе перестройки и почему-то приписанный практике международного футбола, лишен логики, тормозит развитие игры и снижает класс исполнителей. Откровенно говоря, примелькались уже тренерские призывы к неутомимости, выносливости, несгибаемости. Трудно оспорить значение этих качеств и их потенциальные возможности, но нельзя забыть, что они могут быть полезны только при высоком мастерстве. Мы видели, как футболисты без оглядки тратили свою энергию на своей штрафной площади, а затем «последней спичкой» безнадежно пытались зажечь костер атаки. Словом, перестройка поставила перед тренерами много вопросов, не потому ли руководители наших сборных — В. Николаев и А. Пономарев — все чаще задумываются над тем, кого брать в команду? Перед ними мелькает множество универсалов, в том числе и способных, но среди них нет ни одного Боброва или Федотова, Месхи или Метревели, Симоняна или Понедельника, Иванова, Нетто или Воронина.

Кто поведет команду в атаку? Кто станет у пульта с дирижерской палочкой? Но разве советский футбол оскудел талантами? Нет! Только в этом сезоне появились молодые, способные мастера. Я имею в виду Байдачного, Кожемякина, Мирзоева, Иштояна, Конькова, Долматова, Кипиани, Булгакова, Гуцаева, Хижака и других, но очень важно, чтобы они не попали в клещи универсализаций, в мясорубку сверхскоростной игры, не растеряли свои индивидуальные качества, не позабыли навыки своего амплуа. Тренерская воля не должна убивать живую природу игры. Напротив, наставник обязан развивать в футболисте свойственные ему качества, дар, фантазию, изобретательность.

Пеле как-то сказал: «Футбол — великолепная игра, когда мы имеем право двигаться, куда влечет нас игровая фантазия или куда направляет интеллект».

Лучше других это поняли киевские динамовцы, и поэтому они добились такого безусловного успеха. Умело организованная атака, в которой на переднем крае, как правило, действуют 3—4 игрока, а часто и больше, определила наступательный стиль команды. Весь сезон команда провела без срывов и только три раза, во Львове, Тбилиси и Ростове-на-Дону, потерпела поражение. Атакующая направленность облегчила задачу игроков оборонительной линии, и динамовцы пропустили в свои ворота всего 17 мячей. Это рекорд сезона! Немудреный лозунг «Нападение есть лучшая защита» и на сей раз подтвердил свою жизнеспособность.

Приятно отметить тонкое педагогическое мастерство тренера А. Севидова, сумевшего развить потенциальные способности многих футболистов. В действиях динамовцев не чувствовалось заранее заготовленных, стандартных комбинаций, трудно было угадать, что еще выдумают Мунтян, Колотов, Бышовец или Хмельницкий.

Если появление на пьедестале почета киевских футболистов никого не удивило, то ставшие рядом с ними ступенькой ниже и не скрывающие своей радости спортсмены «Арарата» приятно озадачили любителей футбола. К пьедесталу почета они шли непросто, падая и поднимаясь, но никогда не теряя надежды. Еще весной можно было заметить свободную, открытую игру ереванских футболистов, показавших достаточно высокую технику и красоту комбинационной игры. Секрет тренера команды Н. Глебова заключался в том, что он культивировал атаку широким фронтом, использовал быстрых крайних, нападающих Казаряна и Иштояна, действия которых направлял остроумный тактик Маркаров. Если же к этому добавить второй эшелон — полузащитников Заназаняна и Андриасяна, то успех команды объяснить нетрудно.

На пьедестал почета поднялись футболисты тбилисского «Динамо». Наконец-то отказавшись от вредной теории «своего» и «чужого» поля, тбилисцам в течение сезона случалось побеждать на чужих полях и проигрывать на своем, но в итоге они оказались в первых строчках турнирной таблицы. Этому не в малой степени способствовали молодые футболисты, вошедшие в конце сезона в коллектив и которых по праву можно считать внуками Пайчадзе, Шавгулидзе и Джеджелавы.

Из поколения в поколение команда сохраняет типичные черты и черточки, характерные для грузинского футбола. Высокая техника и бурный темперамент — вот отличительные черты тбилисского «Динамо». Вдумчивый и опытный тренер Г. Качалин, хорошо знающий современный футбол, не поддался модным влияниям «двуствольной» атаки и «пятиствольных» оборонительных заграждений и тем сумел сохранить стиль и манеру действий команды.

К сожалению, не все команды сохраняют свой почерк, многие игроки даже к осени не улучшили своей игры, меткости обстрела ворот и часто не могли реализовать, казалось, стопроцентных шансов на успех. И вовсе не удивительно, что результативность — единственный показатель класса игры — осталась на старом, низком уровне.

В данном случае нет ничего убедительнее цифр, а они говорят, что в шкале результативности многих европейских команд наши стоят на предпоследнем — 23-м месте!..

В дождь, снег, буран прошли последние календарные игры, а тут еще вклинились ответственные международные встречи. Испанцы, киприоты и североирландцы проиграли в Москве нашей сборной, а повторные встречи в Белфасте и Севилье оказались значительно труднее, и наши лучшие мастера, не показав активных наступательных действий, должны были довольствоваться ничьими.

Московским клубам — ЦСКА и «Спартаку» — только в первом туре удалось сохранить свои позиции в турнирах европейских клубов. Во втором туре армейцы не выдержали испытания в борьбе с бельгийским «Стандартом»; «Спартак» проиграл португальской «Витории». Только динамовцы одолели молодой турецкий клуб «Эскишехирспор» и получили право на дальнейшую борьбу за Кубок обладателей кубков.

Да, мы не избалованы успехами на международной арене. Минувший сезон ничего в этом смысле не изменил. В который раз мы слышим в объяснение этому надоевшее «если бы», «нам бы», «мы бы»...

А пока, покидая заснеженный стадион, я услышал чей-то возмущенный голос:

— Удар, еще удар... А когда же гол?

В этой реплике — средоточие всех наших футбольных бед.

31-й день, 3 566 километров по Оби.

Специальные корреспонденты «Огонька» Дмитрий БАЛЬТЕРМАНЦ и Николай БЫКОВ

...Однажды сразу навалился север. Разбудила качка, какой еще не было. Светало. Низким пологом накрыло мир незнакомое небо. Встречные волны — тяжелые, будто они из жидкого стекла — накатывались так, словно Обь пошла вспять. Воздух за ночь охолодал настолько, что уже не верилось вчерашнему давящему зною в Мегионе. На горизонте голо. Мир являл собою одну правильную полусферу: истончившийся берег и вода. Причем вода реки стала заметно выпуклой, как море на рисунках в учебнике географии.

И вот, наконец, пестрый буй — слияние Иртыша и Оби. Еще дальше вправо отодвинулся правый высокий и кряжистый, с осыпями берег, поросший, очевидно, кедрачом. Левый разворот, и сразу смирились волны, упала наша скорость — мы вошли в Иртыш, значит, начали медленно подниматься «в гору». К Ханты-Мансийску. Вокруг вода, вода, даже дальние деревья в воде...

■

Новый Ханты-Мансийск, словно остров Буян в сказочном океане. Очень красивая всхолмленная местность. Рядом с лесом неожиданный асфальт, универмаг, здание телеграфа и почты, новое здание окружкома партии. И повсюду цветы, будто воды Иртыша теплее обских и нет ее рядом, северной реки Оби.

Первый секретарь окружкома партии Лев Иванович Кудрявцев рассказывал о делах хантов и манси несколько часов — интересно и страстно. Что и говорить, исторические сдвиги в этих местах очевидны. Ханты-Мансийский национальный округ, которому только что исполнилось сорок лет, горд тем, что северную нефть отыскали и добывают на его древней земле. В прошлом году за успехи в освоении и увеличении добычи нефти округ был награжден орденом Ленина. Семь районов этой большой страны отличаются друг от друга и географически и экономически: одни богаты нефтью, другие — лесом, третьи — рыбой, четвертые — оленями, пятые — природным газом... Да, климат здесь суров. Лето слишком короткое. Зато много полезных ископаемых, неплохие перспективы в деле рыборазведения (сейчас добывается до ста тысяч центнеров рыбы в год).

А лес! Древесина идет и сплавом (караваны плотов), и баржами, и по железной дороге... Есть бригады, которые за год до шестидесяти тысяч кубометров леса дают, а в такой бригаде всего-то человек десять — двенадцать. Они на хозрасчете, работают люди, как говорится, на один котел, отлично вооружены механизмами. Только вот плохо, что и посейчас на месте

Окончание. Начало см. «Огонек» №№ 41, 42, 46.

ДЕНИЕ В ЗАВТРА

обрабатывают лишь десятую часть (или чуть больше) добытого в округе леса. Мало, очень мало! На юг перевозится балласт в виде коры да сучьев и всего того, что непременно отпилят, остругают где-то там, на чужих лесокомбинатах. Правда, в новой пятилетке д о́ м а будут обрабатывать уже четверть леса. Значит, возрастут и прибыли и достаток лесхозов. Короче, Ханты-Мансийскому национальному округу, дабы не терпеть убытков на вывозе лесного сырья, нужна своя лесоперерабатывающая промышленность. И не обязательно возводить комбинаты, «крупнейшие в Европе». Нет, очевидно, выгоднее всячески поощрять создание мобильных, на сто процентов механизированных лесопунктов, вооруженных современными агрегатами, установками, сушилками.

Проблемы комплексной реализации богатейших ресурсов Севера... Они достаточно сложны, новы для тех, кто приступил к освоению обского Приполярья. Взять тот же попутный газ. Факелы сегодня горят повсюду вдоль Оби — и в тайге и на подступах к тундре. Попутный газ — богатство, да еще какое! Конечно, без факелов какое-то время не обойтись, потери тут неизбежны. Кстати, в пятилетке Нижневартовского района записано: дать первые два миллиарда кубометров попутного газа уже в конце 1973 года. Почти весь этот газ предназначен для строящейся Сургутской ГРЭС. И все-таки ясно, что газоперерабатывающая промышленность разворачивается здесь медленно. Лев Иванович Кудрявцев, имеющий немалый опыт партийной работы в северной промышленности, снова и снова подчеркивает: наряду со строительством мощнейших газопроводов можно бы и не забывать о том, чтобы собирать и отводить газ к местным объектам — котельным, теплицам, баллонозаправочным станциям... Ведь пока что за год сгорает и двести и побольше миллионов кубометров попутного газа. А если его собрать...

■

И снова утро туманное... Стояли, уткнувшись в крутой берег с рухнувшими лиственницами. Посреди реки пережидал туман «Брусилов» — толкач с нефтеналивной баржей. Тревожные гудки плавали в утреннем «молоке». Мрачно темнел высокий берег — здесь где-то отыскали ученые м о л ь б и щ а древних приобских племен...

Кажется, начинаются приключения! Туман, мели... Ими так богат Север! Не случайно мы встречали столько туристов, вольных путешественников по воде и бездорожью. Уже в самом начале нашей поездки познакомились с лесничим из Литвы. Оказалось, что Витаутас Алманис после института работал в Горном Алтае. Сибирь ему так полюбилась, что и в сей год он приехал сюда в отпуск «просто походить по горам». И походил целых три недели! («Пока один, а скоро вернусь сюда с детьми, ведь сын у меня сибиряк, он родился в Горном Алтае».) Вот и в низовьях Оби мы повстречали аспирантов из Москвы и Харькова. И научных сотрудников из Ленинграда, они поднимались на байдарках по знаменитой Сосьве...

Манят, манят к себе и Обь и Приобье. Север вообще. Манят тишина, просторы, неожиданности и красота, способные околдовать, способные приворожить и на день и на месяц. На жизнь.

■

Лакпан, Ванпан, Сурпан — давно пошли места с экзотическими названиями, не менее экзотическими, чем названия в Средней Оби — Прорытовский стрежевой песок, Лукашкин Яр, тоже стрежевой песок... Стрежевой песок — это отмель (по-волжски «тоня»), лучшее место для притонения невода с осетровыми и прочей рыбой. «Пан» — песок, песчаная отмель на языке ханты. В Лакпане и в других местах рыбу ловят бригады Березовского комбината. Рыбаки вылетают на гидросамолете вместе с лодкой, с сетями («повяз» — несколько сетей в одну!), с прочими непременными орудиями лова.

Березовский рыбокомбинат считается молодым. В этом году он даст более трех с половиной миллионов консервных банок. Свой флот, свои мастерские, своя акватория (есть даже своя звероферма). Работы много, а вот людей не хватает (более ста человек!). План велик, хотя вполне реален — до шестнадцати тысяч центнеров рыбы в год. Намечен рост производства в новой пятилетке более чем в полтора раза. Экономическая реформа помогла преодолеть топтание на месте в развитии рыбных промыслов, покончить с убыточностью... И пошла рыба — мороженая, копченая, маринованная, иногда и живая, пошла в двадцать шесть областей страны! Появились у работников рыбокомбината своя дешевая столовая, путевки на юг, тринадцатая зарплата...

■

В Тегах — деревне хантов — мы ночевали. А утром возле сельского Совета собралась группа жителей в национальной одежде. По нашей просьбе. Дело не в экзотике. Одежда у хантов, как и у других представителей

Лауреат Ленинской премии А. Г. Краев

многочисленных северных народов, оригинальная. В будни ханты, конечно, одеваются обычно, как принято всюду. Но вот по нашей просьбе все, кто был в деревне свободен в те утренние часы, оделись в свою национальную одежду. А учитель Максим Степанович Отшамов со своим Валеркой даже показали танец бельковщика — охотника, высматривающего белок! Этот танец Отшамовы «возили» (на самолете!) на фестиваль самодеятельности в Тюмень.

Много смеялись лукавые односельчане и над тем, как колхозный парторг Степан Александрович Рябчиков позировал у прясла в окружении ярко разодетых женщин. Шелестели тонкие березки, рядом чудесные лайки развалились в неге на теплом тротуаре из отмытых досок. А потом Степан Александрович играл на дедовском национальном инструменте, потемневшем от времени. И снова улыбались женщины — повар, курьер сельсовета, санитарка, колхозница...

Не мог не привлечь внимания мальчишка, возившийся с пушистой и огромной, как пестун-медвежонок, лайкой. Разговорились не сразу. Наконец, Саша познакомил с лайкой Космос.

— Кто же его так назвал?

— Я.

Потом Саша рассказал, что у него десять братьев и сестер (тут же выскочила на крыльцо смешливая, вся в рыжинках сестренка Фаина). Папа Константин Васильевич — бригадир, он воевал с фашистами и был ранен. И еще папа их уже дедушка, только молодой. Брат Емеля уже школьник, а сестра Маргарита врачом в Березове, еще у него есть фотография артиста Ульянова, а рядом живет прадедушка Василий Ильич, он охотник...

Вот такое интервью дал Александр Навьюхов, житель деревни Теги, шести лет, хозяин замечательного пса с кличкой «Космос». И одно было досадно, что не умел я сказать Саше на его родном языке ни слова! И что бы я ему сказал?

— Счастливый, будь счастлив!

И еще:

— Когда вырастешь, парень, тебя ждет необыкновенное Завтра. Не зря же воевал твой отец так далеко (дальше далекой Москвы), и не зря же по твоему берегу прошли однажды геофизики и геологи. И не может того быть, что ты случайно дал любимому и пока единственному поверенному во всех твоих земных делах имя Космос...

■

Закон реки непреложен: как бы долго ни тянулись берега вдоль дороги воды, наступает день последнего костра.

Грохотала одуревшая волна на темном стрежне. Таилась где-то рядом суводь — место опасной гигантской воронки... Всерьез казалось, что идти против северного шквала небезопасно. Лучше бы переждать под берегом. Последний костер был высоким и жарким. Случайный рыбак Устин Навьюхов угостил сырым (только что из Оби) муксуном — экзотическое блюдо называется, кажется, няркул. Этим и запомнился песок Карлохпан. На языке ханты: кар — стерлядь, лох — залив, пан — песок, то есть место ловли рыбы. А ветер не унимался. Только к ночи мы все же спустились до Кызым-мыса. Салехард вот он, рукой подать, но то ли Север всегда такой негостеприимный, то ли сам старик обской не пускал.

■

В низовьях Обь делится на две мощных реки — на Большую Обь и Малую. Между ними синий лабиринт, огороженный тальником, в котором очень просто заплутать и остаться навсегда. Сходятся два русла лишь километров за полтораста до Салехарда. И тогда река становится чуть ли не морем! Ширь такая, что берега едва различимы, они как бы размываются, и вода уже не вода, а небо. Кривизна окоема еще круче, и не по себе делается от холодного ощущения шарообразности земли, от ощущения конца — реке, берегам, а быть может, и свету!.. И хоть бы одно встречное судно за весь день.

Наконец, слева показались белые вершины Северного Урала. Впереди последний (четвертый?) пестрый буй — разворот вправо. И — здравствуй, Полярный круг! (Кроме всего прочего, радостно было еще и оттого, что оправдалась надежда: не было и нет пока традиции окунать в Обь тех, кто пересек Полярный круг впервые.) Здравствуй, Салехард!

■

Салехард — центр Ямало-Ненецкого национального округа. Ямало-Ненецкий национальный округ — это прежде всего мужественные люди, поскольку речь идет о жизни на Крайнем Севере, но это и сотни тысяч северных оленей и недра, наполненные газом и нефтью. Последняя обнаружена совсем недавно.

Тепло и уютно было в кабинете первого секретаря окружкома партии. За окном лил предзимний дождь. Виктор Николаевич Тюрин рассказал о жизни нефтеразведочных экспедиций — Тазовской, Уренгойской, Тарко-Салинской... Добрым словом помянул он великую Обь и ее тружеников-речников. Без реки, без этой мощнейшей конвейерной ленты, не освоить Севера. Все грузы сюда идут в основном по реке. За нынешнее лето, например, речники завезли около 270 тысяч тонн грузов. Реально же до конца навигации они должны были успеть завезти чуть ли не столько же... И Виктор Николаевич озабочен тем, что немало еще грузов осталось на перевалках в Омске, в Тобольске и даже под носом — в Лабытнангах.

Салехард — город деревянный. Район вечной мерзлоты. Но ничто не вечно под луной. Именно в новой пятилетке начнется следующий этап в жизни национального округа — современное строительство. В Салехарде грохочет паровой молот — в твердь мерзлоты, названной вечной, погружаются первые сваи. Придет конец, казалось бы, неразрешимой проблеме фундаментов. Будут теперь фундаменты. Скоро поднимутся новые здания—центральной поликлиники, первого жилого квартала со всеми городскими удобствами. Будет новый Салехард, столица Ямала. А напротив — на другом берегу, уже строится новый порт в Лабытнангах.

■

В начале нашего хождения я записал для памяти фамилию Краева. И вот мы встретились. Спокойный, широкий в плечах, умный человек. Аркадий Григорьевич Краев — начальник треста «Ямалнефтегазгеофизика» Министерства геологии СССР. Лауреат Ленинской премии. Успехи геофизиков, геологов на Ямале потрясающие. Уже много писалось и о газе и о нефти нашего Крайнего Севера. Не обойтись и мне без основных цифр, касающихся девятой пятилетки. Тюменская область (а ведь Ямало-Ненецкий национальный округ — это самый север области) доведет добычу нефти в 1975 году до 110—120 миллионов тонн. А добыча газа превысит здесь 40 миллиардов кубометров. Это в последний год. За всю же девятую пятилетку промыслы обширнейшей Тюменской области, включая нижнее Приобье и Ямал, дадут Родине около 400 миллионов тонн нефти и 100 миллиардов кубометров газа. Какова доля тюменского Севера в союзной добыче?

— Примерно шестьдесят процентов общесоюзного прироста добычи нефти,— ответил Краев.— Ну, и треть прироста добычи газа...

Если говорить о самом характерном для северной пятилетки, то это, конечно, новостройки. Данные разведочных работ убедили Госплан СССР — пора строить и строить быстрее. Восемь миллиардов рублей — таков объем капитальных работ в Тюменской области на пятилетку. То есть на три миллиарда рублей больше, чем было отпущено за предыдущие пять лет.

И как же тут, находясь именно в Салехарде, не помянуть добром гениального прозорливца Ивана Михайловича Губкина, высказавшего гипотезу о нефтеносных районах Западной Сибири!

— Гипотеза не прогноз,— заметил Краев.— Но интуиция, мечта действительно нередко помогают ученым.

Аркадий Григорьевич сделал для нас небольшой экскурс в глубины геофизики. Что привело разведчиков на Ямал? Первый признак — наличие осадочных пород. Затем наличие органических веществ в пробах. («Мы все здесь так называемые органики, то есть исповедуем теорию органического происхождения нефти».) Далее, есть в здешних недрах и наличие соответствующей структуры: ловушки, подземные купола, возможные вместилища нефти. Играет роль, оказывается, и благоприятный температурный фактор.

Короче, все свелось к тому, что надо было искать нефть в Западной Сибири. Глубина? И три тысячи метров и глубже. Разведали: запасы нефти и газа огромные. А после того, как получше разбурили Северное Приобье, то выяснилось, что прогноз запасов занижен. А ведь есть еще резервы — дело в том, что глубже трех-четырех тысяч метров пока почти не заглядывали. Но в Тазове отдельные скважины уже углубились за отметку четыре тысячи метров!

Первыми по Ямалу прошли геофизики Краева. Он увлеченно рассказывает о структурах, о горизонтах даже ниже пяти и ниже семи тысяч метров. («Там настолько высокая температура, что нефть давно превратилась в конденсат».) И незаметно Аркадий Григорьевич перешел к рассказу о далеком геологическом прошлом этой обширнейшей страны. Подумать только, на месте Салехарда, где мы сейчас сидели в фойе Дома культуры народов Севера, плевались магмой вулканы...

— Западная Сибирь,— закончил Краев,— явление настолько же уникальное, насколько и странное. Не во всем еще объяснимое. Например, такие низкие температуры у поверхности и такие высокие в недрах!.. Или пример из нашей действительности. Ясно, что мы вступили в эпоху освоения Нижней Оби и Ямала. Географически это тундра. Пустыня, залитая водой. Безлюдье. Строить города? Но как, каким образом и в какие сроки? И где оценка уникального явления, экономика, расчеты?..

Вопрос о грядущем здешних мест волнует сегодня всех. Все хотят заглянуть в Завтра! Какое там оно? И пока поэты — местные и гости — воспевают «кладовые Севера», простые смертные думают: строить ли им города или пока не пришло время таких расходов? Вот я читаю: «Со сказочной быстротой растет Надым...» Планировали поселок на шестнадцать тысяч человек, а теперь надо бы проектировать город на все сорок тысяч. Минувший учебный год в Надыме начинали тридцать детей, а закончили почти двести. Нынче там пошли в школу уже шестьсот детей. И это, представьте себе, в Надыме!

Давайте помечтаем... Значит, строить города? Значит, все для человека? Значит, Надым под пленку? И вот уже ленинградцы спешат претворить мечту в жизнь. Они проектируют грядущий Надым: жилые кварталы с домами на девяносто квартир (комфортабельные проекты!). На улицах, даже если и минус шестьдесят на градуснике, жители будут ходить без пальто. И будут купаться в открытом (!) бассейне, поливать цветы. Ни мороза, ни режущего ветра, ни гнуса... Я тоже за такой город. Но я внимательно выслушивал десятки людей, не имеющих пока нормального жилья. Они говорили не о себе лично — о детях говорили, о том, что нет дорог, автобусов, детских яслей, что мало яблок и солнца, много комаров...

Пожалуй, это выход — строить искусственные города в условиях Крайнего Севера, в приобской тайге. Сегодня же. Но капитальное строительство такого размаха — дело пока просто нереальное. И надо признать условия бытия в эти первые годы освоения тюменской нефти ненормальными именно для членов семьи, для детей. Напомню еще раз тот же Нижневартовский. Там «СУ-909» возглавляет Борис Григорьевич Шереметьев. Он из первопроходцев — и характером и по существу. Строит на Севере с 1965 года! Уж он-то знает, как до-

Рыбаки бригады Александра Петровича Пуртова. ▶

На развороте вкладки:

Анастасия Алексеевна Неттина, пенсионерка, мать пятерых потомственных рыбаков.

Бригада рыбаков готовится к вылету на место лова...

7310

СССР-91717

стается каждый метр дороги и жилья... И что же? В коллективе одного из лучших управлений в Союзе примерно половина из пятисот человек работает всего лишь... год. А три года — лишь каждый десятый! Текучка... Причина? Залетел сгоряча на Север, туда-сюда, романтика! Заработки! А жить-быть ох как трудно... А коли женился, коли дети пошли — собирай вещи. Это факт. И Краев подтвердил:

— Города под пленкой? Сам мечтаю! Но здесь фронт, и тяжелейший, потому что линия переднего края проходит за Полярным кругом. Требовать город с удобствами для всех — иллюзия или, что хуже, авантюризм.

Вот и я прочитал, что академик Лаврентьев и такой северный волк, мужественнейший человек, как контр-адмирал Бурханов, серьезно возражают против поспешного заселения Севера. Против поспешного. У Сибири есть свой чудесный юг. Отличные места для новых городов! Красивые и удобные для градостроительства, со здоровым климатом и обилием сельскохозяйственной продукции. Мы и сами убедились в этом, будучи в верховьях Оби или на Средней Оби...

Что же предлагают взамен городов специалисты, люди, много думавшие над серьезнейшими социально-экономическими проблемами, выдвинутыми программой освоения Западной Сибири? К 2000 году это будет район, оснащенный современнейшей техникой. Район развитых производительных сил. Современные заводы с поточными линиями. Высокомеханизированные сельскохозяйственные станции (назовем их так!). Автоматика на нефтяных промыслах... Все это потребует строго ограниченного и заранее известного числа высококвалифицированных специалистов и рабочих. Для такого продуманного числа обслуживающего персонала недорого построить и «город под пленкой». Или отличные коттеджи из вековых лиственниц, из кедров — они не хуже блочных домов. Вокруг производственных объектов посильно тогда будет создать систему бетонных магистралей, тепличные комбинаты, фермы... Не нужно будет пытаться объять необъятное — натопить тундру или дать каждому ребенку по банану! Жизнь тут будет производственно необходимой. И экономически обоснованной, оправданной. Хотя внешне, быть может, и меньше похожей на сказку, а больше на реальное наше З а в т р а, которое самое время запрограммировать.

Итак, есть еще и голоса в защиту экспедиционного метода освоения Севера. Освоения методом в а х т. В самом деле, уходят же рыбаки в Атлантику на полгода и больше? Уходят. Улетают зимовщики на год в Антарктику? Улетают. Трудно им без тех, кого так хочется понянчить после рабочего дня? Наверняка трудно. И все же, и все же... Вахты есть и сегодня — я сам провожал буровиков и шесть лет назад и вот сейчас в Мегионе. Улетают люди на несколько дней в тайгу. Это выгоднее, чем строить поселок возле каждой буровой. Выгоднее, то есть по нынешним средствам, по карману. Может быть, надо благоустраивать какие-то опорные населенные пункты? Чтобы только команда специалистов жила там и работала... Как долго? Месяц, три, полгода?.. Жизнь подскажет. А потом люди сдадут смену — и на юг! На юге Сибири, утверждают специалисты, и будет жить основное население... Ибо содержать семьи на Севере, в суровых климатических условиях, нерационально, неудобно, глупо — прочел я мнение академика Лаврентьева.

Ту же точку зрения разделил мой собеседник в Салехарде, лауреат Ленинской премии А. Г. Краев:

— Даже молодой специалист, человек, казалось бы, высоких дум (но и определенных духовных потребностей), здесь самый краткоживущий! Минуют три-четыре года становления после института, я хочу его нагрузить как специалиста и как зрелого мужчину, но у него уже годовалый ребенок, жена, естественно, потом второй ребенок... И в Таз его уже не пошлешь. Тот, кто здесь не жил, не работал, тот не понимает, как тяжело на Севере организовать быт подчиненных и их семей. Не забывайте, что лето здесь два-три месяца только. А обучение детей — да это целая проблема! А их лечение...

Дискуссия? Это хорошо, это всегда на пользу. Главное, чтобы в обсуждение было вовлечено побольше людей — и тех, кто готов у костра жизнь прожить, и тех, кто не считает теплый клозет признаком «барства». И тех, кто склонен осваивать новые земли всем «табором», кто едет на край света с чадами и домочадцами. Всем — слово!

■

Мы были у истоков грандиозного строительства газопровода «Сияние Севера». Это целая система перекачки газа с Крайнего Севера в Европейскую часть Союза. Плеть из труб проложат от Надыма на Салехард — Печору — Ухту. Она выйдет к Торжку, Калининской области!.. Сейчас идут большие работы по сварке плети, по испытаниям различных способов укладки ее: пройдет ли она по траншеям или по поверхности земли в изоляционной «шубе»? В конце лета испытывался на прочность газопровод Пахрома — Казым. Здесь давление довели до 61,5 атмосферы. Выдержал!

Разведчики только что рапортовали: есть новое месторождение! «Медвежье». И уже намечены пять новых газопунктов. Рядом открыто еще одно месторождение — всего-то в шестидесяти километрах от «Медвежьего». А рядом еще одно, в Уренгое... Счет запасов уже идет на триллионы кубометров: один, полтора, семь!.. Разведчики день и ночь, пока не лег снег, уходили все дальше на восток.

«Сияние Севера» — очень хорошо назвали новые хозяева сибирских кладов будущую г а з о в у ю реку.

■

Не успели вернуться домой, а с Оби уже приходят письма. Прислал стихи инструктор Ямало-Ненецкого окружкома партии Роман Ругин. Он воспевает тундру, новь Севера и, конечно, оленей — они для ненцев и одежда, и пища, и транспорт. Но уходят олени, высоко поднимаются «каменные чумы», взлетают «крылатые нарты», нефтяные вышки достают северное небо — и дрожат сияющие огни на горизонте. Теплое сияние нового Севера, зажженное человеком...

А вот письмо от Анатолия Плесовских из Мегиона. Анатолий — инженер-геофизик, он влюблен в Приобскую тайгу, в Обь. Он любит многодневные вахты на буровой, полеты над ржавью топей... Любит товарищей своих и потому пишет о них рассказы, мечтает о книге...

Не успели вернуться — письма... Почему? Незнакомые люди стали знакомыми. Далекий Салехард и далекий Бийск стали близкими. Там живут друзья. Так всегда бывает после удачного путешествия: ведь все земли, все реки, все горы давно уже открыты,— теперь открываешь людей! А люди на Оби — от слияния Катуни с Бией до Обской губы — живут самые разные. Мы встречали сильных, умных, смешных, увлеченных (хотя встречались нам и полные их противоположности). Люди косили хлеб, воспитывали ребятишек, поднимали тяжелейшие «подвески» на вертолетах, изучали пшеницу и капусту, проектировали нефтепровод, защищали диссертации, вырезали смешных зверьков из дерева, солили рыбу... Жили жизнью сибиряков — старых и новых, недавно в Сибири прописанных. Вот их и будем теперь вспоминать — каждого, ибо каждый был неожиданным, тем и интересным. От них зависит судьба пятилетки, судьба программы дальнейшего развития производительных сил в Западной Сибири.

И уж, конечно, мы не забудем команду теплохода № 629 Западно-Сибирского пароходства: капитана Петра Егоровича Калугина, штурмана Михаила Шонина, моториста (и гитариста) Жору Волохова, рулевого Толю Утина, матросов — практикантов из Новосибирского ГПТУ-3 Сашу Улитина и второго Сашу — Фомина. И Полину Ивановну Шонину — кока, Мишину маму, которая в течение всего рейса ни разу не повторилась, готовя все новые и новые сибирские блюда... А читал нам лоцию по ходу плавания, а заодно и краткий курс истории «ермаковых землиц» бывалый речник Василий Тимофеевич Коваленко, наш гид по Оби (в речном миру капитан-наставник). Всем им предназначены слова благодарности, ибо пройти 3 566 километров по одной из великих рек Азии без происшествий и в самом деле не шутка.

Итак, рейс закончен. Сквозь разорванный туман поглядывало низкое солнце. Ложилась на землю морось. Сибирь стала похожа на Сибирь, как о ней принято думать. Все полеты отменены на сутки. Лишь один — по расписанию: в Москву! А нам на этот раз нужен был только он, единственный.

Осталась Обь за кормой. Остался гостеприимный теплоход — беленький на потемневшей Оби. Остался на земле и Салехард — старый и новый... До встречи, богатырские «землицы» близкого Завтра! Это прекрасно, когда твердо знаешь, что оно будет совсем непохожим на все, что мы видели в 1971 году. И тут самое место еще раз вспомнить Александра Николаевича Радищева, по сути, первого мыслящего землепроходца (поневоле) наших зауральских и заобских владений. Немало самых различных впечатлений оставило у него трагическое путешествие через Сибирь, но главным было окрепнувшее чувство уверенности в достойном будущем исторически деятельного народа, терпеливо преобразующего окружающий мир:

«Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ Российский... О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!»

Что ж, очень достойная цель: блаженство общественное. Достижению этой цели и сегодня предназначено могучее сибирское поле народной деятельности.

«Свистать всех наверх — фотографироваться!» Команда теплохода № 629.

◀ А это Саша Навьюхов, который дал своему любимцу кличку «Космос».

Г. К. Жуков. 1941 год.

ПОБЕДА ПОД МОС

Битва под Москвой стала предвестницей многих победных сражений, в которых Красная Армия окончательно разгромила фашистские полчища и водрузила знамя Победы над рейхстагом в Берлине.

«Огонек» обратился к выдающемуся полководцу нашей страны — бывшему командующему войсками Западного фронта, четырежды Герою Советского Союза, Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову с просьбой рассказать о наиболее важных этапах этой битвы. По поручению редакции беседу вел кандидат исторических наук, журналист, полковник Н. А. Светлишин.

ВОПРОС. Георгий Константинович, расскажите, пожалуйста, об особенностях обстановки, сложившейся на московском направлении осенью 1941 года, когда 10 октября Ставка приняла решение о назначении вас командующим войсками Западного фронта. Каковы были ваши первые решения, принятые сразу после вступления на этот пост?

ОТВЕТ. К осени 1941 года на фронте сложилась очень тяжелая обстановка. Вражеские войска глубоко вклинились на нашу территорию. Создалась реальная угроза Ленинграду, Москве, Донбассу. Превосходство в численности и вооружении, стратегическая инициатива, господство в воздухе были на стороне врага. Гитлеровцы стремились победоносно закончить войну до наступления зимы.

Овладение столицей и Центральным промышленным районом СССР, по мнению военно-политического руководства фашистской Германии, оказало бы решающее влияние на достижение конечных целей войны, предусмотренных планом «Барбаросса». Вот почему в генеральное наступление на Москву враг бросил самую мощную группировку — группу армий «Центр», насчитывающую в своем составе без малого восемьдесят дивизий, что составляло более одного миллиона человек. Эти дивизии располагали более чем четырнадцатью тысячами орудий и минометов, тысячью семьюстами танками, девятьюстами пятьюдесятью боевыми самолетами. Сокрушительный характер наступления на советскую столицу нашел свое выражение даже в самом его кодовом наименовании — операция «Тайфун».

Советское командование могло противопоставить врагу значительно меньшие силы. Прикрывавшие московское стратегическое направление Западный, Резервный и Брянский фронты, которыми командовали генерал И. С. Конев, маршал С. М. Буденный и генерал А. И. Еременко, имели в своем составе около 800 тысяч человек при 6 808 орудиях и минометах, 782 танках и 545 самолетах. Перевес в силах, и, как видите, немалый, на стороне врага.

30 сентября на Брянском и 2 октября на Западном фронте противник перешел в наступление. Советские войска героически сопротивлялись. Но силы были неравны. Особенно на направлениях, где гитлеровцы наносили главные удары и имели многократное превосходство над советскими войсками в численности и вооружении. Благодаря этому враг прорвал нашу оборону на некоторых участках. К 7 октября 1941 года группировка советских войск в составе 19-й и 20-й армий Западного фронта и 32-й и 24-й армий Резервного фронта оказалась окруженной фашистскими войсками.

10 октября на ряде важных направлений немецко-фашистским войскам удалось подойти вплотную к можайской линии обороны, а в районах Детчино, Калуги и Боровска частично даже прорваться через нее. Это был очень опасный момент. Кратчайшие пути к Москве с запада оказались почти открытыми.

С положением дел на подступах к Москве мне удалось в общих чертах ознакомиться еще до вступления в должность командующего войсками Западного фронта. 7 октября по вызову И. В. Сталина я прилетел из Ленинграда в Москву и в качестве представителя Ставки был направлен для оказания помощи войскам, оборонявшим столицу. А 10 октября 1941 года по решению Ставки Западный и Резервный фронты объединились в один — Западный фронт. Меня назначили командующим этим фронтом.

Я совершенно отчетливо представлял, что для защиты Москвы необходимо принять экстренные меры. Прежде всего требовалось срочно создать прочную оборону на рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Калуга, развить оборону на глубину, подготовить вторые эшелоны и резервы фронта, чтобы ими можно было маневрировать, подкрепляя уязвимые участки обороны. Надо было максимально активизировать наземную и воздушную разведку и организовать твердое управление войсками. А главное — развернуть партийно-политическую работу, мобилизовать духовные силы воинов на отпор врагу, укрепить их веру в свои силы, в неизбежность разгрома врага на подступах к столице. И все это следовало сделать незамедлительно, в условиях продолжавшегося наступления противника.

Начали мы с конкретной постановки задач вновь создаваемым армиям фронта и улучшения оперативного руководства войсками. Штабу и командованию 16-й армии во главе с генерал-лейтенантом К. К. Рокоссовским поручалась организация обороны на волоколамском направлении. 5-я армия генерал-майора Д. Д. Лелюшенко концентрировалась на можайском направлении, 43-я армия генерал-майора К. Д. Голубева — на малоярославецком, 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина — на калужском. 33-я армия развертывалась на наро-фоминском участке. Командующим этой армией вскоре был назначен генерал-лейтенант М. Г. Ефремов.

Военный совет фронта приказал всем армиям перейти к прочной обороне и не допустить прорыва противника в восточном направлении.

С первых же шагов мы также стремились оказать всемерную помощь войскам, находившимся в окружении западнее Вязьмы. Дважды — 10 и 12 октября — по радио нами были переданы командармам окруженных войск телеграммы, где содержалась краткая информация о противнике, ставилась задача на прорыв, общее руководство которым поручалось командующему 19-й армией генералу М. Ф. Лукину. Ему было предложено намеденно сообщить план выхода, группировку войск и на каком участке необходимо организовать помощь авиацией фронта. Однако на обе наши телеграммы ответа не последовало: вероятно, прибыли они слишком поздно. Прорыв из окружения осуществлялся отдельными группами, подразделениями и частями.

Мы оказывали посильную помощь окруженным войскам в их нелегкой борьбе. Ставка и командование фронта организовали бомбардировку с воздуха вражеских боевых порядков, сбрасывались с самолетов продовольствие и боеприпасы. Большего тогда сделать не могли, так как не располагали ни силами, ни средствами. Оказанная же нам помощь со стороны окруженных была неизмеримо большей. Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на можайской линии.

Необходимо отметить, что при организации обороны на можайском рубеже мы ощущали острый недостаток сил. Перебрасываемые Ставкой дополнительные войска только начали прибывать.

В этих условиях нам особенно важно было вовремя обнаружить подход противника, своевременно раскрыть его намерения и планы, чтобы успеть парировать удары врага. Поэтому всем объединениям и соединениям было отдано распоряжение организовать и активно вести непрерывную разведку с тем, чтобы исключить всякую возможность внезапного прорыва гитлеровцев через не занятые нашими войсками участки обороны.

Особенно трудно пришлось во второй половине октября. Малочисленные войска Западного фронта вступили в единоборство с главными силами немецко-фашистской группы армий «Центр». Почти девять дней на можайском и более десяти дней на волоколамском направлениях шли непрерывные кровопролитные бои. Наши части умело использовали инженерные сооружения и заграждения, сковывали маневр противника и наносили ему ответные удары. Эти бои имели важное значение для дальнейшего хода сражения под Москвой. В них нам

КВОЙ

удалось сбить темп наступления немецко-фашистских армий; войска фронта успели получить значительное пополнение и сумели создать сплошную оборону.

ВОПРОС. Постановлением Государственного Комитета Обороны от 19 октября 1941 года в Москве и прилегающих к городу районах было введено осадное положение. Как вы оцениваете значение этого мероприятия?

ОТВЕТ. Хочется подчеркнуть, что Центральный Комитет партии с первых дней войны проявил особую заботу о безопасности и защите Москвы. Еще 9 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны в постановлении «О противовоздушной обороне Москвы» определил меры по прикрытию столицы с воздуха.

В связи с резким осложнением обстановки на фронте летом 1941 года Государственный Комитет Обороны рассмотрел отдельно вопрос о строительстве тыловых оборонительных рубежей на московском направлении и утвердил целую систему оборонительных мер, которая включала вяземскую и можайскую линии и московскую зону обороны. На подступах к Москве намечалось построить 5,5 тысячи орудийных и пулеметных огневых точек, возвести 1 350 километров противотанковых рвов и эскарпов. Это означало, что придется извлечь без малого восемьдесят миллионов кубометров грунта, соорудить железобетонные укрепления, на которые требовалось двадцать пять тысяч тонн цемента, пятьдесят две тысячи тонн гравия, шестьдесят тысяч кубометров леса, большое количество арматурной стали и колючей проволоки.

Огромную работу по организации и проведению оборонительных работ под Москвой и в самой столице проделали Московская партийная и комсомольская организации и Московский Совет депутатов трудящихся. По их инициативе в августе и сентябре было сформировано тридцать трудовых рабочих батальонов, составивших почти девяностотысячную трудовую армию. Кроме того, насчитывалось около трехсот тысяч добровольцев-москвичей, главным образом женщин.

Трудно сейчас представить, каких неимоверных усилий потребовала обстановка в начале октября сорок первого года от Центрального Комитета партии, правительства, партийных и советских организаций на местах, чтобы в эти опасные для Родины дни мобилизовать в тылу новые людские и материальные ресурсы и быстро сосредоточить их под Москвой для восстановления фронта обороны. Но факт неоспорим. В результате энергичных мер, принятых Государственным Комитетом Обороны и Ставкой на можайском рубеже, в течение недели новый фронт обороны был создан.

Однако враг был еще слишком силен. В развернувшееся на можайской линии обороны сражение командование фашистской группы армий «Центр» бросало подошедшие соединения, которые до этого были скованы боями с нашими войсками, окруженными в районе Вязьмы. Стабилизировать оборону на можайском рубеже нам не удалось. На отдельных участках гитлеровцы вклинились в расположение советских войск. Бои стали перемещаться все ближе к Москве. Противник занял Малоярославец и Можайск.

Обстановка вынудила Государственный Комитет Обороны 19 октября 1941 года принять постановление о введении в Москве и прилегающих к ней районах осадного положения.

Постановление Государственного Комитета Обороны о введении в Москве осадного положения явилось актом огромной мобилизующей силы. Оно легло в основу всей деятельности партии, командования и политорганов фронта по мобилизации населения и войск на отпор врагу. Трудящиеся столицы восприняли это постановление как призыв партии к революционной бдительности, мобилизации всех своих сил и возможностей на оказание помощи войскам Красной Армии, героически защищавшим город.

На предприятиях и в учреждениях Москвы, а также на фронте в короткие паузы между жаркими схватками с врагом проходили митинги. Москвичи откликнулись на призыв партии новой мобилизацией сил. Во всех районах города формировались рабочие истребительные отряды. Сотни тысяч трудящихся, главным образом женщины, вышли на строительство укреплений и инженерных заграждений. Днем и ночью, в дождь и слякоть, под обстрелами и бомбежками они самоотверженно работали, опоясывая город оборонительными сооружениями, надолбами, противотанковыми «ежами». Этот патриотический подвиг москвичей трудно переоценить.

С каждым днем Москва приобретала суровый облик города-воина, а войска Западного фронта, защищавшие в тяжелых боях подступы к столице, чувствовали все более крепкую поддержку тыла. Это прибавляло силы нашим воинам.

Военный совет Западного фронта обратился с воззванием ко всем бойцам и командирам. В воззвании говорилось: «Товарищи! В час грозной опасности для нашего государства жизнь каждого воина принадлежит Отчизне!.. Родина зовет нас стать нерушимой стеной и преградить путь фашистским ордам к родной и любимой Москве. Сейчас, как никогда, требуется бдительность, железная дисциплина, организованность, решительность действий, непреклонная воля к победе и готовность к самопожертвованию...»

Политические органы, партийные и комсомольские организации соединений, частей и подразделений проводили огромную работу по глубокому разъяснению личному составу содержания постановления Государственного Комитета Обороны и стоявшей перед войсками фронта важнейшей задачи: во что бы то ни стало отстоять столицу нашей Родины, нанести решительное поражение рвавшемуся к ней врагу.

Призыв партии самоотверженно оборонять столицу нашел глубокий отклик в сердцах советских воинов.

Мысли и чаяния защитников Москвы в те дни выразили бойцы и командиры 1-й московской гвардейской мотострелковой дивизии полковника А. И. Лизюкова. В своем обращении к москвичам они писали: «Клянемся нашим матерям, давшим нам жизнь, клянемся народу, партии, Советскому правительству, что пока держит винтовку рука, пока бьется сердце в груди нашей, до последнего вздоха мы будем беспощадно громить, уничтожать фашистскую мразь».

Правда, решающие события были еще впереди. Но они не застали нас врасплох. Сила сопротивления войск Западного фронта росла и крепла изо дня в день...

ВОПРОС. Читателям «Огонька» интересно знать причины провала ноябрьского наступления немецко-фашистских войск на Москву. Почему гитлеровскому командованию не удалось прорвать оборону Западного фронта и замкнуть кольцо окружения вокруг столицы?

ОТВЕТ. Исторически это было закономерно. Нельзя поставить на колени народ и армию, отстаивающих честь, свободу и независимость своей социалистической Родины. Об этом свидетельствует весь путь, пройденный нашим государством. Но победа над врагом не могла прийти сама собой. Для этого требовались непреклонная воля и железная выдержка партии и правительства, высокое военное искусство командования, чтобы разумно распорядиться силами и средствами и нанести поражение врагу.

Под Москвой все, что мы умели, знали и могли, было отдано делу победы. И героизм воинов, что стал поистине массовым. И героизм нашего рабочего класса, колхозников, интеллигенции, которые, не жалея себя, во все возрастающих количествах снабжали войска всем необходимым. И организаторский талант руководителей. Словом, все советские люди отдали все, что могли. В результате героических усилий всего нашего народа октябрьское наступление немецко-фашистских войск, широко разрекламированное главарями фашистской Германии как «последнее и решительное сражение», оказалось сорванным. Мы получили важную, хотя и кратковременную, передышку.

Но положение продолжало оставаться серьезным. Выход противника к концу октября 1941 года в районы Калинина, Можайска, Тулы создал для нас исключительно трудные условия. Борьба перенеслась в Центральный промышленный район, к самому порогу столицы. Было ясно: противник все еще силен, способен продолжить наступление и скоро его начнет.

Немецко-фашистское командование лихорадочно перегруппировало войска, подтягивало новые резервы, напрягало последние усилия. Мы знали: враг ставит на карту все, выложит последние свои козыри.

К середине ноября обстановка под Москвой вновь накалилась до предела. Разведывательные данные и оперативные сводки Генштаба показывали: затишье подходит к концу, противник вот-вот бросится в новое наступление.

Мы также использовали оперативную паузу — готовились к срыву замыслов гитлеровцев. Значительно усилили фланговые группировки войск Западного фронта — здесь ожидались главные удары врага.

У Военного совета фронта большую тревогу вызывало соотношение сил — оно по-прежнему было не в нашу пользу. Немцы перегруппировали и пополнили свои части. На главных направлениях они снова добились превосходства в численности и технике. На истринско-волоколамском направлении против 150 танков, 767 орудий и минометов 16-й армии противник имел 400 танков и 1 030 орудий и минометов. Еще большим перевесом враг располагал на тульско-каширском направлении.

В замысле ноябрьского наступления на Москву гитлеровские генералы намеревались двумя мощными бронированными группировками нанести уничтожающие удары по флангам Западного фронта, стремительно обойти Москву с севера и с юга и сомкнуть за ней танковые клещи.

«Кольцо окружения города,— говорилось в директиве немецкого командования группы армий «Центр»,— должно быть сужено до окружной железной дороги. Эту линию по приказу фюрера не должен перешагнуть ни один немецкий солдат. Всякая капитуляция должна отклоняться. В остальном поведение по отношению к Москве будет объявлено особым приказом».

Позже нам стало известно, что Гитлер решил разрушить до основания советскую столицу, а место, на котором она стоит, затопить водой. Трудно себе представить более варварский план.

Фашисты верили в успех наступления. Был назначен командующий войсками СС в Москве, один из ближайших подручных Гиммлера, генерал Бах-Залевски. Он сформировал особую «передовую команду», в задачу которой входило массовое истребление москвичей.

Второе наступление немецко-фашистских войск на Москву началось 15 ноября. По войскам правого крыла Западного фронта ударили 3-я и 4-я фашистские танковые группы. Юго-восточнее Тулы наступала 2-я танковая армия Гудериана. В центре действовала 4-я полевая фашистская армия.

Гитлеровцы несли большие потери. Но это не останавливало их. Нашим частям, сражав-

шимся уже на ближних подступах Москвы, приходилось очень трудно: отступать было некуда. Советские воины стояли насмерть. Но врагу все-таки удавалось теснить наши войска. На некоторых участках назревал кризис. Овладев Крюковом и Красной Поляной, враг вплотную приблизился к столице. Но, несмотря на все усилия, несмотря на потери, противнику не удалось добиться главной своей цели — прорвать фронт обороны Западного фронта и окружить Москву. На этом мне хотелось бы остановиться подробнее.

Сразу же отмечу, что решающую роль сыграли мужество и отвага советских людей, храбрость и стойкость воинов, искусство командования, непрерывное пополнение рядов защитников столицы новыми резервами, которые прибывали со всех концов нашей великой Родины — из Сибири, с Урала и Поволжья, с Дальнего Востока, из Средней Азии, из северных и северо-восточных районов страны.

Один из факторов крушения планов фашистского командования заключался в том, что нам удалось раскрыть замысел противника и своевременно принять меры для максимальной локализации первоначального успеха группировок бронетанковых войск врага на главных направлениях. Мы создали эшелонированную оборону на земле и надежное прикрытие с воздуха, а также развитую систему противотанковых опорных пунктов и инженерных заграждений. Этими мерами мы, в сущности, лишили неприятеля важного преимущества — возможности использовать при поддержке авиации танковые и моторизованные соединения для маневренных действий в высоком темпе. Врагу навязывались затяжные кровопролитные бои, которые вынуждали его идти в лобовые атаки, без пользы расходовать свою пробивную силу, нести большие потери.

Замысел противника сорвался еще и потому, что нам удалось обеспечить твердое и непрерывное управление всеми силами и средствами в ходе сражения. Не подводила нас и разведка: мы предвидели и быстро предупреждали все намерения противника. Конечно, нередко приходилось идти на риск, снимать части с неатакованных и менее активных участков, перебрасывать их туда, где обозначался успех врага, оперативно маневрировать резервами. В этом-то и заключалась особенность обороны наших войск под Москвой и в ноябре и в первые дни декабря сорок первого года.

Хотя враг изматывался, выдыхался и постепенно ослабевал, а боевая активность советских войск возрастала, все же дела у нас не всегда шли гладко. Помню, например, в последних числах ноября особенно тяжелая обстановка сложилась в полосе 16-й армии генерала К. К. Рокоссовского. Ее части едва сдерживали напор противника, все резервы были введены в сражение, дивизии несли потери, нуждались в пополнении. А его в необходимом количестве дать мы пока не могли.

Я знал, что комплектуются резервы Ставки, что сосредоточиваются три новых армии: севернее Москвы — 1-я ударная и 20-я, южнее — 10-я армия. Здесь мне хочется особо отметить, что создание и сосредоточение в самые критические для столицы дни крупных стратегических резервов, их вооружение и оснащение были выдающимся достижением нашей партии, организовавшей по-боевому работу тыла, транспорта, мобилизовавшей творческую энергию всего советского народа на защиту Москвы. Но просить Ставку ввести в дело эти резервы было преждевременно.

Однако, чтобы остановить врага, резервы все-таки нужно откуда-то брать. Сначала, как я уже говорил, мы их буквально наскребали на «пассивных» участках фронта. Брали сначала дивизии, бригады и полки, а затем подразделения — батальоны и даже роты, а то и взводы. Так, для пополнения 8-й и 9-й гвардейских и 18-й стрелковой дивизий 16-й армии мы позаимствовали по стрелковому взводу от каждой дивизии 5-й, 33-й, 43-й и 49-й армий. Вечером 29 ноября это пополнение автотранспортом было переброшено в 16-ю армию. Конечно, такое пополнение не могло существенно увеличить силы сражавшихся здесь войск. Оно могло лишь временно облегчить их положение.

А враг продолжал рваться к столице. 1 декабря на правом крыле Западного фронта его разведывательные части захватили Яхрому, форсировав канал Москва — Волга. На южном крыле враг обошел Тулу и вышел к Кашире. В начале декабря противник нанес удар в центре фронта, в районе Наро-Фоминска, где наших сил было мало, так как с этих участков мы брали войска и перебрасывали их для усиления флангов. Вражеской пехоте при поддержке танков удалось прорвать нашу оборону, выйти на шоссе Наро-Фоминск — Кубинка, создать угрозу тылам 5-й армии и даже штабу фронта в Перхушкове. Создалась крайне опасная обстановка. Пришлось бросить в бой все, что было под рукой, с тем чтобы уничтожить прорвавшегося противника.

Решительны и смелы были действия наших войск. Хорошо помню героизм и стойкость частей 32-й стрелковой дивизии. Воины дрались ожесточенно и, будучи обойденными с флангов, свои позиции не сдали. Вклинившаяся в нашу оборону группировка противника к утру 5 декабря была полностью уничтожена.

В то же время войска Западного фронта в районах Яхромы и Каширы нанесли контрудары по флангам вражеских войск. Оборонительный период битвы за Москву закончился. Своей цели — окружить и занять советскую столицу — противник не добился. Он понес огромные потери в людях и в технике. Стратегия танковых «клиньев» была сокрушена хорошо подготовленной, гибкой и героической обороной.

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, о подготовке контрнаступления советских войск под Москвой.

ОТВЕТ. Контрнаступление такого большого масштаба наши войска предпринимали впервые, и, естественно, мы еще не имели должного опыта в его организации. Главное, что занимало Ставку и командование Западного фронта,— это правильное определение момента перехода в контрнаступление. Нам требовалось точно установить такое состояние в действиях противника, когда он уже не способен продолжать наступление и еще не сумел перейти к организованной обороне.

В последних числах ноября нам стало ясно, что враг выдыхается, для ведения крупных наступательных действий у него уже нет сил. В это время мы и предприняли сильные контрудары по вражеским группировкам в районах Яхромы и Каширы, разгромили переправлявшегося через канал Москва — Волга противника, отбросили его к Мордвесу. Это были первые успехи, но они предвещали большие изменения в дальнейшем ходе битвы.

К этому времени общее оперативное положение сторон сложилось определенно не в пользу противника. Его ударные группировки, стремившиеся к обходу главных сил Западного фронта, сами оказались охваченными.

Создалась благоприятная обстановка для перехода наших войск в контрнаступление — решительно и быстро, без всякой паузы. Нельзя было давать возможность врагу опомниться, перестроиться, подготовиться к обороне.

Правда, у нас были трудности. Перевес в силах по-прежнему оставался на стороне врага. Но медлить, ждать пополнений мы не могли. Мы были обязаны использовать такой важный фактор, как внезапность, чтобы разбить и отбросить подальше от Москвы танковые группировки врага. Командование фронта делало все, чтобы не упустить благоприятный момент.

У Верховного Главнокомандующего я попросил подчинить нам 1-ю ударную и 10-ю армии. Сталин выслушал меня внимательно. Он спросил: уверен ли я, что противник в кризисном состоянии и не введет ли он в бой новые силы? Разговор происходил по телефону днем 29 ноября. А уже поздно вечером нам сообщили решение Ставки: фронту передаются 1-я ударная и 10-я армии и все соединения 20-й армии.

Это было единственно верное решение. Другого и быть не могло. Войска фронта без пополнения не смогли бы ликвидировать опасность вклинения врага на флангах. А противник мог перебросить подкрепления из своих северной и южной группировок и сильно усложнить обстановку.

Утром 30 ноября мы докладывали Ставке план предстоящего контрнаступления. Суть его сводилась к тому, что Западный фронт наносил два удара: севернее и южнее Москвы. Основные силы фронта сосредоточивались севернее столицы на правом крыле, где нависала наибольшая опасность: здесь враг ближе всего подошел к столице, здесь его танковая группировка была наиболее сильной.

1-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова по плану развертывалась в районе Дмитров — Яхрома, чтобы во взаимодействии с 30-й и 20-й армиями наступать на Клин и на Теряеву слободу. 20-я армия из района Красная Поляна — Белый Раст совместно с 1-й ударной и 16-й армиями должна нанести удар на Солнечногорск и Волоколамск. 16-я армия своим правым крылом переходит в наступление на Крюково. 10-я армия совместно с войсками 50-й наступает в направлении Сталиногорск — Богородицк.

Ближайшая задача войск фронта — разгромить ударные группировки группы армий «Центр» и устранить непосредственную угрозу Москве. Определить более далекие цели мы не имели возможности, а стремились прежде всего отбросить врага подальше от Москвы и нанести ему максимальные потери.

Наступило 6 декабря 1941 года. Войска Западного фронта севернее и южнее столицы начали контрнаступление. Грандиозное сражение, в котором мы сразу же завладели инициативой, началось.

Наше контрнаступление готовилось в ходе упорной борьбы. Методы его проведения окончательно определились в тот момент, когда гитлеровские войска уже не могли выдержать наших контрударов. Контрнаступление под Москвой было великим и радостным событием не только для советского народа, но и для всего человечества.

В чем же отличие победы под Москвой от многих других крупнейших побед Красной Армии в ходе Великой Отечественной войны? В том, что победа под Москвой достигнута в чрезвычайно сложной обстановке, когда враг обладал наибольшим преимуществом в вооруженных силах. Наконец, в моральном плане. Гитлеровская армия до этого сражения еще не знала серьезных поражений. А для нашей Красной Армии эта победа была первым крупным успехом, который окончательно развеял миф о непобедимости фашистских полчищ и укрепил в наших войсках и в народе уверенность в неизбежности победы над врагом, а в народах других стран, порабощенных фашизмом,— надежду на близкое освобождение. Разгром немцев под Москвой явился началом коренного поворота в ходе войны.

Победа под Москвой — результат самоотверженности и массового героизма наших войск, высокого мастерства организаторов вооруженной борьбы — командиров, политработников и штабов всех степеней. Это результат необычайно высокого патриотического подъема всего советского народа. Это результат высокой требовательности и решительности Государственного Комитета Обороны и Ставки Верховного Главнокомандования. А главное — это результат умелого руководства нашей партии, которая в трудный час сплотила советский народ и повела его за собой.

ВОПРОС. Какое наиболее яркое событие героической битвы под Москвой осталось в вашей памяти, Георгий Константинович?

ОТВЕТ. Парад войск на Красной площади 7 ноября 1941 года, когда наши части от стен Московского Кремля шли на передовые позиции и вступали в бой. Речь Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. Не помню, чтобы нечто иное взволновало меня так, как тот памятный парад. Это событие воодушевило воинов на ратные подвиги, продемонстрировало единство всего нашего многонационального народа, выступавшего под знаменем Ленина, под знаменем партии на защиту Родины и ее столицы Москвы.

Невозможно описать радость первых побед, когда наши войска перешли в наступление и враг побежал прочь от советской столицы под ударами наших доблестных воинов.

И сейчас смотришь и радуешься, как строится и хорошеет наша столица, и вспоминаешь, как в трудный для Родины час она мужественно встретила фашистские полчища, как стояли насмерть и выстояли ее защитники, сохранив в целости и неприкосновенности гордость советских людей и всего свободолюбивого человечества — Москву.

Федор КНОРРЕ

ОТЧЕГО ДЕД ВАСЯ В СВОЕ ВРЕМЯ НИ ЗА ЧТО НЕ ХОТЕЛ ЖЕНИТЬСЯ

ЕГО СОБСТВЕННЫЙ РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

В то время Санькин дед Вася еще числился караульщиком на бахче. Сам он ничего укараулить, конечно, не мог, потому что был уже полуслепой, но довольно удачно скрывал этот свой недостаток при содействии двух собачонок, как он сам любил выражаться.

Степка и был псенок расторопный, звонкий, злой, как чертенок, веселый, ласковый, и неусыпный. Стоило кому-нибудь только подступить к дальнему краю бахчи, Степка весь закипал от негодования и мчался сломя голову разбираться, что там случилось, с такой яростью, будто это у него прямо изо рта собственный его последний арбуз вырывают!

А Санька, значившаяся в виде второй собачонки, была внучка деда Васи, лет шестисеми,— тоже востроглазая, и неусыпная, она удивительно хитро помогала деду скрывать его предательскую полуслепоту. Всегда вовремя незаметно поворачивала деда лицом туда, откуда грозила опасность дыням и арбузам, и подсказывала, кто там появился — девки или ребята. И дед Вася сейчас же вставал во весь рост и кричал в ту сторону, хотя ничего не видел, грозно помахивая посошком, а то и берданкой для острастки.

Но это было еще самое легкое. Трудное, даже очень опасное для деда было, когда приходилось ему за чем-нибудь ходить в контору или вообще на люди. Но и тут Санька выручала, помогала скрывать слепоту, застенчиво, вроде пугливо, цеплялась деду Васе за руку или за штанину, а на самом-то деле его вела, и останавливала, где надо, и на ступеньки незаметно помогала взойти, и все с таким глупеньким видом, что со стороны всем казалось: вот уже истинно дурочка деревенская, как за старика цепляется, без него шагу ступить боится.

Потом это все разоблачилось, но то лето было еще счастливое в жизни у деда Васи, и он любил вспоминать про свою старину: как это удивительно у него получилось в жизни. Был он когда-то деревенским, жил в батраках, потом выбился на фабрику, потом и в большой город, а к старости вот вдруг опять оказался деревенским. Караульщиком на бахче.

Мальчишки, Санькины приятели, появлялись в сумерках у костра с наворованной картошкой за пазухой и до глубокой ночи просиживали, слушали, навострив уши не хуже Степки, тем более что рассказы деда Васи чаще всего для ребят были самые неподходящие.

Степка сидел скособочившись, привалившись лохматым плечом к Саньке, а дед Вася, не отводя глаз от костра — наверное, свет радовал его гаснущие глаза,— что-нибудь неторопливо говорил, вспоминал. Объяснял, например, отчего это в молодости ни за что не желал жениться, до тех самых пор, пока вдруг не женился на шальной пучеглазой девчонке, как это ни смешно, оказавшейся потом Санькиной бабушкой.

— ...Еще при котором-то царе было. Не припомню только, при котором, не то при предпоследнем или, скорей всего, при самом последнем.

В каком году по календарю, тоже неточно помню. Но сапоги у меня уже были. Сапоги в том году я себе купил! Появились у меня сапоги — первые в жизни. И поэтому все дороги передо мной разом открылись.

Без сапог я совестился в город даже заходить, не говоря уж про гулянье. Так существовал как-то при фабрике, в рабочих казармах. Ну, где-нибудь по оврагам побродишь другой раз.

Был у меня там приятель и отчасти покровитель насчет тонкостей городской фабричной жизни — Монахов. Я ему тоже покровитель был: возьмется его кто-нибудь бить — он меня кричит. Я здоровый был. Даже очень. Что было, то было, гордиться нечем, не я себя таким задумал — родители родили.

Монахов моих сапог едва дождался, вот наконец-то мы вместе можем с ним идти за Кудрявую рощу на загородный гулянный луг. Монахов там, как рыба в воде, а я ни души не знаю. И не для всякой компании я пригодный человек. С восьми лет хорошо грамотный, сколько календарей, книжонок и глупых и всяких перечел, а все-таки с первого взгляда видать: недавний деревенский. И в кабак меня не затащишь. Характер упрямый. И к тому еще: во мне затаена мечта, и людям это немножко заметно и странно. Вдобавок Монахов недоверчиво замечал и все диву давался: неужто это правда, что я девок сторонюсь?

Правда, сторонюсь. Сам не рад, а приходится, потому что от этого дела при моем характере — самое лучшее сторониться.

В деревне, бывало, начнем мы с какой-нибудь девчонкой пересмеиваться, снежками перекидываться, локтями толкаться, и все у нас очень весело, пока не заигрываем. И вдруг я замечаю, что она мне уже чем-то мила, да и я ей мил. И как только она мне понравится, у меня является к ней какое-то глупое сочувствие.

К чему это оно, я сам не знаю, и вовсе я ему не рад, однако начинаю ее жалеть. И чем она мне милей кажется, тем мне ее все жальче становится. Прямо горе!

Такая досада возьмет, сам себя готов кулаком по башке долбануть и ругаю себя, потому что совершенно не желаю я никого жалеть! Тьфу ты! Да раз она сама себя не жалеет, чего же мне-то?

Но ничего мне не помогает, поделать с собой ничего не могу: раз упустил эту жалость — ничем ее не уймешь. Задумался: а что с ней дальше будет? Да куда она пойдет, куда денется, дурочка? Да вдруг ей горевать да плакать придется? Считай, пропало твое дело, будь оно все проклято, нечего тебе делать на этом месте, все веселье кончилось, хватай шапку, спасайся кто может и не оглядывайся...

Так вот мой опытный покровитель, этот Монахов, приводит меня на гулянье.

Луг громадный, зеленый, с мельницами на высоком берегу Волги, в одной стороне ларьки-палатки, в другой — карусели вертятся с музыкой, со звонками, барабан бухает, флажки-ленточки летят, девки визжат, и весь луг самым разноцветным народом залит, и этот народ по лугу толпами крутится, как вода в водовороте.

У Монахова тут заведено знакомство, и он прямо ведет меня к мельнице. Гляжу, девка его поджидает: красавица, коса в руку толщиной, румянец блюдцами во всю щеку, и в сарафане ей, похоже, на все стороны тесновато. И с ней, как это бывает при красавице, какая-то ее подружка, худенькая.

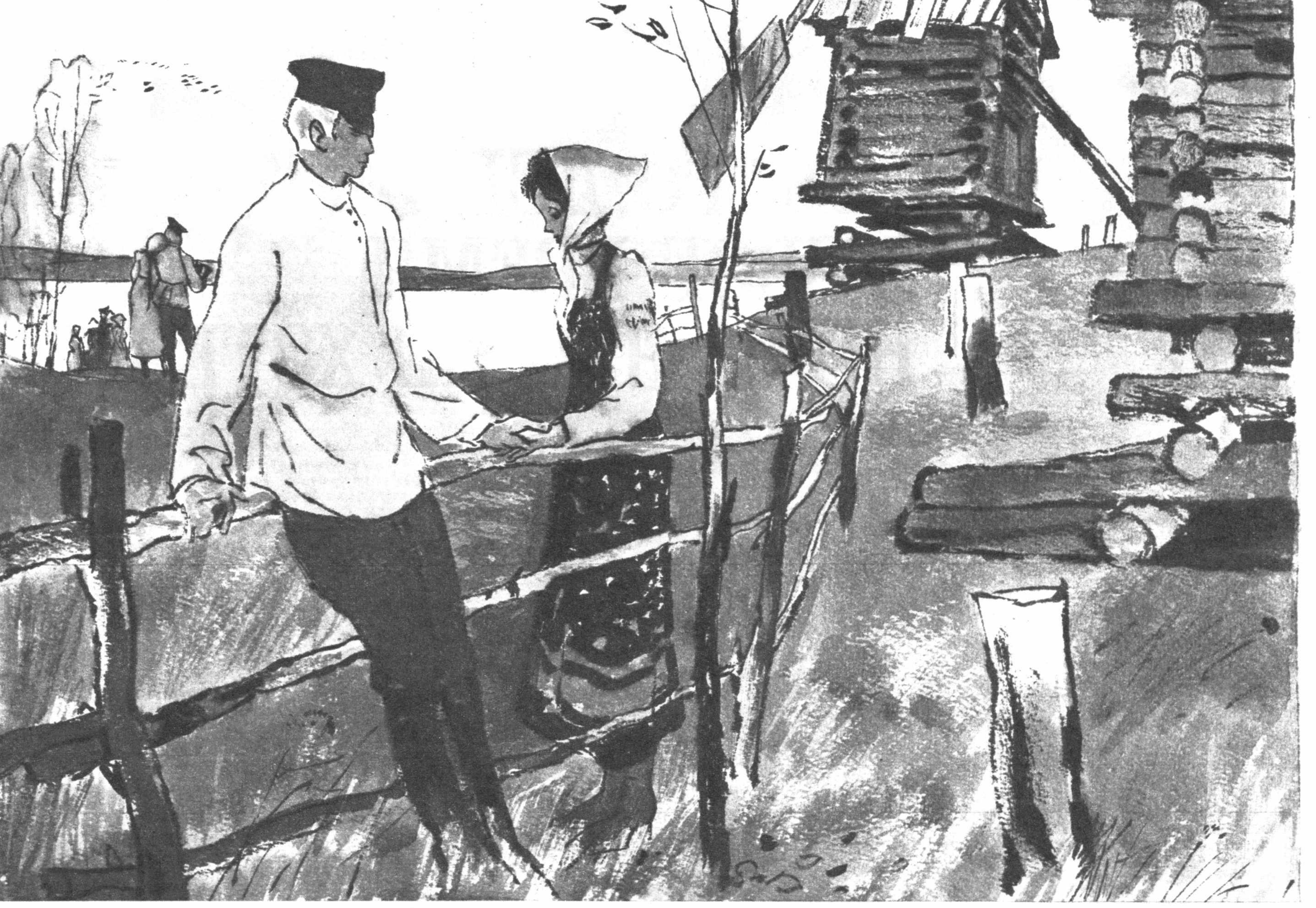
И вот начинается наше гулянье. Монахов подхватывает красавицу, а на мою долю — вот уж удружил Монахов,— остается черненькая худышка. Горе невелико, обижаться не приходится: Монахово знакомство.

Идем, прогуливаемся, молчим, друг на друга косимся — разглядеть стараемся.

Хотя смотреть не на что: фигуры никакой нет, лобик гладенький, платочек стираный, подлинялый — это все еще ничего бы, но глаза! Чересчур большущие глаза. Личико худенькое, невидное, и вдруг к нему такие глаза непомерные! Из-за них и лица не видать. Даже объяснить трудно: будто шла-шла, наткнулась на что-то, ужасно удивилась да так при своем удивлении и осталась, смотрит, глаза раскрыв.

Удружил Монахов! Однако себя ронять не хочется, вижу, он своей берет на две копейки семечек. Я поглядел-поглядел. Тоже взял на две. И опять мы ходим кругами по лугу, а чего ходим, неизвестно. Ну и гулянье...

Вокруг карусели загородка, толпа, нава-

лившись, стоит, любуется. И мы подошли, кое-как протиснулись посмотреть: ух ты, Монахов-то мой со своей на карусели мимо нас летает. Он на лошадке верхом, а она боком сидит на льву с кудрявой гривой и каждый раз, мимо нас пролетая, взвизгивает, до чего у ней дух захватывает. Взвизгнет и так платочком красным взмахнет, вроде нас за собой зовет.

«Зови-зови! — думаю. — Не на того напала, деньгами бросаться, надпись-то вон она: пять копеек с человека».

Сию минуту, думаю, моя красотка попросится прокатиться. Может, у них это так сговорено меж собой, но это уж, извините, дураков нету. Стою и усмехаюсь, спокойно дожидаюсь, когда эта вся ерунда кончится, и вдруг замечаю: моя тоже своим блеклым платочком взмахивает в ответ и кивает, смеется.

Батюшки мои, да никак это она радуется! Это она так веселится, что вот и ей с карусели платочком машут. И ничего-то она от этого праздника не ожидает, кроме удовольствия в толпе постоять и поглазеть. И в мыслях у нее нет, чтобы кого-нибудь попросить... Ах, медведь тебя погрызи, вот попал!

Ужасно она изумилась, даже поняла не сразу, когда я ее за руку взял и через толпу потащил к проходу, где карусельщик деньги за вход отбирает.

Уселись мы, и стали нас вертеть, мне и смешно и на свою глупость досадно. Ну, что ж, думаю, пускай, не иначе ведь как в первый и в последний раз, пускай так вышло. Хоть вспомнит после, у себя в деревне сидя, что на льву каталась.

Слезаем мы при остановке, и она незаметно своему льву к деревянной его морде ласково притронулась, будто погладила. Девчонка!

Продолжается дальше наше гулянье. Топчемся, разговариваем кое-чего: кто откуда и тому подобное, она называет свое село, и я соображаю, что это далеко что-то.

— Не так далеко, — говорит, — у нас считается четырнадцать верст по дороге.

— И это вы сюда за столько верст топаете?

— Ох, нет, мы очень просто на лодке вниз по реке, нам по течению.

— А обратно как?

— Обратно?.. Ничего и обратно, мы привычные.

Берет мою руку и стискивает. Да, видно, привычные.

Опять мы с Монаховым сходимся. Он уже разгорячился, сияет, как медный самовар.

— Пошли, не отставай, — нас за собой манит.

И оказывается, мы у палатки пряничника. Вот куда нас затянуло. Этого мне не хватало!

Разложено там пряников, каких только нету! Коврига громадные под названием «Московская мостовая», все в шишечках, вроде пряничных булыжничков. Фигуры разные, темные медовые, розовые сахарные и мятные белые в виде лошадок, мужичков или барыни с зонтиком — по пять, по шесть, по восемь копеек фигурочка, а один на верхней полке, больше для вывески, фунта три весом — Георгий Победоносец на коне змея протыкает пикой, сорок копеек! Ну и пряничек! Кто спросит, только фыркнут в кулак и отходят.

Мы все это осмотрели и пошли дальше, и, как назло, эта палатка нам стала по дороге попадаться...

Раз пять мимо идем, и народ своим течением нас еще поближе подталкивает, все тянутся поглядеть. И она глядит.

И дергает меня черт зачем-то.

— Ты что, — говорю, — больно пряники любишь?

— Пряники?.. А ничего...

— Что за «ничего». Которые тебе нравятся, какие из всех, по-твоему, лучше?

— Которые нравятся? Да и не знаю, право... Вот эти, пожалуй, лошадки белые, всех красивей.

— Правильно, — говорю, — красивые лошадки.

Дурак и тот догадается, что на вкус она их не пробовала. Ну и что? А мне почему-то за нее делается до того обидно, что я прямо шесть копеек своих отдаю пряничнику — выбирай себе лошадку. Она сперва своими удивленными глазами на меня взглядывает и еще пуще изумляется, потом нерешительно тянется рукой.

— Вот эту можно?

Пряничник говорит:

— Бери, не бойся!

Немного погодя я спрашиваю:

— Чего это ты на него любуешься, а не ешь? Ты ешь!

— А погожу. В такой теснотище и не расчувствуешь. Отойдем к сторонке, тогда.

Прошли через рощу, сбежали на дно оврага, вскарабкались наверх и сели в черемухах, в ромашках на высоком обрыве над Волгой.

Тут ветерок, у нас по ногам кузнечики скачут, птички торопятся, пересвистываются, а на той стороне луговой — все ровно-зелено, куда глаз хватает. По Волге буксир длинные плоты тащит с избушкой, еле ползет... Пар столбиком взлетает из трубы и уже давно растаял, а тогда гудок до нас доносится, хрипатый, как от натуги, что плоты трудно тащить. А из-за поворота ему навстречу пассажирский, розовый подает гудок в ответ, густой, красивый.

И нам сверху, как птицам, все видно, и кажется, все это, как игрушечное.

Натоптались мы, устали с самого утра от всей пестроты, от солнца, даже до какого-то пустого приятного в голове кружения. День,

что ли, такой длинный был, или уж очень за зиму насиделся я без сапог — все при фабрике, без тихого разговора, теперь уж не знаю, и какими словами не помню, а как-то само собой мне легко рассказалось, при чужой этой девчонке, чего другим не рассказывал: какая во мне мечта или стремление в жизни. А в ту пору я много лет стремился какими угодно трудами пробить себе путь, сделаться машинистом при паровой молотилке. Вот именно при молотилке, и больше мне ничего и во сне не снится, а снится громадное поле скошенное и синее небо над ним. По самой середине этого поля стоит молотилка, стучит, бабы снопы подают, возы еще подвозят, полова метелью несется, суета, шум, чисто сраженье, и всему этому делу мой паровик дает свою силу, и в самой точке нахожусь на своем месте я, а эта чугунная громадина из всех людей одного меня признает и слушается, а я один понимаю, чего она требует...

А эта, моя, слушает и только пришептывает — да... да... будто понимает. Жмурится на солнце заходное, маленькими кусочками от лошадки откусывает и шепчет:

— Да... да...

Молотилку эту я еще дома у помещика видел, и там моя судьба решилась, и хотя потом я и на станцию ходил, видал поезда и паровозы, мне они показались ни к чему. Действительно, катится машина, куда рельсы уложены, тянет, крюком зацепивши, вагоны. Из окошек рожи выглядывают. Едут. А зачем? Ну, туда поехали, ладно, может, и правда вдруг занадобилось. Пускай. Нет, гляжу, и в обратную сторону паровоз такие самые вагоны тащит, народ обратно едет. Не было бы этого паровоза, они, скорей всего, сидели бы дома, что-нибудь делали, а не мотались взад-вперед. Семь раз подумали бы, прежде чем в дорогу пускаться. Какое может быть сравнение с молотилкой? Сноп в нее закинь — из нее чистое зерно ручьем бежит прямо в мешок. Вот это уж чудо и действительная польза людям. Не то что в будке на колесах у окошечка сидеть, щеку пальцем подперевши!.. Что, скажешь, не правду говорю?

— Да... да...—жмурится, с ладони пряничные крошки подбирает и шепчет:— Да... да...

И тут опять я понимаю вдруг то, чего я вовсе понимать не желаю: сидит на траве рядом со мной эта какая-то мухрышечка невидная, языком крошки подбирает с ладони, слушает меня, улыбается, как спросонья, и вот почему-то видно, что счастлива она до забвения.

И от этого я замечаю — подступает мне прямо к горлу окаянная моя жалость. Будто не то я подло обманул, не то собираюсь. Значит, дело очень плохо, не иначе она мне уже чем-то занравилась. А чем? Чего нашел, скажите, пожалуйста!

Облака плывут, солнце садится за рекой, за лугами — нам сверху на все стороны просторно видно, где еще свет светит, где тень ложится, а где в далекой дали полоской дождик идет.

— До чего же эти пряники умеют сладкие делать! Губы облизываю, а все сладко и мятой пахнет. Правда?

Потянулась ко мне, приоткрыла губы и дохнула.

Ну, правда, оказалось мятой, и сладкие.

На следующее воскресенье Монахов удивляется и на смех подымает, почему я не желаю идти на этот гулянный луг. Охмурил девку — и к сторонке? Так чего ты испугался больно скоро? Ай да Вася! И тому подобное.

Я ему ничего не объясняю, стараюсь для вида бодро усмехаться себе на уме, ложусь на койку, босые ноги на стенку задираю и внимательно наблюдаю, как шевелятся у меня пальцы. Сапоги начищенные стоят у изголовья, пропадают зазря.

К вечеру ребята в казарму собираются, и Монахов приходит — я все на койке лежу, пальцами шевелю.

— Ну как, сосчитать поспел?

— Уж совсем было счел, да вот ты меня опять сбил.

— Начинай сначала. Парочка очень из вас приятная: один пальцы считает, другая около мельницы дотемна простояла.

— Да ну?.. А кто ей велит? Шла бы домой.

— Да отчасти верно. Хотя если бы и захотела, так и то трудно. Лодка у них общая. Ты лодку-то ихнюю видел? Ну то-то. Баржа баржой. Ноев ковчег. Четыре девки выгребают, а еще пятеро напеременки ждут. Весла — полпуда каждое. И как это они могут и как еще до другого раза живы остаются — удивительно.

Опять воскресенье приходит, и Монахов пуще меня увлекает вместе идти.

— Да чего ты, дикий человек, боишься-то? Чего заробел?

Я-то знаю, чего боюсь, да молчу, лежу, насильно себя на койке удерживаю — еле держу.

Вечером Монахов возвращается веселый и опять меня бодрит:

— Ты в толк возьми: не ты первый, не она последняя. Насильно тебя под венец не потащат — некому! Да и жених ты уж очень незавидный, а смыться всегда успеешь. Так и будешь в казарме валяться? Доваляешься, под тобой плесень заведется. Имей в виду, это только одним кончится: запьешь мертвую. С задумчивыми обязательно так кончается. А ты еще, дурак, здоровый, как бык, напьешься, сейчас кого-нибудь и пришибешь и прямо дорогой пойдешь цепочками позванивать на каторгу...

Однажды является Монахов с гулянья раньше времени с подбитой мордой, рубаха от ворота до голого пупа разорвана, он ее осторожно стаскивает, садится на койку со вздохами, ее на все стороны вертит, раскладывает, прикидывает, можно ли починить.

— Ты рожу бы сперва помочил,— говорю,— глаз заплывает и вообще.

— Морда сама заживет, а рубаха не срастется, и как ему помогло еще наискось разодрать, пропала рубаха, ей-богу, пропала. А все ты виноват, что тебя со мной не было,— вместе мы бы сами их изорвали в клочки.

— Кого их-то? Из-за чего у вас вышло?

— Да пес их знает... Скушно стало, а тут какие-то...— И засмеялся.— Какие-то такие, а какие, мы и не разглядели... Слышь, а твоя красавица, до чего, однако, она настырная, ведь опять у мельницы тебя дожидается.

— Неправда!

А прошлые два воскресенья подряд ее не было, и я уверился, что больше не будет. И успокоился. До того успокоился, такая тоска сделалась, что я даже на луг ходил, издали на мельницу смотрел, вокруг карусели прошел — нету ее, очень хорошо, я своего добился, и до того мне от этого весело, будто у меня кошелек вытащили.

— Стои-ит!— говорит Монахов.— Уж не я один, ее многие приметили. Как же нет? Стоит все на одном месте. Которые гуляющие повеселей, нарочно подходят, кричат: «Стой, никуда не отлучайся, хахаль твой просил передать: к масленой будет обязательно!» И ха-ха-ха!

Другой раз кружком окружат: «Ты что, мельника стережешь? Ребята, не видел кто, куда мельник сбежал?..» А она обернется, на них уже усмехнется и отворачивается, смотрит опять в свою сторону... Ага, за сапоги схватился? Поди сходи, сам погляди... В крайнем случае поступи, как благородный кавалер, скажи, что тебя в солдаты забрили или уезжаешь на Балкан, так она хоть мельницу-то в покое оставит.

Захожу я на луг в обход, совсем с другого краю, в голове у меня никакой ясной мысли нет, однако иду.

Дождался немножко знакомой компании своих фабричных, пристал к ним. Идем, делаем круг, и, загородившись этой компанией, я из-за нее, как из-за кустов, выглядываю осторожно, очень издали и вижу: стоит она у мельницы и смотрит прямо на меня.

— Что-то, молодой человек, с вами?— мне говорит девка, которая рядом.— Больно невпопад говорить стали. Язык у вас заплетается?

Еще немножко она потерпела рядом со мной и не выдержала:

— Еще не легче! На гладком месте спотыкается! Еще и меня уронит, к свиньям таких кавалеров!— Фыркнула, отвернулась, отошла, и я остался посреди чистого места один.

Повернулся я, зубы стиснул и зашагал напрямик к мельнице. А она, в точности как Монахов говорит: локти руками сцепила, вся сжалась, стоит, ждет.

Подошел я очень бодро, а что говорить, не найду.

— Здравствуй!

— Здравствуйте.

— Ты что это стоишь? Все так и будешь стоять?.. Ну, стой, стой, дело твое.

— Я и так стою.

— Ах, стоишь?.. Ну-ну... А для чего ты стоишь? Смотришь для чего, будто впилась? Это зачем?

— Любуюсь, как это вы гуляете.

— Хорошо гулянье... Ты так любому гулянье перепортишь.

— Это не я, Вася, это ваша же собственная совесть вам все портит.

Подумать только: совесть! Досадно мне слушать или нет? Ну, при чем тут совесть, когда я ничего худого не сделал? Убил я кого? Украл? Обманул?.. Но я свою досаду сдерживаю, потому что знаю свой характер.

— Ты,— говорю,— пойми, ведь ты не кого-нибудь, а самое себя срамишь. Ведь над тобой люди смеются, неужто ты сама не видишь, не замечаешь. Людям из себя посмешище устраиваешь.

— Очень я это замечаю, Вася.. А за посмешище я вам еще припомню.

Я сперва и не обратил внимания на эти ее слова и все стараюсь с ней построже, вразумить, хотя без грубости,— до чего это несуразно ей так себя вести, и так далее, и так еще далее, все говорю, говорю и наконец замечаю: смотрит она на меня, смотрит светлым взглядом, а слушать меня вовсе не слушает. То есть вроде бы и слушает, но будто от меня к ней не вразумительное рассуждение доносится, а, например, приятное жужжание или дудочки гудение, и она с удовольствием эти звуки слушает.

У меня все мысли и расплескались.

— Неужто же тебе самой-то не надоело?

— Что?.. Нет, Вася, мне на вас глядеть во всю жизнь никогда не надоест!

— Опомнись! Не про то ты говоришь!.. Ты что, людей не знаешь? Люди-то, они знаешь какой народ! Они ведь бог знает что вообразить могут!

— Ну и пускай про нас чего хотят воображают!

— Да ты дурочка или маленькая! Про каких про нас: про тебя думают, над тобой насмехаются.

— Как же про меня?.. Неужто вы? Неужто от меня отказываться?.. Ой, до чего вам, наверное, даже совестно сейчас так говорить!.. Ой!..— За голову схватилась, того гляди во весь голос завоет.

— Опомнись!— кричу ей.— Опомнись поскорей, замолчи.

Возможно, я при этом от досады ногой притопнул. Возможно. Не помню, не заметил. Только вижу, она пальцем на мою ногу показывает, палец у нее дрожит, но сквозь слезы очень явственно выговаривает:

— А это я тоже вам припомню, как вы сапогом! Сами от меня отказаться... отказаться задумали, а на меня же бессовестно сапожищем топаете!

Я опять других слов не найду, свое кричу:

— Опомнись! От чего мне отказываться-то? Ведь не было же у нас с тобой ничего, да люди-то, они какой народ?..

Она прямо пошатнулась даже, руками всплескала.

— Не было?.. Отрекаетесь? Чужие мы, значит, теперь, да? Чужие?

— Ох, да не про то я тебе: чужие не чужие!.. Я тебе про поведение... насчет, например, чтоб у мельницы стоять! ...Тьфу, да ты понимаешь ли, про что разговор у нас идет?..

— А про что? Ну, может, не понимаю...

— Про что народ думает!.. Ну?.. Люди-то

про то только думают: было промеж нас с тобой что или не было! Вот о чем, поняла?

Она прямо со стоном на землю так и села:

— О-ой... ну, поняла я наконец, про что вы меня так упрекаете... Поняла я... Ну, не было.

Схватилась ладонями, лицо стиснула со всех сил, слезы между пальцев бегут. Сидит на земле. Безутешно со стороны на сторону качается.

— Не было... Поняла!.. Ну да, не было, я же сознаюсь... Вот вы чего, значит, добивались, ну сознаюсь: не было!..

— Ну вот, раз сама же сознаешь...

— Да-а!..— ревет в голос.— Сознаю!.. Добились!.. Теперь можете отрекаться от меня, да?.. Бессовестно!.. Как будто это я, что ли, виновата, что не было! Все одна я, да? Я, я?.. По совести скажите!..

— Очнись-опомнись! Ты только прислушайся! Тебе самой-то слышно, что ты такое говоришь! Доносится до тебя хоть издаля?

Она головой мотает:

— Не слышу ничего и слушать больше нечего, раз я сама же выхожу у вас виноватая, и вся жизнь у меня теперь порушилася? А?..— Мне в глаза заглянуть старается, а сама и не видит ничего, много ли сквозь такой ливень разглядишь.

— Кончай только реветь, слышишь?.. Кончай! По совести сказать, ты скорей всего, пожалуй, и вправду не виновата.

Значит, что-то донеслось до ней: прислушалась и чуть приутихла.

— Зачем же вы меня, Вася, этими разговорами мучили?..

— Теперь-то ты можешь слышать?

— Ничего и теперь не могу, кроме как до чего же вы человек хороший и как я вас люблю без памяти.

— Скажешь тоже... Хороший... То мне все что-то припомнить грозишься, то теперь вот хороший... Что ж ты не припоминаешь?

— Будет, может, еще время... Заживем, поженимся, тогда, может, и припомню.

— О-о?— говорю.— Так мы, оказывается, уж жениться собрались? Это когда же это будет?

— Как это можно, чтоб я вам назначала. Вы, Вася, хозяин. Когда вы скажете, все повашему и будет!— Это она мне так говорит, а глаза ее непомерные сквозь ее слезы, как сквозь туман, проясняются. Точно в фонарике за запотелым стеклышком свеча затеплилась, и там все ярче пошел огонек разгораться.

Тихонько подымается она с земли, и вот мы стоим друг против друга, и все слова, худые и добрые, умные и глупые, которые мы говорили друг другу, оказываются больше недействительные, и до того мне делается трудно поддерживать себя ради своего достоинства хоть чуточку погрубей!..

С великим трудом мы и с места-то сдвинулись и пошли в какую-то сторону... Молчим, и она идет, ступает рядом со мной, будто до краев налитую миску с молоком по жердочке через овраг несет и оступиться, расплескать боится — до того это ей опасливо да радостно.

— Ну что?.. Пряника тебе купить, что ли?

— Купить.

— Глаза бы утерла, ведь ты будто изпод ливня выскочила. Народу сколько смотрит!

— Очень рада, что смотрит, пускай бы побольше.

Тут взял у пряничника Георгия Победоносца, мятного, с самой верхней полки. Окаменел он окончательно, ожидавши дурака, который его решится за сорок копеек купить. Однако дождался, подсох, но все разобрать можно, где конь, где змей.

Двинулись мы от палаток через всю толпу. Она идет, за меня держится, а пряник в обеих руках несет — точно это ей золотую корону в бриллиантовом футляре подарили.

Идем. И, как гляну-погляжу на нее сбоку, уж ничего не разберу: да правда ли когда-то она мне какой-то худшенькой представлялась, а может, и глаза-то у ней такие — краше по всему свету не сыщешь?

ПЕВЕЦ СОЗИДАНИЯ

Азербайджанская школа живописи. Целая плеяда имен советских художников, которые теперь широко известны и любимы зрителями не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Встречаясь на выставках с произведениями художников республики, самобытными, пронизанными духом нашей советской нови, отмеченными высоким профессиональным мастерством, с трудом веришь, что до Великого Октября в Азербайджане станковой живописи вообще не было... В 20—30-х годах в республике появились национальные художники, молодые, ищущие, которым Советская власть распахнула широкую дорогу в большое искусство.

Среди них был Микаил Абдуллаев, сын бакинского рабочего-чулочника.

Художник родился 19 декабря 1921 года. В пятнадцать лет, окончив семилетку, юноша поступает в Бакинское художественное училище, где три года его наставником является глубоко чтимый в республике художник и педагог А. Азим-заде, прививавший своим ученикам, кроме первых необходимых специальных знаний, еще и те черты, без которых нет настоящего художника: трудолюбие и восторженную любовь к искусству.

Три года занятий в училище позади. Но восемнадцатилетний Микаил Абдуллаев твердо осознает, что это была лишь первая проверка сил. Дано ли ему вступить в большое творчество? В 1939 году он отбирает лучшие из своих работ и посылает их в Московский художественный институт имени В. И. Сурикова. Ответный конверт приносит молодому художнику положительный отзыв директора института И. Э. Грабаря и вызов в Москву. Вскоре выдержаны конкурсные экзамены, и юноша бакинец становится студентом живописного факультета. Занимается увлеченно, самозабвенно, требуя от себя непременного решения любой поставленной творческой задачи, как бы она ни была трудна. Зато как щедро вознаградили его вот эти несколько строчек из статьи Игоря Эммануиловича Грабаря «Наша смена»: «Среди студентов первого и второго курсов института найдется десяток-другой живописцев, могущих выставлять свои работы на наших больших весенних и осенних выставках рядом с известными мастерами, без риска ударить лицом в грязь. Таковы первокурсники Григорьев и Абдуллаев...»

От натурных эпизодов, работы над постановками Микаил Абдуллаев решает сделать шаг к сюжетно-тематической композиции. И в 1940 году на юбилейной художественной выставке зрители уже встречаются с его картиной «Антракт в оперном театре».

Но грянувшая через несколько месяцев война приносит в творчество молодого художника, больше всего на свете любящего сцены мирной жизни, созидания, счастья, совсем другие темы... «Окна ТАСС», сатирические плакаты и карикатуры, бичующие и обличающие злобного врага, образы воинов-защитников, героев, портреты деятелей культуры республики, воплощающие в себе бессмертную творческую силу народа,— вот чему теперь отданы талант, труд, время и сердце азербайджанского художника Микаила Абдуллаева.

Отвоеванный мир поразил размахом созидания, героизмом дел. Сначала эти новые впечатления входят в творчество М. Абдуллаева сериями индустриальных пейзажей, жанровых картин: «Огни Мингечаура», «По дорогам пятилетки», «Строители счастья», «Подруги»...— портретами лучших трудовых людей республики. В 1955 году творческие тропы приводят живописца к колхозникам Ленкорани, в Масаллинский район. И здесь от натурных жанровых зарисовок, этюдов, нередко перерастающих в картину, художник переходит к созданию обобщенного, достигающего порой монументальной выразительности образа человека труда. Главной героиней Микаила Абдуллаева становится отныне женщина-колхозница, трудом своих рук дарящая цветение и щедрость доброй земле Азербайджана.

«Девушка из Ленкорани», «После ливней. Звеньевая», «Хлопкоробка Зерафшан», «Девушки-рисоводы» — художник написал их так ярко, с такой любовью, восхищением и так чеканно выразительно, что, раз увидев, мы запоминаем их надолго. Даже больше, мы видим их потом мысленно, в воображении, словно за пределами картины. Там, на рисовых полях Ленкорани, чайных плантациях Астары, среди золотого моря масаллинской пшеницы. Мы наблюдаем, как проворно и ритмично движутся их смуглые ловкие руки, как улыбаются или смягчаются в сосредоточенной задумчивости над чем-то своим их разгоряченные работой лица, как колышутся в такт трудовому ритму красивые складки узорчатых национальных нарядов.

И совершенно закономерно, как итог мудрого, глубинного раздумья художника над жизнью, ее творческого исследования и образного осмысления, рядом с этими прекрасными и счастливыми образами встают на полотнах М. Абдуллаева суровые и печальные фигуры матерей 1941 года, проводивших на бой мужей, сыновей, отцов, братьев и взявших на свои согбенные горем плечи всю тяжесть труда...

Картину «Юность матерей» зрители увидели в Центральном выставочном зале — Манеже на выставке произведений художников Грузии, Армении, Азербайджана, посвященной грядущей великой дате — 50-летию Союза Советских Социалистических Республик.

Сегодня народному художнику СССР, народному художнику Азербайджана, члену-корреспонденту Академии художеств СССР Микаилу Гусейновичу Абдуллаеву 50 лет. Он полон творческих сил. В его бакинской мастерской, как всегда, множество этюдов, зарисовок, привезенных из летних поездок по республике. На них запечатлено то новое, что сумел увидеть художник в жизни, в облике трудовых людей — своих неизменных героев. И все это найдет свое воплощение в выразительных и полнокровных художественных образах, станет новыми картинами певца созидания Микаила Абдуллаева.

Эльвира **ПОПОВА**

М. Абдуллаев (Баку). ЮНОСТЬ МАТЕРЕЙ.

П. Кончаловский. 1876—1956. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ А. А. ФАДЕЕВА. Государственный литературный музей. Москва.

«ВЗЛЕТЕТЬ МЫСЛЬЮ В ТРУДЕ СВОЕМ»

Н. Б. ВОЛКОВА,
директор ЦГАЛИ СССР,
кандидат филологических наук

Александр Александрович Фадеев — выдающееся явление в советской литературе; с его именем связывается представление о целом художественном мире, в котором так мощно и правдиво выражен человек первой страны социализма.

Человек из книг Александра Фадеева — прежде всего и преимущественно личность героическая и, при всем убеждающем «земном» реализме его характера,— романтическая. В этом и сказалось художественное открытие писателя, очень точно понявшего диалектику души своего современника, рассказ о котором он так совершенно осуществил в своих классических произведениях — «Разгром», «Последний из удэге», «Молодая гвардия».

Блистательное творчество А. Фадеева заключает в себе новый нравственный и социальный опыт родного народа. Но творчество не единственное проявление выдающегося таланта Александра Фадеева. Можно без преувеличения сказать, что вслед за Алексеем Максимовичем Горьким он проделал огромную работу по отстаиванию и теоретическому оснащению метода социалистического реализма, по организации и строительству советской многонациональной литературы, боевой мобилизации всех ее сил на служение делу коммунизма.

Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ СССР) хранит множество материалов по истории русской культуры. Ее прошлое здесь представлено материалами Лермонтова и Гоголя, Достоевского и Тургенева, Тютчева и Некрасова, Чайковского и Римского-Корсакова, Репина и Васнецова, Ермоловой и Южина, а также других выдающихся деятелей нашей культуры.

Еще с большей полнотой ЦГАЛИ удалось собрать наследие советской эпохи. Огромные фонды Прокофьева, Мясковского, Глиэра, Шебалина являются ценнейшими первоисточниками для изучения советской музыки. Личные архивы Шаляпина и Собинова, Мейерхольда и Таирова, Яблочкиной и Остужева, Попова и Дикого содержат разнообразные свидетельства о советском театре. По весьма объемистым фондам Эйзенштейна, Довженко, Пудовкина, Протазанова можно изучать становление и развитие советского кино. Архивы Блока, Есенина, Маяковского, Серафимовича, Н. Островского, Вишневского, Ильфа и Петрова, Афиногенова, Эренбурга многосторонне характеризуют литературу нашего времени.

Здесь же находится и личный архив А. А. Фадеева, переданный в ЦГАЛИ его женой А. О. Степановой. Бережно сохраненные секретарем А. А. Фадеева В. О. Зарахани материалы незаменимы не только для исследователей жизни и творчества замечательного писателя, но и для тех, кто изучает историю советской литературы.

Некоторые документы, подобно вехам, отмечают этапы жизненного пути Фадеева. Вот наградной лист, полученный им, учеником Коммерческого училища, в 1915 году. Анкета, открывающаяся записью о том, что Фадеев был принят в члены РКП(б) в сентябре 1918 года Владивостокским подпольным комитетом, а далее следуют записи о его пребывании в 1919 году в партизанском Сучанском отряде, о том, что он был помощником комиссара в Спасской отдельной бригаде, а в 1920-м — комиссаром в 22-м Амурском полку. Удостоверение, выданное Фадееву — делегату X Всероссийского съезда РКП(б), и здесь же извещение ЦК партии о его мобилизации на Кронштадтский фронт для борьбы с мятежниками. С годами количество биографических документов все увеличивается, характеризуя его как выдающегося общественного деятеля.

Наиболее ценную часть архива составляют рукописи писателя. По времени первая из них представляет блокнот, на обложке которого написано:

«1918—1919 гг.
Последний год в Коммерческом училище и первый год в партии. (Заметки по самообразованию и литературные опыты)».

В блокноте расписание занятий, конспекты лекций и прочитанных книг, здесь же черновые наброски рассказов, среди которых эпизод «В Улахинской долине», потом вошедший в роман «Последний из удэге».

«Разлив» — первая повесть Фадеева — представлен автографом 1922—1923 годов. В тексте правка разного времени цветными карандашами, имеются вставки на отдельных листах. Она написана на приходо-расходных бланках консистории. Фадеев помнил об этом, когда значительно позже в одной из своих статей писал: «...автор этих строк сдал начисто переписанную от руки на листах, вырванных из бухгалтерской книги, рукопись первой своей повести «Разлив» в редакцию журнала «Молодая гвардия».

Большой интерес представляет рукопись 1924 года, озаглавленная «Смерть Ченьювая», где рассказывается о встрече героя романа «Разгром» Левинсона с Ли-Фу, персонажем «Последнего из удэге». Данный вариант характеризует тот этап работы, о котором сам Фадеев писал: «Темы романов «Разгром» и «Последний из удэге» в тот период еще очень сильно переплетались в моем представлении: я не думал тогда, что это будет два произведения, а думал писать один роман». Большое количество рукописей романа «Разгром» зачастую с правкой автора помогает восстановить, как создавались образы Левинсона, Метелицы, особенно Мечика.

То же относится и к роману «Последний из удэге», где работу автора можно проследить не только по имеющимся рукописным текстам и машинописи, но и по отдельным главам, которые печатались в журнале «Красная новь».

С наибольшей полнотой сохранились рукописи «Молодой гвардии», особенно ее законченные варианты. Работа над ней начинается с записи о молодогвардейцах, сделанной автором в 1943 году. Имеются композиционная схема романа, варианты глав, полная машинопись текста, опубликованного в журнале «Знамя». Сохранились все последующие издания книги 1945, 1946, 1951, 1953 и 1954 годов с правкой Фадеева. Рукописи дают возможность полностью представить работу писателя над второй редакцией, установить все исправления и дополнения, вносимые в текст.

В отличие от «Молодой гвардии» незаконченный роман «Черная металлургия» представлен в основном подготовительными материалами. Записи в тетрадях и блокнотах, составляющие наброски и более или менее законченные первые главы романа, сочетаются с огромным количеством заметок, характеристик действующих лиц, записями об изучении заводского процесса и сведениями об ученых-металлургах Курако, Бардине, Байкове, биографиями инженеров, сталеваров, врачей...

Очень важным для исследователя является в архиве Фадеева наличие установленных автором окончательных текстов всех основных его произведений. Писатель был чрезвычайно внимателен к переизданиям своих вещей и добивался, чтобы «издательство имело именно самый последний, действительно «канонический» текст», о чем неоднократно говорится в его письмах. Об этом же свидетельствуют и записи, сделанные на многих книгах.

«Канонический текст, очищенный от искажений и опечаток и включающий последние авторские поправки. При переизданиях руководствоваться ТОЛЬКО этим текстом»,— пишет Фадеев на издании романа «Разгром» в 1952 году. Аналогичные записи есть на изданиях «Молодой гвардии» и других произведений.

Кроме рукописей художественных произведений, в архиве писателя имеются материалы его статей, рецензий, выступлений. Некоторые из них относятся еще к периоду РАППа, в других раскрывается деятельность Фадеева в Союзе писателей, борьба Фадеева за создание советской литературы, ее идеологическую направленность и партийность. Большинство этих материалов издано, но и в тех, что хранятся пока в архиве, содержатся интересные высказывания писателя.

В некоторых из них Фадеев говорит о необходимости улучшения работы Союза писателей. В ноябре 1938 года, выступая на секции поэтов, он критикует Союз «за то, что он стал похож на департамент, где царит единоначалие вместо коллективного руководства.., нет внимания к творческим вопросам...» Тогда же он призывает: «Давайте разговаривать на заседаниях Президиума по-иному о произведениях искусства, разговаривать очень серьезно, по существу, исключительно прямолинейно и страстно».

Фадеев считал, что только так и можно говорить о литературном творчестве, что критика должна быть всегда нелицеприятной.

«Для этого в вопросах искусства нужна такая же принципиальность, которую требует от нас партия во всех вопросах идеологии. Но если учесть, что мы — это область искусства, создающего художественные произведения, то надо говорить о том, что мы должны быть очень принципиальны в оценке существа поэзии, в оценке ее художественного качества». И далее: «У нас создалась привычка читать друг другу стихи. Это хорошо. Однако, если мы не всегда до конца искренни в оценке этих стихов, если мы иногда грешим в сердце своем, то мы начинаем мириться с тем, что в общем и целом относительно и т. п. стихи не плохи. Но ведь не этого от нас ждут».

Вместе с тем Фадеев энергично выступает на защиту подлинно художественных произведений, говорит о значимости поэзии Асеева, Пастернака, указывает на появление новых имен в нашей литературе. «Возьмите стихи Симонова. Возьмите стихи других молодых поэтов и вспомните свою юность: неужели они начинают хуже Алтаузена или Жарова». Он говорит, как важно вовремя поддержать писателя, помочь ему, хотя это делается далеко не всегда. Не случайно у него вырывается чуть горько-ироническое замечание: «Не всегда поэтов надо оценивать по заслугам после смерти. Это можно сделать и при жизни».

Фадеева волнуют как вопросы образования всего молодого поколения, так и роста писателей. На совещании ССП по вопросу о преподавании литературы в школе 20 ноября 1948 года он говорит:

«Мое поколение завершило свое образование в средней школе в разгар революции. Те еще, которые после меня при советской власти кончали школу, имели такую зарядку эстетического воспитания... Вся молодежь сейчас, за редкими исключениями, растет с полным пренебрежением к форме и считает, что можно писать как угодно длинно, что не следует переписывать три раза (хотя это элементарный минимум), что сюжет — это придумано, что это может быть даже эстетство».

Фадеев понимал необходимость развития той или иной темы в литературе, связанной с задачами современности, но всегда считал, что подобная направленность должна органически вытекать из произведения и ни в коей мере не снижать его художественности.

Так, на совещании по вопросам создания оборонной тематики в литературе (11 февраля 1938 года) он указывает, что «тему армии надо брать в связи с темой жизни нашей страны, наших людей», и вместе с тем саркастически характеризует некомпетентность лиц, занимающихся этими вопросами. «Ко мне месяца два тому назад обратились. Переделай, пожалуйста, в пьесу «Войну и мир». Только имей в виду, что нас мир не интересует, а интересует война». Я говорю: «Это уже сделано у Кукольника.— «Рука всевышнего отечество спасла».

Мысль, что творчество писателя независимо от темы всегда должно быть тесно связано с современностью, проходит во многих высказываниях Фадеева, в том числе и по поводу его собственных произведений.

Так, на вопрос, почему он в годы строительства пишет о гражданской войне, Фадеев отвечает: «Прежде всего мне кажется, что неправильно ставится самый вопрос. Да, я пишу роман на материале гражданской войны (думаю, что после него напишу и на заводском материале), но представьте себе, что мне кажется, что я все время пишу о тех вопросах, которые актуальны и для реконструктивного периода. Важно, ведь, не внешняя тема (в каком году и где дело происходит), важно решение этой темы (подход к ней)».

Интересным разделом творческого архива писателя являются записные книжки, которые велись Фадеевым на протяжении более чем тридцати лет. Всего таких книжек сохранилось около семидесяти.

Первая из них открывается записью 29 мая 1924 года, последняя кончается 9 августа 1954 года. В книжках перемежаются дневниковые записи, впечатления от литературных событий и встреч, прочитанных книг, заготовки к произведениям. Некоторые приближаются к дневнику, например, записи, сделанные на фронтах Отечественной войны, в других преобладают материалы к произведениям. Хотя значительная часть книжек опубликована в собрании сочинений Фадеева, они сохраняют огромное значение для исследователя, помогают проникнуть в творческую лабораторию писателя, проследить связь жизненных наблюдений с литературными образами, содержат сведения о неосуществленных замыслах.

Заметную часть архива Фадеева составляет его переписка. К сожалению, она далеко не полностью собрана, хотя в ЦГАЛИ находится уже сейчас около тысячи писем самого Фадеева (некоторые в копиях) и около трех тысяч писем к нему, не считая писем читателей и депутатской переписки.

ЦГАЛИ продолжает вести интенсивное пополнение эпистолярного наследия Фадеева и был бы глубоко благодарен лицам, согласившимся передать его письма или хотя бы копии с них на государственное хранение.

Письма Фадеева, как никакие другие материалы, дают возможность воссоздать облик писателя в разные периоды жизни и одновременно ощутить всю многосторонность его деятельности.

Об изданных письмах Фадеева нет необходимости говорить, так как их общая характеристика дана в сборнике «Александр Фадеев. Письма», куда включено свыше пятисот номеров. Из оставшихся ненапечатанными весьма важны для биографии Фадеева его письма к родным и близким. Много писем посвящено литературным вопросам. Они свидетельствуют о том, какое внимание уделял Фадеев другим писателям, как много и внимательно прочитывал рукописей и притом самых различных.

«Дорогой Корней Иванович!— пишет он К. И. Чуковскому 13 ноября 1938 года.— Записки, вернее письма, очень интересны, и если не делать купюр (или ПОЧТИ не делать), они прекрасно характеризуют время и самого Брюсова. Мне кажется, что их ценность будет велика ИМЕННО В ТАКОМ ВИДЕ. А в таком виде их можно напечатать только в «Литературном наследстве» или в сборниках Литературного музея с вводной статьей и хорошими комментариями. Их можно напечатать и в «Красной нови», но уже с ВЫБРОСОМ ненужного количества писем и с более крупными КУПЮРАМИ, которые Вы, конечно, можете сделать сами, если Вам это «улыбается».

Как ваше мнение?

С приветом

А. Фадеев».

А. Н. Тихонову, который обратился к нему с просьбой ознакомиться с его воспоминаниями о Л. Н. Толстом, Фадеев отвечает:

«Воспоминания, по-моему, очень хороши. Есть некоторые стилистические недоделки, но их кто-то уже отметил в тексте и в большинстве случаев правильно. Образ Льва Николаевича — и внешний и внутренний сделан великолепно: выпукло и оригинально».

Всячески поддерживая, как мы уже видели, молодых писателей, Фадеев, когда это было необходимо, проявлял решительную требовательность. В письме к одному начинающему автору, который жаловался на будто бы несправедливое отношение к нему в Союзе писателей, Фадеев писал 15 марта 1939 года:

«Прошу прощения, что не отвечал Вам так долго,— это объясняется исключительной перегруженностью.

Как я Вам уже писал, я не имел возможности в условиях, когда Вы так торопили, прочесть Ваш роман, но я просмотрел его после рецензии Фраермана — в тех местах, о которых он в рецензии говорит. И я считаю эту рецензию справедливой: прямой, правдивой и дружеской.

Судя по Вашим письмам, Вы предполагаете, что Союз писателей не хочет Вам помочь, а не то — чего доброго,— хочет Вас обязательно «затереть». Это — вздор, конечно.

В Союзе писателей работают и руководят ПИСАТЕЛИ, люди, любящие советскую литературу, заинтересованные в рождении и воспитании новых сил. Но все дело в том, что Ваша вещь еще ОЧЕНЬ СЛАБА и не дает оснований сказать о том, что из Вас выработается писатель. Правда, нет оснований сказать и обратное, т. е. что — дело Ваше безнадежно,— в рукописи есть несколько удачных выражений. Но таких рукописей, как Ваша, мы получаем сотни и тысячи повседневно, ибо народ наш вообще талантлив и становится все более грамотным. Неужели Вы думаете, что было бы правильным вместо того, чтобы указывать людям на необходимость РАБОТЫ над собой, необходимость САМООБРАЗОВАНИЯ, чтения классической литературы и лучших образцов современной, необходимость учиться ПРЕЖДЕ ВСЕГО по произведениям классиков и лучшим образцам современной литературы,— чтобы вместо всего этого мы выписывали людей в Москву, прикрепляли к каждому из них квалифицированного писателя и искусственно создавали бы сотни и тысячи «писателей»? Это было бы с нашей стороны порчей людей, внушением им ложных представлений о себе. Да у нас не хватило бы на это ни средств, ни писателей.

Есть один путь роста писателя — скромно, честно, беспретенциозно работать над собой, пока не создашь вещи, в которой сквозь все недостатки, неопытность не засветит настоящий талант. К этому я Вас и призываю. И я, и мои товарищи всегда готовы дать Вам отзыв и оценку на каждую Вашу новую вещь, и, поверьте, любой Вашей удаче мы будем рады не меньше, чем Вы.

Вы ссылаетесь на хорошую оценку Вашего романа Огневым. Огнев ошибался. Хороший литератор, он был излишне мягок и добр в вопросах литературы и всегда предпочитал более или менее похвалить, чем сказать горькую правду. Возможно, если бы он был жив, он переделал бы Вашу вещь и сделал ее более или менее годной к печати, но это была бы **его** работа, а не Ваша...

Мой Вам совет — бросьте унывать, не претендуйте на поездку в Москву,— это невозможно в Вашем положении сейчас,— не считайте литераторов, правдиво оценивающих Ваше творчество, за плохих людей, работайте дальше, если чувствуете в себе горячее желание и способности. Мы все учились и работали без «прикрепленных».

С товарищеским приветом

А. Фадеев».

Почти целиком привожу это письмо, так как оно в полной мере характеризует прямоту Фадеева, предпочитавшего говорить начинающему писателю горькую правду, а не успокаивать его никчемными, общими словами.

Вместе с тем Фадеев всегда был готов встать на защиту автора, если видел, что тот подвергается несправедливым нападкам. Ознакомившись с замечаниями редактора на повесть К. С. Львовой «На лесной полосе», он пишет 11 сентября 1950 года на ее письме, пересылая его директору издательства «Художественная литература» А. К. Котову:

«Прошу ознакомиться с этим письмом... Особенное внимание Ваше обращаю на последнее приложение, где приводятся примеры правки рукописи Вашими редакторами. Правка эта свидетельствует об отсутствии у редакторов элементарного художественного вкуса. В большинстве случаев у Львовой написано лучше, и вообще нельзя так насиловать автора».

А сколько писем связано с той помощью, которую оказывал Фадеев поистине огромному числу лиц! Вот только два примера, бросившихся в глаза, поскольку архивы этих писателей потом попали в ЦГАЛИ. В тяжелое время войны Фадеев телеграфирует 10 октября 1942 года вдове А. С. Макаренко, которая, беспокоясь за архив мужа и материалы, оставленные в квартире, хотела выехать в Москву:

«Можем помочь перевезти архив Макаренко непосредственно из Куйбышева Свердловск, заботы сохранности квартиры Макаренко мы принимаем на себя. Ваш выезд Москву нецелесообразен».

Или чуткое понимание Фадеевым положения вернувшегося из-за границы на родину журналиста Н. Я. Рощина, которого он направляет к редактору журнала «Знамя» В. В. Вишневскому со следующей запиской:

«Дорогой Всеволод!

Направляю тебе Н. Я. Рощина с его рукописью. Прошу отнестись со вниманием, поскольку ему не так-то легко писать в новых условиях.

С приветом Ал. Фадеев».

В ряде писем Фадеев говорит о собственной работе, вспоминает, как создавалась та или иная вещь, или выражает надежду, что ему «...предстоит написать возможно гораздо больше, чем написано до сих пор».

В последние же годы, когда болезнь надолго отрывает его от работы над романом «Черная металлургия», потребность творчества ощущается писателем особенно остро.

В письме к А. Ф. Колесниковой 15 августа 1954 года он признается, что единственное его желание: «Взлететь мыслью в труде своем, то есть в мире художественного вымысла», что ради творчества он готов отказаться от всех других жизненных интересов. А за четыре месяца до этого он пишет о том же С. К. Вишневецкой, подготавливающей собрание сочинений В. В. Вишневского: «Если я не имел возможности общаться с тобой в последнее время и, может быть, помочь там, где нужно, это объясняется только тем, что сам целиком поглощен романом, являющимся для меня вопросом чести и даже жизни».

Не менее интересны и многочисленные письма, адресованные Фадееву. Это сотни и сотни людей, начиная со школьников и кончая видными советскими писателями.

Фадеев душевно располагал к себе людей. Поэтому многие откровенно делились с ним своими суждениями по литературным вопросам или о происходящих событиях.

Вс. Иванов, работая над новой пьесой, жалуется ему:

«Я еще раз переписывал и переделывал «Ломоносова»: вот толкнула меня нелегкая заняться драматургией... то ли дело роман: широк и бесконечен как степь, езжай куда хочешь и сколько хочешь! А между прочим, вчера получил с базы новое издание «Дворянского гнезда». Посмотрел в конец — батюшки, 9 печатных листов! Нет, плохо писали старики. Попадись бы такая тема современному писателю — он бы написал первую часть в 40 печ. листов... а второй части и писать бы не стал».

Или примечательное высказывание Б. Л. Пастернака в письме конца 40-х годов:

«Ты знаешь, я было написал тебе много чего другого, потому что ничего нет легче для меня, чем говорить с тобой (почти только с тобой) искренне, с любовью и уважением, но с годами занятие такое все нелепее и бесцельнее. Вместо этого скажу тебе только вот что. За пределами России людей, выучившихся по-русски, стало за последнее время во сто раз больше, чем было в начале века, и в международном значении русский язык, оттеснив немецкий и французский, разделил первое место с английским. Это сделала, конечно, наша революция... это сделала недавняя победа русского оружия; но это сделала и русская литература и не обязательно улица Горького и площадь Маяковского, а в первую голову... Достоевский. И в какой-то доле, где-то между Блоком и Есениным и тобою и еще кем-нибудь этому способствовал, как это мне самому ни кажется непредставимым, потрясающим и незаслуженно невероятным — и я».

Н. Асеев, которого связывали с Фадеевым годы долгой дружбы, признается ему:

«...Я очень соскучился по тебе. И не по тебе как генсекретаре Союза писателей, хотя и это сказывается на моей писательской судьбе, а как по литератору, всеми своими корнями

вросшему в нее[1]. Не знаю, как тебе это доказать и рассказать, но мне кажется, что эти корни лежат только тогда крепко, когда очень свое дело любишь, любишь не за славу и выгоды, а за самое дело, доставляющее тебе высочайшее счастье, хотя обжигающее иногда отскочившей стружкой. Мне не с кем стало разговаривать об этом деле. Изредка с Твардовским, который, несмотря на разницу во вкусах и в возрасте, великолепно понимает главное: что — все минется, одна правда остается... И это в особенности в искусстве».

Во многих письмах имеются отклики современников на произведения Фадеева.

Ф. И. Панферов в 1939—1940 годах делится своим впечатлением о романе «Последний из удэге», который в то время не был достаточно оценен: «Нет, нет, Саша. Эта книга написана так, что тебе завидуешь. Хорошо завидуешь. И к книге этой непременнейшим образом вернутся... и многим, в том числе и мне, будет стыдно, что пропустили такую книгу».

П. А. Павленко 29 ноября 1946 года восторженно отзывается о первой редакции «Молодой гвардии»:

«...для меня эта твоя книга кажется чудом. Я не умею разложить ее на материальное состояние, она как «единое дыханье», цельна и легка... Нет, это одна из самых вдохновенных книг всей русской литературы, она не написана, она спета».

В свою очередь, писательница Ольга Форш, понимавшая, каких огромных усилий стоила Фадееву переделка этого романа, пишет ему:

«Видя, как победоносно совершена тобой новая работа над вещью уже рожденной (ведь только писатель знает, что это за адов труд), я получила некую надежду осилить и в свой черед тот непосильный исторический груз, который задумала поднять во второй части «Первенцов».

Простота Фадеева, отзывчивость, душевное внимание вызывали к нему доброе отношение различных людей.

Поблагодарив в письме Фадеева за ходатайство о ее сыне Л. Н. Гумилеве, Анна Ахматова 10 марта 1956 года пишет: «Вы были так добры, так как никто отзывчивы за эти... годы».

Поэт Луговской, вспоминая о встрече с Фадеевым, писал еще в 1932 году: «И ты был таким, каким я буду тебя любить до конца жизни,— открытым, радостным, умным, большим художником, русским с ног до головы сердечным другом».

Именно таким предстает перед нами Фадеев во многих документах своего архива.

---

[1] Подразумевается, по-видимому, в литературу.

ВМЕСТЕ С АЛЕКСАНДРОМ ФАДЕЕВЫМ

Бабкен КАРАПЕТЯН

I

Щедра до расточительности осень —
Ей золота опавшего не жаль...

Сквозь рябь листвы просвечивала просинь,
И обнажалась перед нами даль.
Над старыми развалинами Двина
Редели дымчатые облака;
Молчала медоносная долина,
Дышала успокоенно река.
Мы огибали ельник краснoперый,
Росу сбивали с луговой травы,
Мы наши виноградники и горы
Показывали гостю из Москвы.
Шагал он рядом
Неторенoй тропкой,
По-юношески строен и высок,
И сбоку
Солнце золотило робко
До времени седеющий висок.
Гость любовался красками заката,
Скупился от волненья на слова,
И крупная —
На фоне Арарата —
Белела вскинутая голова.

А нам казалось,
В дымке розоватой
Давнишний исполняется загад:
Два Арарата встретились,
Два брата,
И друг на друга
С нежностью глядят.

Желтеют листья,
Землю облетая,
Под легким ветром морщится вода.
Вернулась снова осень золотая,
Но гость наш не вернется никогда.
И лишь гора все ищет в час заката,
Оглядывая гаснущий простор,
Того, с кем познакомилась когда-то
И позабыть не может до сих пор...

II

Как смеялся он!
Звон родниковый,
Шелест крыльев над гребнем скал..
Никогда я смеха такого
На земле еще не слыхал.
Жизнь не праздник и не утеха,
С ног собьет,
Опалит грозой,
И ему, видать, не до смеха,
Не до смеха было порой.
Но едва облака умчатся,
Только чуть от души отлегло —
Не любому дано так смеяться
Заразительно и светло!
И заливист, и чист, и звонок
Согревающий сердце смех:
Это утро встречает ребенок,
И серебряный тает снег;
Это катится горное эхо,
Треплет ветер пряди волос,—
Мне ни разу
Такого смеха
Слышать больше не привелось.

III

Любил ты слушать песни наши,
Когда друзья садятся в круг,
И ниже солнце,
И окрашен
Вечерней охрой росный луг;
И плес темнеет небосвода,
И в тихой песне до конца
Перед тобой душа народа
Сливается с душой певца.
Не снисходя до одолженья,
Не по обязанности, нет,
Прикрыв глаза от напряженья,
Ты песню слушал, как поэт.
И продолженьем песни этой
Тянулись горы вдалеке;
И были песней недопетой
Крутые волны на реке,
Орлиный клекот в поднебесье
И заревой тропинки нить...

И жизнь твоя была, как песня.
Такую песню
Не забыть!

Перевел с армянского Яков СЕРПИН.

ДОЛГ ПЕРЕД БУДУЩИМ

Бор. ЛЕОНОВ

Как писатель Вл. Чивилихин открыл себя в цикле повестей «Серебряные рельсы», «Про Клаву Иванову», «Елки-моталки», которые заслужили признательность читателей, были отмечены общественностью. Их автор в 1966 году удостоился звания лауреата премии Ленинского комсомола.

Вряд ли стоит пересказывать даже в общих чертах содержание как этих широко известных произведений, так и других, особенно повестей «Над уровнем моря» и «Здравствуйте, мама!».

Я вспомнил их еще раз для того, чтобы подчеркнуть их единство со всем созданным за годы работы в литературе Вл. Чивилихиным. А единство это достигается, мне думается, единством темы.

Даже сторонний наблюдатель, если в нем хоть чуть-чуть держится хозяйская расчетливость и жива впечатлительность натуры, и тот не сможет промолчать, когда увидит небрежность и беспардонность в обращении с природой, что, к сожалению, часто встречается в нашей практике «освоения» ее богатств. А уж что говорить о человеке, наделенном чутким сердцем художника, гражданского публициста!

Каждое выступление Чивилихина, будь то очерк «Тихая заводь» о возможности рождения леса в тундре, доказанной одержимым в осуществлении своей мечты лесоводом Николаем Русановским, или путевой дневник «Месяц в Кедрограде», рассказывающий об энтузиастах, решивших умножить кедровые богатства Родины, вдохновенное «Слово о кедре», или взволнованная статья «Земля в беде», вобравшая в название свое суть защищаемого писателем права природы,— каждое это выступление пронизано идеей высокой ответственности за будущее страны, идеей долга перед будущими поколениями.

Творя коммунизм, человек должен творить мир, чтобы богатым и щедрым подарить его людям прекрасного будущего. Вот основной пафос выступлений Вл. Чивилихина в защиту родной природы. Собранные воедино его статьи составили сборник «Любит ли она тебя?». И обозначая истинный смысл этого названия в небольшом предисловии «От автора», писатель в то же время открывает нам свое понимание отношений между человеком и природой.

Повстречав однажды своего товарища по литературному цеху, славящегося изображением «сиреневых туманов и лиловых лугов», Вл. Чивилихин услышал от него критическое замечание в свой адрес: «Ты не так пишешь о лесах!»

— А как надо писать о лесах?— спросил я.

— Как бы это тебе объяснить... Понимаешь, о них надо писать с нежностью... Понимаешь, я так люблю природу, что...

— А она тебя?— остановил я его.

— Что?

— Природа тебя любит?

— Н-не знаю.

Вот так повернулся разговор...»

И писатель заключает: «Мне кажется, что наступило время, когда любить природу — мало. Любит ли она тебя и что ты сделал для того, чтоб она тебя любила? — вот как стоит ныне вопрос. Мать-природа — среда, сформировавшая нас, единственный источник всех наших благ — не нуждается сейчас в любви односторонней, эгоистичной, недейственной. Взывая к разуму, силе и доброте человека, она готова ответить бесконечно щедрой любовью не только нам, но и внукам и правнукам нашим, если мы по-сыновьи заботливо сохраним ее и наладим с ней нормальные родственные отношения...»

И этот вынесенный из самой жизни закон отношений человека с природой реализуется в конкретном содержании всего созданного писателем за долгие годы его верного служения отечественной литературе в ее великой защите всех народных богатств.

Гонки по вертикали

РОМАН

Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА 14

Утро было пасмурное, серое, и оттого, что снег уже стаял с полей, а деревья стояли в лесу голые, грязно-черные, залитые тусклыми свинцовыми лужами, не верилось, будто кончается апрель, что до мая осталось три дня, и придет настоящая весна. Казалось, природа замерла, как это бывает в ноябре перед первым снегом.

До Зареченска оставалось еще минут двадцать езды. Косые следы дождя затекли на грязных стеклах, в электричке было холодно. Деревенские женщины с мешками аппетитно уписывали большие фиолетовые бруски мороженого с белым хлебом, неспешно, достойно обсуждали, что телевизор «Темп» надо покупать самый большой, потому как он хоть и подороже, но зато и в кино можно не ходить — экран больше, чем на передвижке. Они везли к празднику полные авоськи оранжевых, светящихся солнцем апельсинов. Женщины были в черных плисовых коротких пальто, которые они почему-то называют «плюшками», шерстяные платки скинуты на плечи, в тяжелых руках был покой, ощущение хорошо выполненного дела. Скоро эти женщины сойдут на станции и еще довольно долго будут добираться к себе в деревню на автобусах и попутных машинах, войдут в дом и сразу включатся в привычный, годами отработанный ритм — будут доить коров, запарят корм свиньям, перекопают огород, поставят в печь обед — в общем, будут делать многое, о чем я и понятия не имею, а вечером сядут пить чай и смотреть большой, как кино, телевизор, искренне сопереживая героям демонстрируемых передач, которые они воспринимают только как сказки, потому что им и в голову не приходит, что существуют на свете международные гангстеры и живые шпионы, что только совсем недавно умер их сосед — отъявленный белогвардеец, который всю свою жизнь положил на то, чтобы они не смотрели большой, как кино, телевизор и не возили в авоськах апельсины. Они заняты тем, что просто кормят всех людей. Ну, а мы, раз уж мы никого не кормим, должны обеспечить им возможность спокойно по вечерам смотреть большой телевизор и привозить домой целые авоськи нежно и остро пахнущих апельсинов, а по дороге неторопливо есть фиолетовые бруски мороженого с белым хлебом и вести неспешные разговоры...

— Видите ли, выморочное имущество подлежит обращению в госдоходы. Но в таких случаях у нас много всякой мороки. Имущество по большей части хлам, рухлядь всякая, никому оно не нужно. Поэтому мы отбираем наиболее ценное, а остальное разрешаем взять соседям...

— И всю мебель сожгли?

— Да какая там мебель? — искренне удивилась инспектор Зареченского горсовета, немолодая близорукая женщина.— Я сама участвовала в составлении описи. Кушетка продавленная, хромой стол, два ломаных стула, шкафчик какой-то нелепый. Ни одного родственника на это наследство так и не появилось, вот и выкинули все, ограничившись изъятием ценностей.

— Но ведь вы в этом шкафчике нашли четыреста долларов, неужели ни у кого не хватило любопытства тщательнее осмотреть остальное?

— Да уж чего говорить теперь? Дело прошлое. Кроме того, там же ваши товарищи из милиции были, они, в общем, тщательно смотрели. А я ведь не специалист в этих вопросах...

В том-то и дело. Там были наши товарищи, и поработали они неважно. А она не специалист. Обычная немолодая женщина, у которых своих забот хватает, помимо наследства какого-то одинокого старика. У нее тоже праздник на носу — на подоконнике кабинетика лежали свиные ножки для холодца и пакеты с продуктами. И мне тоже захотелось плюнуть на все это и поехать в Москву, купить свиные ножки для праздничного холодца.

Я полистал тощую серую папочку — «...по факту смерти гр-на Сытникова...».

Так... Протокол осмотра «...окно закрыто... на столе — остатки пищи в тарелке... бутылка с томатным соком... шкаф небольшой... Тело... на кушетке... признаков насильственной смерти не обнаружено... в морг для патанатомического исследования...» Ясно, дальше. Так, справки, счета, личные документы... Ага, вот медицинское заключение: «...значительные болезненные изменения со стороны сердечно-сосудистой системы... распространенный артериосклероз... Указанные резкие изменения протекали со слабо выраженными симптомами... обусловили смерть гр-на Сытникова... насильственная... исключается...» Ну, что ж, я так и думал, царствие небесное, как говорится... А вот и опись имущества.

В описи было тридцать шесть пунктов: брюки диагоналевые б/у, полупальто бобриковое б/у, шляпа соломенная (поношенная), стул — два, кушетка — одна, вилки — три, сберегательная книжка с вкладом в сто тридцать четыре руб. 87 коп., четыреста долларов — по однодолларовой купюре, брошь женская бриллиантовая...

Сберкнижка, доллары и брошь — вот и все ценности, оставленные Сытниковым. В деле была справка о том, что доллары и брошь обращены в доход государства и переданы соответственно в местное отделение Госбанка и в отдел хранения ценностей областного финуправления.

— А что со вкладом в сберкассу? — спросил я у инспектора.

Она наморщила лоб, тщательно припоминая, наконец, сказала:

— Мне помнится, в книжке была сделана запись с просьбой перевести эти деньги в местную церковь для погребения по православному обычаю...

Несмотря на пасмурный день, на улицах было оживленно. Дворники развешивали на домах флаги, повсюду алели призывы и транспаранты. Какие-то ребята, укрепив на столбе репродуктор, опробовали его, гоняя во всю мощь модный твист или шейк — что-то в этом роде. Мелодия эта, постепенно угасая, провожала меня до самого дома, где жил одиноко и в одиночестве умер Аристарх Сытников. В его комнату был вселен технолог с мясо-молочного завода Куреев — человек маленького росточка, с длинной, как дыня, головой и могучим раскатистым басом. Художественные, большого диапазона модуляции его прекрасного голоса гипнотизировали меня, и я никак не мог втиснуться в поток его рассказов хоть с каким-то пустяковым вопросом. Он рассказывал мне о перспективах индустриальной обработки мяса, о том, как уместно он получил сейчас комнату, о внедрении НОТ в приготовлении колбас по новой технологии, о разводе с женой, оказавшейся неспособной к высокому пониманию счастья, о получении второй премии на республиканском конкурсе рационализаторов, о новой женитьбе на простой, но очень достойной женщине, о предстоящем приглашении работать в Москве и о том, что у него, по существу, будет отмечаться сразу три праздника — свадьба, новоселье, Первомай, и я, конечно, буду дорогим гостем на этом торжестве.

Вот только о Сытникове он ничего не знал...

— ...Ведь когда я пришел со смотровым ордером, здесь уже ничего не было. Месяц, как его похоронили,— гремел голос Куреева.— И никто вам ничего толкового не скажет — здесь мало соседи контактуют из-за того, что у каждого, по существу, свой выход и отдельные блага индивидуального пользования...

В комнату вошла молодая худенькая женщина, из тех, кто доставляет нам самые большие хлопоты при опознании,— их лица невозможно вспомнить, расставшись пять минут назад.

— Машуня, нежность моя дорогая! — дал оглушительный залп Куреев.— У нас замечательный гость из Москвы! Он, правда, приехал по делу! Но это не имеет значения! Знакомься, счастье мое!

Он так и говорил все время, завершая каждое предложение восклицанием. Машуня, счастье его, видимо, не считала столь необходимым афишировать их духовный союз и покраснела. Она протянула мне руку и торопливо стала снимать плащ, негромко бормоча что-то насчет не готового еще обеда.

Я сказал, чтобы она не беспокоилась, потому что у меня все равно нет времени и я должен уезжать.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43, 44, 46—50.

— Ни в коем случае! — бабахнул над моей головой Куреев. Я сидел, а он непрерывно ходил по комнате, и от этого создавалось впечатление, будто его голос звучит из заоблачных высот.— Ни в коем случае! Машуня — прелестный кулинар! И так редко случается поговорить с человеком из столицы!

— Так до столицы езды всего два часа,— заметил я.

— Не говорите так! Для некоторых людей эти два часа растягиваются на целую жизнь!

Я пожал плечами, предпочитая промолчать, ибо почувствовал, что дискуссия на любую тему может увести нас слишком далеко.

— Нет, вы меня можете не так понять! Мы с Машуней и здесь счастливы! Ведь я нашел в ней тот идеал моих представлений! О достойном спутнике жизни! С которым я хотел пройти оставшийся недолгий путь!

Мне было непонятно, почему Куреев считает оставшийся ему путь недолгим — по виду он должен был еще меня пережить. А я собираюсь прожить немало.

— Я хочу предъявить вашим соседям фотографии двух мужчин — не видели ли они их когда-либо у Сытникова,— сказал я Курееву, достал из кармана снимки Батона и Фаусто Кастелли и положил их на стол.

— Это можно! — бодро рокотнул Куреев.— Но бесполезно! Как я вам уже докладывал, входы в комнаты изолированы, и потому низка коммуникабельность! И это между людьми, проживающими за одной стеной!

Как я понял, общительность Куреева была сильнее терпимости соседей.

— Я разговаривала с этим человеком,—вдруг сказала за моей спиной Машуня. Я обернулся и увидел, что она через мое плечо рассматривает фотографии на столе. Первый раз я отчетливо услышал ее тихий, невыразительный голос. Даже Куреев от неожиданности замолк.

Я повернулся к Маше.

— Расскажите мне, пожалуйста, все, что вы знаете...

Маша еще сильнее покраснела, и в этот миг душевного напряжения она перестала быть безликой, незаметной, неразличимой. Может быть, Куреев понял свое счастье именно в такое мгновение?

— Недели две назад — я в тот день работала во вторую смену,— часов в десять утра, раздался звонок в дверь,— сказала Маша, поглаживая от волнения ладонью фотографию Фаусто Кастелли.— Я открыла и увидела вот этого человека. Он плохо говорил по-русски, и я еще подумала, что он или иностранец, или из Прибалтики. Он спросил, может ли он видеть Аристарха Сытникова. Ну, я ему объяснила, что Сытников умер и нас вселили в его комнату. Он тогда попрощался и ушел...

— Больше он ничего не сказал?

— Ничего не говорил он. Только вид у него был очень расстроенный...

— Чего же радоваться! — не удержался Куреев.— Человек умер все-таки!..

Я строго посмотрел на него и спросил у Маши:

— Вы не знаете, у соседей случайно какого-нибудь имущества Сытникова не осталось?

Она покачала головой:

— Кому же сейчас такое барахло нужно? Все выкинули...— Она подумала и добавила: — Вот только столик маленький еще стоит у нас в прихожей. Может, кому и пригодится...

Это был не столик, а ветхие, облезшие остатки некогда красивого подзеркальника трюмо, с гнутыми расколовшимися ножками и развалившимися ящичками. Фурнитура от ящичков была потеряна, и выдвигались ящички только если просунуть с обратной стороны руку. В ящичках — пыль, дохлые мухи, крошки. Я пошарил рукой у задней стенки за обшивкой фанерной и нащупал какую-то бумагу — завалившуюся туда случайно из ящика или спрятанную специально. Легонько потянул и вытащил узкую ленту плотной бумаги. А Куреев объяснял мне пока что секреты семейного счастья: «Мы никогда не ссоримся с Машуней — все спорные вопросы относим на субботу, в конец рабочей недели, и решаем их в организованном порядке за два часа. Так сказать, НОТ в семейном быту...»

Я внимательно рассмотрел ленту. В нескольких местах она была перегнута, а где-то в середине фиолетовыми чернилами написано: «500 по одн. Снято 100. К выд.— 400». И неразборчивая подпись. Бумага плотная, в типографских разводах, как на недоделанных деньгах. Я осторожно сложил ленту по сгибам — получилась объемная решеточка — типа банковской обертки — бандероли...

Уже подходя к церкви, я вспомнил, как Куреев ни за что не хотел отпускать меня, и вырвался я, только показав расписание поездов на Москву — почему-то это его убедило. Я все еще ухмылялся, когда, подергав ручку церковных ворот, убедился, что в церкви работа закончена и служители культа отправились отдыхать. И очень жаль мне стало, что они так поторопились в этот вечер: все-таки поговорить с ними не мешало. Я еще раз дернул ручку на всякий случай и собрался уходить, но в садике за воротами послышался глуховатый голос:

— Кто там?

Я уж открыл было рот, но вдруг понял, что не знаю, как назвать себя. Действительно, что надо сказать, когда тебя спрашивают из-за церковных дверей: кто ты? Из уголовного розыска? Довольно неуместно, тем более что и визит у меня не совсем официальный. Тихонов? А кто такой Тихонов? И не прихожанин я даже. Подумал немного и сказал:

— Так... Человек просто...

Скрипнул засов, из калитки вышел молодой человек моего возраста в светлом макинтоше и элегантно примятой шляпе.

— Чем могу быть полезен? — спросил он.

— Я хотел видеть местного священника,— сказал я.

— Здравствуйте. Я здешний иерей Александров, отец Николай. Вы хотите пройти со мной в храм?

— Нет, ни в коем случае,— заторопился я.— Если вы идете домой, я бы мог вас проводить, и заодно поговорили бы...

— Пожалуйста. Что привело вас ко мне?

На улице совсем стемнело, острый ветерок раскачивал голые ветки. Черный силуэт креста над куполом чертил еще не угасший серый небосвод. Я раздумывал, как бы мне потактичнее поговорить с отцом Николаем: он же священник, а не участковый уполномоченный! Кроме того, затрудняло то, что не знаю, как называть его: батюшкой или отцом Николаем — нелепо, он ведь мне ровесник, отчества я не знал...

— Видите ли, мне хочется посоветоваться с вами. Дело в том, что я работник уголовного розыска...

— Уголовного розыска? — удивленно проговорил священник.— Н-да, забавно.

Он достал из кармана пачку сигарет «Краснопресненские», протянул мне: курите, пожалуйста. Я отказался, он чиркнул старенькой зажигалкой, глубоко затянулся, передернул плечами. И я снова подумал о том, какой он молодой.

— Мне нужен даже не столько ваш совет, сколько мнение о человеке. Если вы сочтете для себя возможным быть искренним со мной, вы мне сможете помочь больше, чем кто-либо.

— Искренность является моим пастырским долгом. А захочу ли я с вами быть откровенным — зависит от содержания вашей просьбы. Таким образом, моя откровенность прямо связана с вашей искренностью.— Священник говорил сухо.

Я почувствовал, что человек он, по-видимому, умный, и сказал:

— Честно говоря, вначале я не хотел посвящать вас в детали своей миссии, полагая, что они вам неинтересны. Это с одной стороны. А с другой — я и при желании не обо всем могу говорить — вы сами понимаете...

— Можно подумать, что я совращаю вас к нарушению служебного долга,— усмехнулся отец Николай.— Я не имею этой цели.

— Но вы единственный человек, который может мне помочь, поскольку смысл вашего призвания — проникновение в души человеческие. Мне нужно узнать о вашем прихожанине, человеке, уже умершем.

— Я вас слушаю.

— Семь недель назад скончался ваш прихожанин Аристарх Сытников. Мне не приходит в голову ни одна из заповедей, которую бы не нарушил за свою долгую греховную жизнь Сытников. А теперь, уже после смерти, он снова попал в наше поле зрения. Его зачем-то разыскивал один итальянец, который сам по себе вызывает серьезные подозрения. Вот я и хотел спросить у вас: что представлял собой Сытников в конце жизни?

— Вряд ли я смогу вам чем-то помочь, ибо в душу Сытникова я не проник. Зато мы можем, если хотите, поговорить о нем. Конечно, греховно говорить недоброе о людях, уже призванных господом, но я думаю, мне простится, ибо говорю это без осуждения, но со скорбью душевной...

Он остановился, подумал и продолжал решительно:

— Вы правильно сказали, Сытников прожил греховную жизнь, исполненную заблуждений, плотских и низменных соблазнов. И в старости своей, пройдя путь тяжких духовных и физических испытаний, он не пришел к раскаянию и смирению. Три года я знал его и понять был не в силах. В старости своей он был совсем немощен плотью, болезнен, худ и согбен, но дух в нем клокотал злой и неукротимый, как...

Священник замолчал и неожиданно перекрестился.

... — Сытников неизменно поражал меня тем, что, являясь на исповедь, говорил в святом храме неправду. Меня это всегда удивляло: ведь никто же не принуждал его ходить на исповедь. А он ходил. Ходил регулярно и всегда говорил неправду. Мне казалось иногда, что ему доставляет удовольствие вносить в мою душу смятение своей очевидной ложью в святом обряде душевного откровения перед господом. Но человек он был незаурядный, и я помногу, подолгу разговаривал с ним, я все-таки не терял надежды хоть что-нибудь сдвинуть в этой закаменевшей в грехах и заблуждениях душе. Я, наверное, недостойный пастырь, потому что однажды утратил надежду, ибо понял: душа его совсем чужда добру. И произошло это при неожиданных обстоятельствах. Он пришел ко мне как-то вечером поговорить, попить чаю, сыграть в шахматы. Я ведь тоже одиноко живу. Сытников включил телевизор — там передавали цирковую программу. Он увлекся и долго смотрел клоунскую драку, потом сказал мне, и в голосе его была радость: «А ведь какие они умельцы, клоуны, им ведь от этих ударов наверняка больно. Я просто уверен, что им тоже очень больно. Да, да, им больно!» Я с ужасом смотрел на него и видел: он радуется тому, что им больно.

Потом как-то он заболел и попросил меня прийти. Я смотрел на него с грустью, зная, что проживет он недолго, и явится на Суд в скверне и грехах, так и не раскаявшись. Он будто прочитал мои мысли и сказал: «Отец Николай, никакое раскаяние не искупит содеянного мной. Людской суд милостивее божьего, и то пятнадцать лет на севере барабанил. Я ведь к богу от малодушия кинулся, потому что всю жизнь плутовал, хитрил, ловчил, обманывал. Вот и сейчас, в минуты слабости душевной, припаду к образу святому, может, хоть что-то простится мне. А потом отпустит меня, и понимаю: торгуюсь я с богом, смягчающие обстоятельства себе зарабатываю. Нет, мирской я человек, весь среди людей, а исповедники мои не в храме служат, а в НКВД. Так вот, деньги я хочу на приход наш пожертвовать». Удивился я тогда очень, потому что знал: беден Сытников до крайности, неоткуда ему честных денег взять. А он засмеялся: «Думаете, батюшка, украл Сытников? Нет, я свое отворовал. Есть люди еще хуже Сытникова, да перед смертью, видать, страх начинает мучить, из своего неправедного мне часть уделили. Да вы берите, не сомневайтесь, деньги, они все одинаковые — важно, на что употребить». И протягивает мне пачку каких-то иностранных денег. Положил я деньги на стол, а он вскоре заснул, и я ушел тихо. А Сытников через неделю умер....

Отец Николай замолчал, каблуки наши четко цокали в тишине по брусчатке, на станции отчаянно заревел электровоз, и откуда-то издалека, наверное, с того самого столба, доносился все тот же знакомый, еле слышный мотив. Модная мелодия, так не вязавшаяся с этим старинным маленьким городком, на сонных улицах которого молодой священник рассказывал мне историю своей неудачной борьбы за душу старого грешника — злодея, жулика, предателя.

Я посмотрел на часы — было без четверти одиннадцать. Отец Николай сказал:

— Если вы намерены здесь побыть еще, вы бы могли переночевать у меня.

— Спасибо. Но все мои дела здесь закончены, а через двадцать минут будет электричка на Москву.

Мы попрощались, и иерей Александров, отец Николай, ушел. Я стоял и долго смотрел ему вслед, и почему-то мне было жалко его, молодого доброго одинокого человека...

Я поднялся на пешеходный мост, повисший над железнодорожной станцией. Ни одного человека не было видно вокруг, и только жестяной голос громкоговорителя на сортировочной горке хрипло распоряжался: «Давай, еще два пульмана накатывай, цистерны готовьте. Да не туда, не туда, на четвертые подавайте...» Сонно пыхтел маневровый тепловоз, и безгласно перемигивались сигнальные огни на путях — фиолетовые, красные, синие. Тихо было вокруг, и только ветер порывами громыхал проволочными ограждениями на мосту, трепал мне волосы, заползал в рукава и за шиворот, а я стоял наверху, пока вдалеке не показалось белое зарево прожектора, сужающееся постепенно в белый узкий сноп света, и электричка вылетела из мрака яростно и бесшумно, как циклоп. Я сбежал с лестницы, вошел в вагон, зашипели пневматические двери, поезд мягко качнуло, и, уже погружаясь в сон, я вспомнил, когда последний раз видел так же бесшумно вынырнувшую из мрака электричку...

...Много лет прошло с той зимы. Лера, всегда выдумывавшая что-то необычное, предложила отметить Новый год вдвоем на даче. Тридцать первого декабря стоял солнечный морозный день. Ветер с заснеженных голубеющих полей поднимал облака серебряной пыли. На платформе станции Хотьково было совершенно пусто. Электричка загудела и, взвихривая снег у колес, унеслась в Загорск. Мы с Лерой спустились по обледенелым ступенькам. Мимо закрытого магазинчика, через какие-то задворки вы-

шли на дорогу. Разговаривать было трудно: лицо жег холодный ветер. Мы шли по накатанной дороге, держась за руки. Потом началось поле.

Я помог Лере надеть лыжи — ее «ротафелы» никак не застегивались. Я стоял перед ней на колене, металл креплений обжигал руки. Потом скоба щелкнула, я поднял голову, и она провела ладонью по моему лицу.

— Спасибо! — И побежала по искрящейся холодной целине.

Когда я закрепил свои лыжи, она была уже далеко. И бежала Лера очень легко. Ее голубой лыжный костюм и желтый длинный шарф выделялись на поле большим ярким цветком, и я подумал, что если помедлю еще немного, то она дойдет до края горизонта и растворится в синеневом дымящемся мареве. И все-таки я медлил. Мне хотелось еще долго стоять так и смотреть на Леру.

Потом я разом воткнул палки в снег, с силой оттолкнулся и закричал на все поле, на все снега, на весь мир:

— Лера-а! Ого-го-го! Лера-а!..

Догнал я ее, наверное, не меньше чем километра через два.

Мы повернули к лесу и долго бегали среди заиндевевших толстых стволов. Потом нашли какие-то игрушечные горочки, и носились с одной на другую, и прятались за ними друг от друга, бросаясь в жесткий, скрипящий снег.

Я лежал на снегу и слушал, как Лера кричит, разыскивая меня:

— Стас! А, Стас! А-у!

Над головой зависло блеклое зимнее небо, облокотившееся на верхушки прозрачно-желтых сосен. Сосны чуть слышно поскрипывали на ветру, и тогда вниз сыпались рыжие иголки. Лера уже давно искала меня, но мне не хотелось вставать. Я бы с удовольствием даже заснул здесь.

Неожиданно она выехала из-за пригорка и увидела меня. Прежде чем я успел вскочить, она подлетела ко мне и бросила в лицо ком снега:

— У меня ноги замерзли. Поехали на дачу...

Мы снова пересекли лесок, вышли на дорогу, и Лера показала мне чей-то недавний след:

— А я думала, что, кроме нас, никто не поедет кататься в Новый год на лыжах.

Мы проехали через весь маленький дачный поселок, пока не добрались до ее дома. Лера отворила калитку, и мы на лыжах подкатили к террасе. Снег еще не сровнял клумб и гряд на участке, и повсюду торчали из него колышки с привязанными бирками: «Роза аквитанская», «Гладиолусы голландские»...

Лера сказала:

— У нас очень красивый сад. Летом тут столько цветов! — Помолчала и добавила: — Только я все равно не люблю его. Здесь не ступи, туда не ходи, обязательно помнешь что-нибудь. Я поле люблю, лес...

Мы поставили лыжи на террасе, сбили с них снег, и Лера дала мне ключ.

— Ну-ка, отопри это ржавое чудовище.

Я отворил дверь. Окна в комнате заиндевели, и поэтому здесь было темнее, чем на террасе. И холоднее. В углу стояла большая русская печь. Лера сказала:

— Иди, Стас, в сарай за дровами, а я пока попробую растопить печь.

Она стала запихивать в топку бумажки, газеты, обломки старого стула, а я пошел в сарай. Поленьев там не оказалось, но я нашел несколько толстых березовых чурбаков и тупой топор. Я выкатил чурбаки на улицу и стал колоть их. Дерево раскалывалось с тихим треском. А тишина стояла вокруг такая бездонная, что мне казалось, будто на тысячу верст вокруг ничего живого не было. На террасу выбежала Лера:

— Стас, руби скорее, а то вся моя растопка сгорит.

Я насовал в печь сосновых сучьев, щепок, огонь взметнулся, и мы бросили туда несколько поленьев. Лера грустно кивнула на замерзшую в ведре воду:

— Придется тебе, Стас, бежать за водой на колодец.

Пронзительно скрипел в морозной сухой тишине ворот, бадейка лениво плескалась на дне колодца. Когда я поднимал ее вверх, капли срывались и с тонким долгим звоном летели вниз.

Солнце уже садилось в клубящиеся оранжевые облака за лесом, разбрасывая вокруг мягкие фиолетовые тени. Мороз щипал уши и щеки.

У нас были с собой две банки консервов, буханка хлеба и бутылка шампанского. Где-то в шкафу Лера нашла целую бутыль с вишневкой, и мы размешивали ее с шампанским. Странный получился напиток, но от него кружилась голова, все тихо звенело вокруг.

Мы сидели с Лерой на медвежьей шкуре перед открытой дверцей печки, протянув ноги к теплу, и смотрели на пламя. Свой необыкновенный коктейль мы пили из больших глиняных кружек, и я, размахивая кочергой, рассказывал Лере какие-то небылицы — о том, что было, и о том, что будет, а вернее, чего не было, а впоследствии не стало.

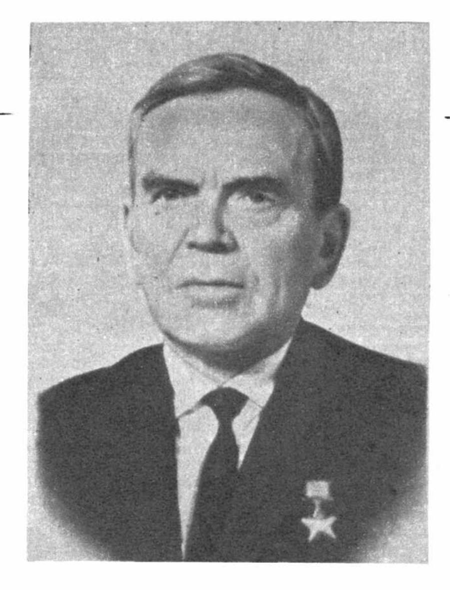
Лера сказала тогда:

— Ну, закончишь ты юридический, будешь ловить хулиганов и убийц. А какой смысл? Какой смысл ловить одного убийцу, когда в мире каждый день легально убивают сотни людей? Когда дня не проходит в мире, чтобы не воевали?..

Не помню, что я тогда возразил, но что-то я говорил — убежденно и страстно, наверняка бестолково и несвязно, потому что передо мной светило ее лицо — круглое, чуть скуластое, с острым сломом бровей, а от черных прямых волос пахло дымом и подснежниками...

Продолжение следует.

РЫЦАРЬ АРКТИКИ

ПАМЯТИ Э. Т. КРЕНКЕЛЯ

Умер Герой Советского Союза Эрнст Теодорович Кренкель.

Уже давно стали взрослыми люди того поколения, которое у Кренкеля и его товарищей училось мужеству, человеческому благородству, готовности к самопожертвованию ради высокой цели. Многим эти уроки пригодились в суровую пору Великой Отечественной войны.

Нынешние дети не играют в челюскинцев и папанинцев. Дети семидесятых годов любят играть в космонавтов... Но, склоняя головы перед светлой памятью благородного рыцаря Арктики, мы видим прямую связь между покорителями полюса и покорителями космоса, между героями тридцатых годов и годов семидесятых. Вот что рассказывают об Эрнсте Теодоровиче Кренкеле его долголетние друзья и соратники.

* * *

Говорят, чтобы узнать человека, надо съесть с ним пуд соли. Полярники считают: для этого достаточно одной зимовки. С Эрнстом Теодоровичем Кренкелем мы провели бок о бок девять месяцев — 274 незабываемых дня на дрейфующей станции «Северный полюс-1».

Радист на зимовке всегда чуть-чуть особенный человек. Через радиста проходит тот главный нерв, что связывает горстку людей с Большой землей, со страной, с миром.

Но Эрнст Теодорович Кренкель был особенный человек не просто потому, что был радистом.

Все мы четверо не были новичками в Арктике. Кренкель же в свои тридцать четыре года был уже ветераном, он имел за плечами тринадцатилетний стаж полярника. И какой стаж! Зимовал на одной из первых советских полярных станций на Маточкином Шаре, был одним из основателей обсерватории на Земле Франца Иосифа, возглавлял станцию на Северной Земле. Он участвовал в международной экспедиции на дирижабле «Цеппелин» и в походе ледокола «Сибиряков», впервые прошедшего за одну навигацию весь Северный морской путь — от Мурманска до Берингова пролива. Он был, наконец, легендарным радистом «Челюскина» и вместе с Петром Петровичем Ширшовым имел уже опыт ледового дрейфа. Опыт этот, кстати, весьма пригодился в трудные для нашей станции дни.

Эрнст Теодорович был очень сильный человек. Помню, когда при полете через полюс в Америку пропал самолет Леваневского, наш радист больше двух суток провел у рации в надежде поймать сигнал с исчезнувшего самолета. Вообще у радиста распорядок дня был нелегкий. Каждую ночь он дежурил, а днем спал урывками, в три «порции», часа по два. По ночам Кренкель любил посидеть у приемника. Он называл это «разговаривать с миром». Ему отвечали радиолюбители многих стран, однажды, помнится, удалось побеседовать даже с Южной Австралией... Утром Эрнст Теодорович сообщал нам новости со всего света.

Эрнст Теодорович Кренкель был мужественный человек. Он гордился тем, что даже с тонущего «Челюскина» не подал сигнала SOS. В трудные минуты — а наш плавучий лагерь оказался на обломке льдины размером тридцать метров на пятьдесят,— в трудные минуты Кренкель, бывало, заведет патефон или предложит сыграть в шахматы. Сколько партий я ему проиграл — не счесть!.. Когда трещина прошла буквально рядом с палаткой и срочно надо было из нее выбираться, Кренкель в своем обычном шутливом тоне сказал: «Давайте прежде всего чайку попьем». Этот свойственный Эрнсту Теодоровичу шутливый тон поддерживал нас и в часы опасности и в долгие пуржливые дни, когда, лишенные радиосвязи, отрезанные от всего мира, мы ждали и не могли дождаться конца непогоды.

Спасибо судьбе за то, что она подарила нашей четверке такого прекрасного и верного товарища, как Эрнст Теодорович Кренкель. Писать об этом человеке в прошедшем времени очень больно.

Дважды Герой Советского Союза,
доктор географических наук
И. Д. ПАПАНИН

* * *

Эрнст Теодорович прожил замечательную жизнь, богатую, красивую. Его вклад в любую область деятельности, которой он касался, очень велик, и каждый из них сделал бы честь любому человеку, оправдал бы любую жизнь, вызвал бы справедливое уважение и признательность. Но всего дороже для нас, для нашего народа это то, что он сделал для освоения Арктики и для развития советской радиотехники.

Он начал работать в Арктике тогда, когда Арктика не рассматривалась как арена героических действий, когда жизнь и работа полярника была заурядной, такой же, как жизнь любого моряка. Не сулила она ни славы, ни известности, ни большого заработка. И люди, которые туда шли в то время, они-то и сделали Арктику той, что она есть сейчас. Шли туда энтузиасты, для которых это была возможность выйти на рубеж освоения природы человеком, на рубеж науки. Так выходил в Арктику и Эрнст Теодорович.

Слава, известность пришли к нему потом. Они были заслужены, завоеваны буквально в поте лица. Ему было тяжело работать, в особенности первое время трудно, как и всем его товарищам. Но так же трудно каждому нести ответственность и свою известность, свою славу. Если он подавал пример в труде на отдаленных полярных станциях, в маленьких коллективах, которых никто и не знал, то так же подавал он нам всем пример и в том достойном коммуниста, правильном поведении, в работе и жизни, когда он был уже известным всей стране человеком.

И до самых последних дней он при всем этом оставался неисправимым мечтателем. По крайней мере два или три года подряд он убеждал меня: вот есть англичанин Чичестер, старик, который проплыл на своей яхточке вокруг света и показал пример мужества и доблести. «Знаешь, говорит, давай найдем какой-нибудь островишко в Ледовитом океане. Построим там маленькую станцию. Доверьте мне, чтобы я был там один, прожил бы там, проработал, провел бы все наблюдения и держал радиосвязь». Уже пожилым человеком, уже приближаясь к старости, он хотел еще раз схватиться с Арктикой, не в относительном комфорте современных полярных станций, не в сильном коллективе современной дрейфующей экспедиции, а вот так, по-старому, один на один, чтобы показать молодежи пример мужества, умения вот в таком одиночном бою. Очень трудно было отговорить его от этого. Очень трудно.

Эрнст Теодорович многому нас научил. Я ему лично многим обязан в своей жизни, как и многие из тех, кто с ним работал, многому у него научился. И вот, если подумать: а что нам нужно от него более всего унаследовать? Я полагаю, чувство долга, с которым он всю свою жизнь прожил. Он был воплощением долга перед своими товарищами, в любом коллективе, где он работал. Он выполнял долг коммуниста в любом поручении, которое ему давалось, на любом посту, в любой момент своей жизни.

Мы никогда не забудем тебя, Эрнст Теодорович.

Герой Советского Союза,
академик **Е. К. ФЕДОРОВ**

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ КАРУСЕЛЬ

ФЕЛЬЕТОН

Гражданка Дания Амирова, наша современница, решила развестись с гражданином Вилем Амировым, также проживающим в наши дни. Какое-то время ее супруг пребывал в бегах, но вот она обнаружила его следы в Нукусе и по территориальности обратилась в народный суд этого города. Она просила у суда немного: признать их брак недействительным и оформить на этот счет соответствующие документы.

По существующему законодательству расторжение брака в Нукусе ничем не отличается от такой же процедуры в Ташкенте или в Вологде. Суд, рассмотрев заявление, выслушав мнение супругов, разводит их или предлагает пойти на мировую и попытаться сохранить семью.

Народный судья М. Дильдаев избрал третий путь.

«Нукусский городской нарсуд,— сообщил он Дании Амировой,— при этом возвращает вам ваш иск о разводе с гр-ном Амировым для обращения непосредственно в загс с заявлением Амирова».

Ну что же, согласно новому законодательству о семье и браке, такой путь тоже существует. Чтобы не разводить судебную канитель, неужившиеся супруги могут сказать друг другу последнее «будь здоров» в том же самом загсе, где они некоторое время тому назад в присутствии представителей власти клялись в вечной и нерасторжимой любви.

Но в данном случае загс отпадал потому, что заявительница выяснила некоторые детали из биографии своего супруга, на которые должен был обратить внимание суд. Заявительнице стало известно, что Амиров В. Х. до свадьбы с ней уже клялся в вечной и нерасторжимой любви другой женщине. И что он скрыл свой первый брак. И не только от нее, но и от представителей власти.

Естественно, полагала заявительница, суд должен в этом разобраться и, разобравшись, сделать соответствующие выводы по отношению к Амирову. Выводы как моральные, так и материальные.

Амирова не согласилась с решением судьи Дильдаева и попросила прокурора Каракалпакской АССР заставить судью принять ее заявление и рассмотреть его. Как полагается по закону.

Помощник прокурора республики младший советник юстиции Б. Ахмедова напомнила судье Дильдаеву о его обязанностях. Руководствуясь статьей 115-й Гражданского процессуального кодекса Узбекской ССР, младший советник юстиции по-хорошему просила судью ускорить рассмотрение дела.

Но судья Дильдаев по-хорошему не внял.

Тогда в дело о разводе вступает Верховный суд Узбекской ССР. Заместитель председателя суда Х. Мухитдинова направляет жалобу Амировой в Верховный суд Каракалпакской республики. «Проверьте причины волокиты и о результатах сообщите заявительнице»,— строго требует она.

А что же Верховный суд Каракалпакской АССР? А Верховный суд направил жалобу министру юстиции Каракалпакской республики товарищу Алланазарову. По принадлежности. И в сопроводительной бумаге председатель Верховного суда товарищ Утамбетов тоже дал верную оценку действиям судьи Дильдаева.

«Из жалобы видно,— констатировал товарищ Утамбетов,— что народный суд города Нукуса необоснованно дважды вернул исковое заявление Амировой, не приняв в свое производство, тем самым допустил волокиту».

Вы видите, как дружно бросились юристы самых различных рангов на борьбу с этой проклятой волокитой. Ну, уж теперь ей несдобровать. И товарищу Дильдаеву, как главному виновнику, тоже.

Вот послушайте, сколько металла звенит в голосе заместителя министра юстиции товарища Абыллаева, когда он распекает нерадивого судью Дильдаева:

«Предлагаю срочно принять меры к рассмотрению данного материала и результаты сообщить заявительнице Амировой».

И что правда, то правда, судья Дильдаев наконец внял. А вняв, он почти немедленно, почти срочно направил заявительнице Амировой такое вот послание:

«В связи с поступлением вашего иска о расторжении брака с Амировым В. Х. прошу выслать свидетельство о браке в подлиннике и квитанцию об уплате госпошлины в размере 10 (десяти) рублей».

Дания Амирова выслала в Нукус и то и другое. И свидетельство о браке (в подлиннике). И квитанцию об уплате госпошлины. В сумме 10 (десяти) рублей.

Выслала на другой же день после того, как получила письмо из Нукуса.

И после этого товарищ Дильдаев снова замолчал. И теперь уже надолго. Письма и телеграммы заявительницы оставались без ответа месяц, другой.

Наконец в конце августа, как пишет Амирова, бюрократическая карусель начала свой второй оборот.

Она написала письмо в Верховный суд Узбекистана. Теперь уже другой заместитель председателя, А. Добронравов, направил его... Совершенно верно, в Верховный суд Каракалпакской АССР.

А уже знакомый читателю А. Абыллаев, ставший к этому времени председателем Верховного суда Каракалпакии, направил его... Вы опять угадали — министру юстиции автономной республики Д. Алланазарову.

А Д. Алланазаров направил...

Очевидно, вы опять бы догадались — это не так трудно. Но Дания Амирова не выдержала этой бюрократической карусели.

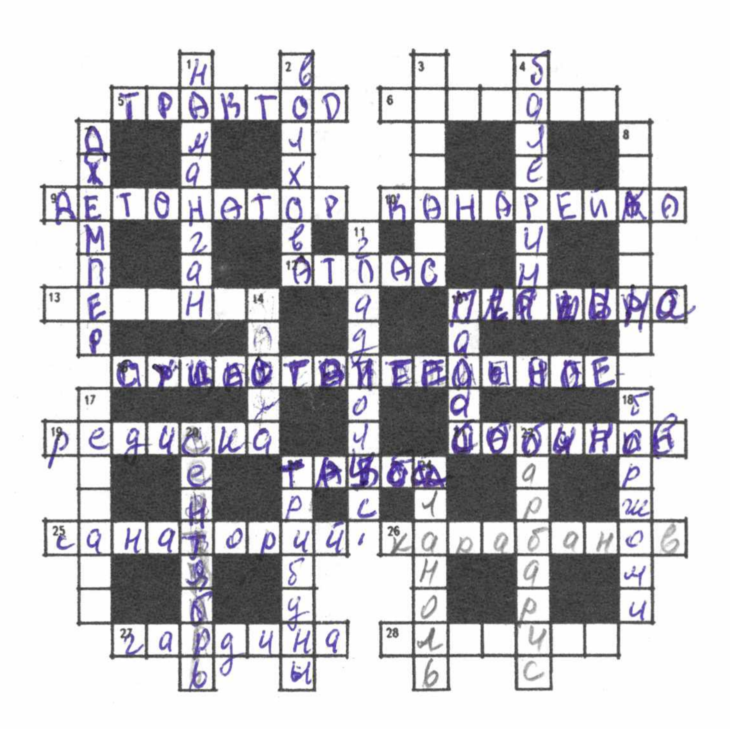
Это оказалось выше ее сил.

Она собрала все винтики и колесики от этой карусели и прислала их в редакцию.

«Сколько же можно,— пишет Амирова,— издеваться над человеком, который добивается элементарного осуществления своих законных прав?!»

Что тут скажешь? Вопрос поставлен правильно.

А. СУКОНЦЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Сельскохозяйственная машина. 6. Самый большой остров в Балтийском море. 9. Взрыватель основного заряда в боеприпасах. 10. Певчая птица. 12. Сборник географических карт. 13. Русский естествоиспытатель. 15. Металл. 16. Часть речи. 19. Овощное растение. 21. Русский певец. 23. Духовой инструмент. 25. Лечебно-профилактическое учреждение. 26. Персонаж «Педагогической поэмы» А. Макаренко. 27. Оконная занавеска. 28. Порт в Польше.

По вертикали: 1. Город в Узбекистане. 2. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко». 3. Роман Б. Горбатова. 4. Танцовщица. 7. Вязаная кофта. 8. Предприятие пищевой промышленности. 11. Цветок. 14. Малая планета. 15. Ковер. 17. Груз для увеличения веса судна. 18. Курорт в Грузии. 20. Месяц года. 22. Ягода. 23. Места на стадионе. 24. Озеро в Казахстане.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали: 4. Гортензия. 9. Волейбол. 10. Мармелад. 11. Циклотрон. 12. Филин. 13. Тиски. 15. Кроки. 18. Градобоев. 19. «Лауренсия». 20. Гониометр. 23. Кербабаев. 25. Цапфа. 26. Эрбий. 29. Бордо. 30. Уравнение. 31. Линкруст. 32. Денебола. 33. Генератор.

По вертикали: 1. Звенигород. 2. Моховик. 3. Филатов. 5. Ровница. 6. Лексикология. 7. Рефрижератор. 8. Каракас. 14. Гомер. 15. Кварц. 16. Илька. 17. Пудра. 21. Наречие. 22. Спендиаров. 24. «Анджело». 27. Браслет. 28. Пименов.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Туристы на привале. Карельский перешеек.

Фото Р. Мазелева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 30/XI-71 г. А 00666. Подп. к печ. 14/XII-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2430. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2215.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Автопортрет. 1498 год.

ВСТРЕЧА С ДЮ

Владимир ЛОМЕЙКО

Я поднимаюсь по ступенькам дюреровского дома. Два нижних этажа — из камня. Два верхних — деревянная постройка. Крепко срубленные прокопченные стены. Хвала мастерам строительного дела, добротно сложившим этот дом в 15-м веке.

Время стерло следы Хозяина дома. Слишком многие после него обживали эти стены, пока в 1825 году город не приобрел в свою собственность этот дом. С тех пор он, как подобает тому, стал национальной реликвией. Благодарные потомки бережно восстановили обстановку и утварь дюреровского времени...

21 мая 1471 года в семье золотых дел мастера родился мальчик Альбрехт Дюрер. Из восемнадцати братьев и сестер выжило только трое. Семья, где дни рождения чередовались с днями смерти, жила в тяжком повседневном труде. Альбрехт стал учеником в отцовской мастерской. С большим трудом ему удалось добиться у отца разрешения брать уроки у соседа — художника Вольгемута. В 13 лет он впервые нарисовал автопортрет. С тех пор не раз он пристально вглядывался в зеркало. Пожалуй, ни один другой художник не рисовал себя так часто и по-разному. Психологи до сих пор бьются над разгадкой этого феномена...

Что влекло художника к самовыражению? Что заставляло его вновь и вновь вглядываться в собственные черты? Поиски ответа на загадку мироздания? Или же стремление ухватить мелькнувшее мгновение. Бесспорно одно: художник был далек от самолюбования. Каждый его автопортрет — самооткровение и поиск истины. Он чувствовал ее в себе и в окружающем мире, частицей которого он себя ощущал.

В отчем доме Дюрер познает суть простых Вещей, окружающих человека в жизни. Во время своих долгих путешествий вдоль Рейна, затем в Италию и Нидерланды художник открывает для себя Мир и Человека. Он стряхивает с себя заскорузлость мещанских представлений и с наслаждением погружается в богатство человеческого общения. Приученный с детства ценить каждый грош, он узнает, что в мире существует высшая ценность — личность человека. Она поражает его своей неповторимостью и глубиной характеров. Так рядом с талантом художника в Дюрере зреет глубокий гуманизм и подкупающая демократичность. Эта редкая встреча «искры божьей» с искрой человеческой родила неугасимое дюреровское пламя. Его отсвет — на полотнах и гравюрах мастера, исполненных яростного поиска правды жизни. Волшебные блики этого пламени завораживают нас у картин художника. Потрясенные, мы снова и снова вглядываемся в окружавший его мир его глазами. Вот молоденькая женщина. Облокотившись, она опустила голову и, кажется, задумалась на минутку... Под рисунком подпись: «Моя Агнес», 1495 год. В 1494 году Дюрер женится на 19-летней Агнес Фрей из обедневшей, но известной в Нюрнберге семьи. Через 26 лет, в 1521 году, художник снова нарисует ее портрет. Портрет жены, зрелой женщины с плотно сжатыми уголками губ и твердым взглядом. Все эти годы она была его верным другом и помощником. Как и мать Дюрера, она держала свой стенд на ярмарках Нюрнберга и Франкфурта, где продавала резьбу по дереву и гравюры на меди, сделанные Альбрехтом Дюрером. В 1497 году художник открывает собственную мастерскую с печатным прессом и начинает издавать графические серии в переплете. Гравюры Дюрера пользуются успехом и спросом от Венеции до Лондона. Уже при жизни художника слава его проникает во все города Европы. Во время его поездки в Голландию и Венецию его чествуют не только как великого художника. Он уже известен своими теоретическими работами по живописи, по инженерной фортификации. Дюрер охвачен жаждой знаний и деятельности. Ему хотелось испытать свои силы во многом...

Он умер в 1528 году, когда слава его умножала известность Нюрнберга. Через два дня после погребения художники города извлекли гроб и сделали маску и слепок руки мастера. Время и распри не пощадили реликвии... Но пять веков достойны не обиды, а уважения. Если вдуматься: полтысячелетия! А мы ходим по лестницам и комнатам, где ходил Мастер. И в конце встречи с ним можно положить цветы на его могилу, у плиты, где выбита посмертная надпись: «Здесь, под этим холмом, покоится все, что было смертным у Альбрехта Дюрера».

...Я брожу по каменистым переулкам старого города, по залам Германского национального музея, где выставлены дюреровские шедевры, вслушиваюсь в разноречье людского потока и постепенно весь наполняюсь торжественной музыкой. Но что-то беспокойное слышится в юбилейном хорале. Что-то мешает ощущению полной естественности праздника. Среди мощных аккордов дюрерианы, наполняющих торжественностью город, нет-нет да и прорвется фальшивая нота. То там, то здесь она звучит в навязчивом подтексте: величие Дюрера должно помочь вернуть Нюрнбергу доброе имя.

Честные немцы знают, что было и есть два Нюрнберга. И те, кому дорог Нюрнберг Дюрера, с болью и горечью говорили о нацизме.

Ветер несет по городу обрывки плакатов. Бредут старые баварцы, еще не потерявшие военной выправки. Идут молодые парни из «Судетско-немецкой молодежи» со значками и эмблемами встречи. Закончилось одно из так называемых федеральных сборищ «Землячества судетских немцев».

Но эти тени не заслонят от нас Дюрера. Чествуя великого Мастера, мы чествуем в его лице демократические и гуманистические традиции Нюрнберга. Сегодняшняя борьба демократических сил против реакции и неонацизма, по существу, продолжение Реформации и Крестьянской войны, начавшейся во времена Дюрера. Это столкновение двух разных мировоззрений пронизывает всю историю Нюрнберга со времен средневековья.

Сам художник не бежал от социальных битв. Более того, он был на стороне восставшего крестьянства. И когда рыцари феодализма расправлялись с бунтовщиками, он предложил свой эскиз для Триумфальной колонны. «Пусть скот и плоды земледелия,— писал он в пояснении к своему рисунку,— которые взращиваются благодаря прилежанию крестьян, будут располагаться вокруг колонны и на ней, а сверху всего бедный крестьянин, пронзенный мечом».

У Дюрера много поклонников. Но каждый находит в нем свое, отвечающее его мироощущению. Западногерманские коммунисты приветствуют жизнеутверждающую силу его реализма, его глубокий демократизм. В рамках дюреровских торжеств они развернули в Нюрнберге выставку произведений революционных художников двадцатых годов. Этим они демонстрируют свою связь с великим Дюрером и преемственность гуманистических традиций...

Профессор Арно Шёенбергер, генеральный директор Германского национального музея, оказался хранителем сказочных сокровищ. Произведения Дюрера, собранные со всего света, оценены в 250 миллионов марок. Чтобы уберечь их от всякого риска на время работы выставки, над центром города запрещены полеты самолетов.

Профессор с благодарностью говорит о картинных галереях многих стран, которые согласились прислать в Нюрнберг дюреровские шедевры из своих коллекций. Среди них — высокая похвала в адрес Ленинградского Эрмитажа.

— К сожалению, на выставке нет известных портретов Ганса и Фелиситас Тухер, созданных Дюрером в 1499 году,— говорит нам экскурсовод. И я слышу печальную историю о том, как в первые дни после войны оба портрета были выкрадены из Веймарского музея американцами и переправлены за океан. Нью-йоркский адвокат Эвард Эликофон купил их с рук за 500 долларов. Несмотря на все жалобы, претензии и требования, портреты Тухеров остались в американских сейфах.

Но гений и талант нельзя запереть, как золото, в сейфах. Дюрер принадлежит всему миру. И человечество сегодня с гордостью встречается со своим Гражданином, который в далекую эпоху Возрождения воспел свободу и правду жизни.

Нюрнберг — Бонн
(АПН — специально для «Огонька»)

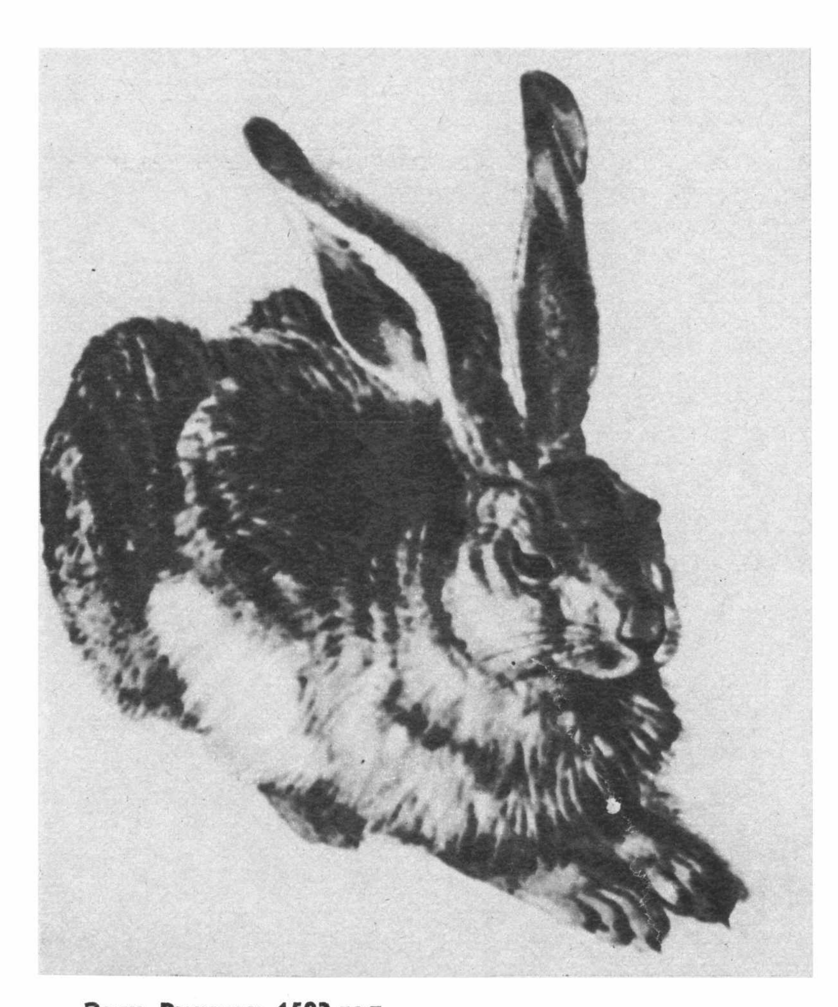
Голова старика. Рисунок кистью (фрагмент). 1521 год.

Крестьяне. Рисунок. 1496—1497 годы.

РЕРОМ

Заяц. Рисунок. 1502 год.

Штудия рук. Подготовительный рисунок к Геллеровскому алтарю. 1508 год.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.